
МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
БК
Алистер Маклин
ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА
«АЗБУКА»

Последняя граница
Алистер Маклин

Аннотация
Алистер Маклин. Последняя граница
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15

Аннотация

«Последняя граница» – шпионский триллер, посвященный событиям холодной войны. Британский секретный агент противостоит тайной полиции Венгрии, выполняя миссию по спасению похищенного ученого, своего соотечественника. В 1961 году роман был экранизирован под названием «Тайные пути».

Алистер Маклин
Последняя граница

THE LAST FRONTIER
First published in Great Britain by Collins 1959
Copyright © HarperCollinsPublishers 1959

© А. П. Александров, перевод, 2025
© К. П. Плешков, перевод, 2025
© Д. В. Попов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Посвящается Гиллеасбургу

Глава 1

С севера, не утихая, дул ветер. Холодный ночной воздух обжигал лицо. На снегу не видно никакого движения. Под застывшими в вышине звездами во все стороны простиралась бесконечная замерзшая равнина — пустая, безлюдная, она сливалась в туманной дали с пустым горизонтом. Надо всем царила мертвая тишина.

Рейнольдс знал: пустота эта обманчива. Как и безлюдье, и тишина. Реален здесь только снег — снег и пробирающий до костей холод, ледяным саваном окутавший его с головы до пят и непрерывно сотрясающий тело жестокими, неконтролируемыми судорогами, как при малярийной лихорадке. Может быть, и едва заметно овладевающая им дремота — только лишь обман чувств? Но нет, и это реальность, и он прекрасно понимает, чем все может закончиться. Решительно, почти свирепо отринув мысли о снеге, холоде и сне, он сосредоточился на том, как ему остаться в живых.

Медленно, аккуратно, избегая малейших звуков и движений, он просунул закоченевшую руку

за отворот пальто, достал из нагрудного кармана носовой платок, скомкал его и запихнул в рот — это поможет стать невидимым и неслышимым, насколько возможно: кляп рассеет пар изо рта, поднимающийся в морозном воздухе, и заглушит стук зубов. Затем он осторожно повернулся в глубоком заснеженном кювете, в который свалился, и протянул руку, почему-то покрывшуюся от холода синими и белыми пятнами, за фетровой шляпой (слетевшей у него с головы, когда он рухнул с ветки дерева, которая сейчас нависала над ним), нащупал ее и подтянул осторожно к себе. Потом хорошенько — насколько позволили онемевшие, почти уже ни на что не годные пальцы — присыпал тулью и поля приличным слоем снега, натянул шляпу пониже на выдававшую его копну черных волос и стал до нелепости неспешно приподнимать голову и плечи, пока сперва поля шляпы, а затем и глаза не оказались выше края кювета.

Отчаянно дрожа, он все-таки сумел собраться всем телом, как натянутая тетива, в напряженном, тошнотворном ожидании крика, который возвестит, что его заметили, или выстрела, или оглушающего удара, который отправит его в небытие, когда пуля попадет в незащищенную

цель — его голову. Но никто не крикнул и не выстрелил, лишь с каждым мгновением обострялись его чувства. Бегло окинув взглядом линию горизонта, он убедился: по крайней мере, поблизости нет ни души.

Двигаясь все так же осторожно и медленно, очень, очень постепенно разрешая себе дышать свободнее, Рейнольдс выпрямился и встал на колени. Он по-прежнему дрожал от холода, но уже не замечал этого, сонливость как рукой сняло. Он снова обвел внимательно зоркими карими глазами весь горизонт — на этот раз не торопясь, как бы прощупывая его, стараясь ничего не упустить, и вновь не обнаружил ничего подозрительного. И никого. Вообще ничего, только ледяное мерцание звезд на темном бархате неба, плоскую белую равнину, несколько рощиц, разбросанных здесь и там, да извилистую ленту дороги рядом, плотно утрамбованную зимними шинами тяжелых грузовиков.

Рейнольдс опустился обратно в глубокую яму, образовавшуюся при его падении в заваленный снегом кювет. Ему нужно было время. Время нужно было, чтобы отдышаться, чтобы легкие перестали жадно ловить воздух: прошло всего каких-то десять минут с того момента, когда гру-

зовик, в кузов которого он тайно забрался, был остановлен полицейским блокпостом. Произошла короткая, яростная схватка с двумя ничего не подозревавшими полицейскими, полезшими осматривать кузов (пришлось орудовать пистолетом, держа его рукояткой вверх), затем он стремглав бросился к спасительному повороту дороги; с милю, задыхаясь, бежал до небольшой рощицы, у которой сейчас лежал в полном изнеможении от пережитого. Время нужно было и для того, чтобы понять, почему полицейские так легко отказались от погони, — они ведь знали, что он будет держаться дороги: сойти с нее в глубокий, нетронутый снег по любую сторону означало бы не только замедлить шаг и едва тащиться, но и тут же выдать себя следами, которые так хорошо видны в эту звездную ночь. Ну и, прежде всего, время нужно было, чтобы подумать, спланировать дальнейшие действия.

Майкл Рейнольдс никогда не тратил времени на самобичевание или размышления о том, что было бы, если бы он поступил иначе. Он прошел суровую школу, где строго-настрого воспрещалась праздная роскошь корить себя за то, чего уже никак не вернешь, копаться без всякой пользы в причинах неудач, горевать о непоправимом и

погружаться в тягостные раздумья и чувства, которые могли бы хоть сколько-нибудь помешать действовать с полной отдачей. Примерно пять секунд ушло у него на то, чтобы прокрутить в уме события последних двенадцати часов, а затем он выбросил все это из головы. Он бы снова сделал все точно так же. У него были все основания верить своему информатору в Вене, что воздушное сообщение с Будапештом приостановлено: ему сообщили, что в аэропорту никогда еще не принималось столь жестких мер безопасности, как на те две недели, когда должна была пройти международная научная конференция. То же самое происходило на всех главных железнодорожных станциях, и, как указывал источник, все пассажирские поезда дальнего следования усиленно патрулировались тайной полицией. Оставалась только автомобильная дорога: сначала нелегально перейти границу — не такой уж большой подвиг, если заручиться помощью специалиста, а у Рейнольдса такой был, причем самый лучший, — а затем прокатиться зайцем на каком-нибудь грузовике, едущем на восток. Тот же венский информатор предупредил, что на окраинах Будапешта почти наверняка где-нибудь будет блокпост, и Рейнольдс был к этому готов

— к чему он оказался не готов, так это к тому, что застава обнаружится к востоку от Комарома, милях в сорока от столицы (об этом не знал ни один из его информаторов). Такое может произойти с кем угодно — сегодня это случилось с ним. Рейнольдс мысленно философски пожал плечами, и прошлое перестало для него существовать.

Еще одно его свойство, не природное, а скорее привитое беспощадной психологической подготовкой за долгие годы обучения, заключалось в том, что мысли о будущем неукоснительно упорядочивались и направлялись по одному особому руслу, где исключалось все, кроме достижения одной конкретной цели. И сейчас, когда он лежал в мерзлом снегу, отстраненно и отрешенно думая, высчитывая, планируя и оценивая свои шансы, его лихорадочно проносящиеся мысли были лишены той эмоциональной окраски, которая обычно сопровождает размышления о возможностях успешного выполнения миссии или о трагических последствиях провала. «Всегда будь сосредоточен на текущей задаче, только на ней, — тысячу раз повторял полковник. — Для других успех или провал могут быть до зарезу важны, но тебе должно быть на это наплевать. Для тебя, Рейнольдс, никаких последствий не

существует и не должно существовать по двум причинам: когда о них думаешь, теряешь спокойствие и хуже соображаешь, и каждая секунда, которую ты тратишь на такие невеселые размышления, — это секунда, которую нужно и должно потратить на то, чтобы придумать, как выполнить стоящую перед тобой задачу».

Текущая задача. Только текущая задача. Рейнольдс невольно поморщился, ожидая, когда восстановится дыхание. Больше одного шанса из ста никогда не выпадало, а сейчас шансов во много крат меньше. Но задание ждет выполнения: нужно разыскать и вывезти Дженнингса со всеми его бесценными знаниями — только это имеет значение. Но если его, Рейнольдса, ждет провал, что ж, значит будет провал, вот и все. Может быть, он спалится уже сегодня, в первый день своей миссии, которому предшествовали восемнадцать месяцев самой суровой и безжалостной спецподготовки ради выполнения одного только этого задания, но это не важно.

Рейнольдс был в отличной физической форме — он был обязан в ней быть, как и все в группе спецов полковника, — и его дыхание уже почти полностью восстановилось. Что касается полицейских, выставивших блокпост, — их там,

кажется, было человек шесть, он успел заметить, как из домика-времянки выходила еще парочка, как раз когда он преодолел поворот, — то ему придется рискнуть: больше ничего не остается. Может быть, они останавливают и обыскивают только грузовики, движущиеся на восток, в поисках контрабанды, и им нет дела до охваченных паникой пассажиров, скрывающихся в ночи, хотя вполне вероятно, что те двое, которых он оставил стонать на снегу, могут проявить к нему интерес. Нужно действовать, он не может лежать здесь бесконечно долго, замерзая на холоде и рискуя, что его заметит кто-нибудь из зорких водителей проезжающих мимо легковушек и грузовиков.

По меньшей мере первую часть пути до Будапешта придется проделать пешком. Три-четыре мили протащиться по полям, а потом снова выйти на дорогу — так, по крайней мере, он окажется подальше от блокпоста, прежде чем решится попробовать сесть в машину. Дорога на восток поворачивает перед блокпостом влево, и ему было бы проще тоже пойти налево кратким путем, минуя изгиб дороги, по основанию треугольника. Но слева, то есть севернее, неподалеку протекает Дунай, и Рейнольдс побоялся оказаться в ловушке на узкой полоске земли между рекой и дорогой.

Ничего не оставалось, как двинуться на юг и обогнуть вершину треугольника на безопасном расстоянии — а в такую ясную ночь безопасным могло быть расстояние только очень приличное. Обход займет несколько часов.

Снова громко стуча зубами — он вынул платок, чтобы большими судорожными вдохами втягивать в себя воздух, которого требовали легкие, — продрогший до костей, ощущая беспомощность лишившихся всякой чувствительности конечностей, Рейнольдс заставил себя встать на нетвердые ноги и принялся счищать с одежды мерзлую корку снега, поглядывая на дорогу в направлении полицейского блокпоста. Через секунду он снова лежал ничком в засыпанной снегом канаве, сердце тяжело стучало в груди, а правая рука отчаянно пыталась извлечь пистолет из кармана пальто, куда Рейнольдс засунул его после схватки с полицией.

Теперь он понимал, почему полицейские не спешили его искать, — они могли себе это позволить. Но чего он не мог понять, так это того, как по собственной глупости он решил, что обнаружить его могут только благодаря какому-нибудь предательскому движению или неосторожному звуку. Ведь существуют еще и запахи — он совсем

забыл о собаках. Даже в полумраке нельзя было ошибиться в том, какая собака семенит впереди по дороге, рьяно нюхая воздух: ищейку ни с кем не спутаешь, если есть хоть какой-то свет.

Кто-то из приближающихся вдруг крикнул, остальные возбужденно заговорили, и он снова поднялся на ноги. Сделав всего три шага, он оказался у деревьев. Надеяться на то, что его не заметили в этом белоснежном просторе, не приходилось. Сам он успел разглядеть, что полицейских было четверо, каждый с собакой на поводке. Остальные три собаки точно были не ищейки.

Он зашел за ствол дерева, чьи ветви совсем недавно дали ему ненадолго столь ненадежное убежище, достал из кармана ствол и посмотрел на него. Превосходно сделанный миниатюрный бельгийский автоматический пистолет калибра 6,35 мм специального изготовления представлял собой высокоточное смертоносное оружие, из которого он в десяти случаях из десяти попадал в цель размером меньше человеческой ладони с расстояния в двадцать шагов. Но он знал, что этой ночью ему трудно будет попасть в человека даже с половины этого расстояния: дрожащие онемевшие руки совсем не слушались. Маши-

нально он поднес пистолет к глазам, и его губы сжались: даже в тусклом свете звезд он увидел, что ствол забит смерзшейся грязью и снегом.

Рейнольдс снял шляпу и, держа ее за поля на уровне плеч, чуть высунулся из-за дерева, подождал пару секунд, пригнулся как можно ниже и рискнул бросить быстрый взгляд на полицейских. В пятидесяти шагах от него, если не ближе, двигались в ряд четверо с собаками на натянутых поводках. Рейнольдс выпрямился, достал из внутреннего кармана шариковую ручку и быстро, но без спешки, принялся прочищать ствол от мерзлого снега. Онемевшие руки его подвели, ручка выскользнула из негнущихся пальцев и острием вниз нырнула в глубокий снег. Искать ее бесполезно, ничего уже не успеть.

По уезженному снегу дороги хрустко скрипели сапоги со стальными подковами. Тридцать шагов, а может, и меньше. Он протиснул белый указательный палец в спусковую скобу, прижал внутреннюю сторону запястья к твердой шершавой коре, готовый обхватить дерево — нужно будет сильно прижаться к стволу, чтобы обеспечить хоть какую-то устойчивость дрожащей руке, — а левой рукой пошарил на поясе, доставая нож с подпружиненным лезвием. Пистолет был

предназначен для людей, нож — для собак, шансы были почти равны: полицейские приближались к нему, растянувшись по всей ширине дороги, винтовки свисали с согнутых рук — неумелые дилетанты, не знающие ни что такое война, ни что значит смерть. Вернее, шансы были бы почти равны, если бы не проблема с пистолетом: первый выстрел может прочистить забитый ствол, а может и оторвать ему руку. В общем, шансы явно не в его пользу, но на подобных заданиях шансы всегда были не в его пользу: текущая задача остается текущей, и ее выполнение оправдывает любой риск, кроме того, что ведет к самоубийству.

Пружина ножа громко щелкнула и выпустила лезвие — двенадцатисантиметровую полоску обоюдоострой вороненой стали, зловеще сверкнувшую в свете звезд. В ту же секунду Рейнольдс обогнул ствол дерева и навел пистолет на ближайшего из наступающих полицейских. Палец на спусковом крючке напрягся, задержался и ослаб. Рейнольдс снова скользнул за ствол дерева. Рука снова, еще сильнее, задрожала, а во рту внезапно пересохло: он вдруг понял, к какой породе принадлежат остальные три собаки.

С неопытными деревенскими полицейскими,

как бы они ни были вооружены, он бы справился, с ищейками — тоже, и с немалыми шансами на успех, но только безумец попытался бы помериться силами с тремя обученными доберман-пинчерами, самыми свирепыми и лютыми бойцовыми собаками в мире. Быстрого, как волк, сильного, как немецкая овчарка, безжалостного убийцу, не ведающего страха добермана может остановить только смерть. Рейнольдс даже не колебался. Шанс, которым он собирался воспользоваться, оказался не шансом, а верным способом самоубийства. Текущая задача оставалась единственным, что имело значение. У живого, хоть и взятого под арест, все-таки остается надежда; если же доберман-пинчер перегрызет ему горло, то ни Дженнингсу, ни секретам старика-ученого домой уже не вернуться.

Рейнольдс приставил острие ножа к дереву, задвинул подпружиненное лезвие в кожаные ножны, положил нож себе на макушку и натянул на лоб шляпу. Затем швырнул пистолет к ногам изумленных полицейских и вышел на дорогу, в свет звезд, держа руки высоко над головой.

За двадцать минут они добрались до домика, в котором располагался блокпост. Ни при самом задержании, ни во время долгого марш-броска

по холоду не произошло ничего особенного. Рейнольдс ожидал, что в лучшем случае с ним обойдутся грубо, а в худшем — жестоко изобьют прикладами винтовок и сапогами со стальными подковами. Но полицейские вели себя безразлично-корректно, почти вежливо, совсем не выказывая ни злобы, ни враждебности, — даже тот, с посиневшей и покрасневшей челюстью, уже изрядно опухшей от удара рукояткой Рейнольдсова пистолета. Они чисто символически обыскали его на предмет наличия еще какого-нибудь оружия, и больше уже не тревожили, не задавали вопросов и не потребовали предъявить документы. От такой сдержанности и правильного до странности поведения Рейнольдсу стало не по себе: в полицейском государстве ожидаешь другого.

Грузовик, в котором он ехал в кузове, все еще стоял здесь. Водитель горячо спорил и жестикулировал руками, пытаясь убедить двух полицейских в своей невиновности — почти наверняка, как догадывался Рейнольдс, его подозревали в том, что он знал о пассажире у себя в кузове. Рейнольдс остановился, попытался заговорить и по возможности оправдать водителя, но ему это не удалось: двое полицейских, оказавшись на виду у

штабных и своего непосредственного начальства и желая, видимо, выслужиться, схватили Рейнольдса за руки и втащили внутрь помещения.

Тесная, грубо сработанная квадратная комнатушка, щели в стенах заткнуты мокрой газетой, скудная обстановка: дровяная переносная печка с дымоходом, выходящим на крышу, телефон, два стула, неширокий обшарпанный письменный стол. За столом сидел старший офицер, невзрачный низкорослый краснолицый толстяк средних лет. Похоже, ему хотелось, чтобы его свиные глазки пронизывали собеседника холодом, но это у него не очень-то получалось: подобная напускная властность выглядела как заношенный плащ. Пустое место, решил для себя Рейнольдс, возможно даже, при определенных обстоятельствах — например, таких, как сейчас, — опасное маленькое пустое место, но готовое при первом же настоящем властном напоре лопнуть, как проколотый надувной шарик. Немного шума, пожалуй, не повредит.

Рейнольдс высвободился из рук державших его полицейских, в два шага оказался у стола и с такой силой обрушил на стол кулак, что стоявший на этом шатком предмете мебели телефон подпрыгнул, издав тоненький звон, наподобие

колокольчика.

— Это вы тут главный? — спросил он сурово.

Человек за столом испуганно моргнул, спешно откинулся на спинку стула и начал было инстинктивно поднимать руки для самозащиты, но тут же опомнился и опустил их. И все это на глазах подчиненных, поэтому и без того красные шея и щеки офицера покраснели еще гуще.

— А кто же еще! — Его голос, поначалу напоминающий визг, понизился на октаву, когда он взял себя в руки. — Кто я, по-вашему?..

— Тогда, черт возьми, что за безобразие происходит? — Рейнольдс прервал его на полуслове, достал из бумажника пропуск и документы, удостоверяющие личность, и бросил их на стол. — Давайте, проверяйте! Посмотрите фотографию и отпечаток большого пальца, и побыстрее. Я и так уже опаздываю и не собираюсь препираться тут с вами всю ночь. Давайте же! Поторопитесь!

Маленькому человеку за столом не было чуждо ничто человеческое, и его впечатлила эта демонстрация уверенности и праведного негодования. Медленно и неохотно он придвинул к себе бумаги и взял их в руки.

«Иоганн Буль, — вслух прочитал он. — Родился в Линце в тысяча девятьсот двадцать третьем

году, проживает в Вене, коммерсант, импорт-экспорт деталей машин».

— И здесь я по специальному приглашению вашего министерства экономики, — негромко добавил Рейнольдс. Письмо, брошенное им на стол, было написано на официальном бланке министерства, штамп с датой на конверте поставлен в Будапеште четыре дня назад. Небрежно выбросив ногу, Рейнольдс подцепил стул, подвинул его к себе, сел и закурил — сигарета, портсигар и зажигалка были австрийского производства. Такая естественность и уверенность в себе не могли казаться поддельными. — Интересно, как это ночное происшествие оценит ваше начальство в Будапеште? — пробормотал он. — Думаю, вряд ли это повысит ваши шансы на продвижение по службе.

— В нашей стране рвение, даже излишнее, не является наказуемым проступком. — Голос офицера звучал вполне уверенно, но пухлые белые руки слегка дрожали, когда он вкладывал письмо обратно в конверт и протягивал бумаги Рейнольдсу. Он положил сцепленные руки перед собой на стол, уставился на них, затем наморщил лоб и перевел взгляд на Рейнольдса. — Почему вы убежали?

— О боже! — Рейнольдс в отчаянии покачал головой: этот очевидный вопрос назревал давно, и у него было достаточно времени, чтобы подготовиться. — А что бы вы сделали, если бы пара головорезов, размахивающих пистолетами, набросилась на вас в темноте? Лежали бы и позволили им безжалостно убить вас?

— Это были полицейские. Вы могли бы…

— Конечно полицейские, — едко перебил его Рейнольдс. — Сейчас я это вижу, но в кузове грузовика ни черта было не разглядеть.

Спокойный, в меру расслабленный, он непринужденно развалился на стуле, но мысли его неслись галопом. Нужно поскорее заканчивать этот разговор. Все-таки человек за столом — лейтенант полиции или что-то вроде того. Не настолько же он тупой, каким кажется с виду, а если так, то в любой момент можно ждать неудобного вопроса. Рейнольдс решил сделать ставку на дерзость: оставив враждебный тон, он заговорил дружелюбно.

— Послушайте, давайте забудем об этом. Я не считаю, что это ваша вина. Вы просто выполняли свой долг — какими бы печальными ни оказались для вас последствия вашего рвения. Давайте договоримся: вы обеспечиваете мне проезд до

Будапешта, а я обо всем забываю. Нет причин, по которым это должно дойти до ушей вашего начальства.

— Спасибо. Вы очень добры. — Полицейский офицер воспринял предложение Рейнольдса с меньшим энтузиазмом, чем тот ожидал; можно было даже предположить, что он произнес это несколько суховатым тоном. — Скажите мне, Буль, зачем вы залезли в этот грузовик? Вряд ли такие серьезные коммерсанты, как вы, пользуются подобным способом передвижения. Вы даже не поставили в известность водителя.

— Он бы наверняка отказал мне — у водителей есть инструкция, запрещающая брать пассажиров без разрешения. — В глубине сознания Рейнольдса предупреждающе зазвенел звоночек. — У меня срочная встреча.

— Но почему…

— В грузовике? — Рейнольдс печально улыбнулся. — У вас коварные дороги. Занесло на льду, съехал в глубокий кювет, и вот вам, пожалуйста, у моего «боргварда» сломана передняя ось.

— Вы ехали на машине? Но коммерсант, который спешит…

— Конечно, конечно! — Рейнольдс позволил прокрасться в свою интонацию нотке раздраже-

ния и некоторой толике нетерпения. — Летит самолетом. Но у меня в багажнике и на заднем сиденье было двести пятьдесят килограммов образцов деталей — такую тяжесть, черт возьми, на борт самолета не протащишь. — Он сердито затушил сигарету. — Этот ваш допрос просто смехотворен. Я доказал мои честные намерения, и я очень спешу. Так как насчет проезда до Будапешта?

— Еще два вопросика, и поедете, — пообещал офицер. Теперь он сидел, удобно откинувшись на спинку стула и сложив руки домиком на груди. Беспокойство Рейнольдса усилилось. — Вы приехали прямо из Вены? По главной дороге?

— Естественно! А как еще я мог приехать?

— Сегодня утром?

— Не говорите глупостей. — От Вены до места, где они находились, было чуть меньше ста двадцати миль. — Сегодня после обеда.

— В четыре часа? В пять?

— Позже. Ровно в десять минут седьмого. Я помню, что посмотрел на часы, когда проезжал через ваш таможенный пост.

— Можете в этом поклясться?

— Если нужно, то да.

Офицер кивнул, резко отвел взгляд, и этим

застал Рейнольдса врасплох: не успел он и шевельнуться, как три пары рук схватили его сзади, силой подняли на ноги, вывернули руки вперед и защелкнули на них наручники из блестящей стали.

— Какого черта? — Несмотря на шок, холодная ярость в голосе Рейнольдса прозвучала неподдельно.

— А такого, что искусный лжец не может позволить себе пользоваться непроверенными фактами. — Полицейский старался говорить спокойно, но в его голосе и глазах отчетливо читалось торжество. — У меня для вас новости, Буль, если это действительно ваша фамилия, во что я не верю ни на секунду. Австрийская граница закрыта на сутки для проезда кого бы то ни было — полагаю, это обычная проверка, — начиная с трех часов сегодняшнего дня. На ваших часах, значит, было десять минут седьмого?! — Теперь уже открыто ухмыляясь, он протянул руку к телефону. — Да, вам предоставят проезд до Будапешта, наглый самозванец, — на заднем сиденье полицейской машины и под охраной. Давненько мы не прихватывали шпионов с Запада: уверен, там будут рады обеспечить вам проезд, специально вам, пришлют из самого Будапешта.

Он вдруг замолчал, нахмурился, несколько раз нажал на рычажок, снова поднес трубку к уху, что-то пробормотал под нос и сердито бросил ее.

— Опять не работает! Эта проклятая штука вечно выходит из строя. — Он не смог скрыть свое разочарование: сделать важное сообщение лично — это было бы одним из самых ярких событий в его жизни. Он подозвал ближайшего из подчиненных. — Есть где поблизости телефон?

— В деревне. До нее три километра.

— Отправляйтесь туда немедленно. — Он остервенело набросал что-то на листке бумаги. — Вот номер и сообщение. Не забудьте сказать, что это от меня. Живо!

Полицейский сложил записку, сунул ее в карман, застегнулся на все пуговицы и удалился. В проеме открывшейся на мгновение двери Рейнольдс увидел, что за короткое время, прошедшее с момента его задержания, тучи успели закрыть собой звезды и в прямоугольнике темнеющего неба начинают медленно кружиться тяжелые снежинки. Он невольно поежился и снова посмотрел на полицейского офицера.

— Боюсь, вам придется жестоко за это поплатиться, — тихо произнес он. — Вы совершаете очень серьезную ошибку.

— Упорство само по себе достойно восхищения, но мудрец знает, когда следует остановиться. — Маленький толстяк явно получал удовольствие. — Единственной моей ошибкой было допустить, что можно поверить хоть одному вашему слову. — Он взглянул на часы. — Дороги занесены снегом, и, прежде чем вам обеспечат, хм, проезд, пройдет часа полтора, а то и два. Мы можем с большой пользой провести это время. Будьте так любезны, предоставьте сведения о себе. Начнем с имени — на этот раз, если не возражаете, настоящего.

— Я вам его уже назвал. Вы видели мои документы. — Не дождавшись приглашения, Рейнольдс сел и незаметно проверил наручники: крепкие, плотно прилегают к запястью, бесполезно пытаться их снять. Даже в этом положении, с лишенными свободы руками, он мог бы разделаться с маленьким человечком — нож на пружине остается у него под шляпой, — но за спиной стоят трое вооруженных полицейских, так что нечего и думать об этом. — Эти сведения верные, документы подлинные. Я могу сделать вам одолжение и солгать.

— Никто не просит вас говорить неправду, требуется просто, скажем так, освежить память.

Увы, ее, вероятно, придется подстегнуть. — Он отодвинулся от стола, тяжело поднялся на ноги (стоя он оказался еще ниже и толще, чем в положении сидя) и обошел стол. — Извольте назвать ваше имя.

— Я же сказал вам… — Рейнольдс осекся и крякнул от боли, получив два удара по лицу унизанной кольцами рукой, слева и справа.

Он помотал головой, чтобы прийти в себя, поднял скованные руки и тыльной стороной ладони вытер кровь, выступившую в уголке рта. Лицо его оставалось невозмутимым.

— Мы ведь задним умом крепки, — расплылся в улыбке коротышка. — Кажется, в вас уже начинает проклевываться мудрость. Ну же, давайте не будем больше строить из себя дурачка.

Рейнольдс адресовал ему непечатное слово. Лицо с тяжелым подбородком налилось кровью, словно от нажатия выключателя; офицер шагнул вперед, свирепо замахнувшись рукой в кольцах, и тут же рухнул спиной на стол, тяжело дыша и корчась от мучительной боли, вызванной косым ударом ноги Рейнольдса, взметнувшейся вверх. Несколько секунд полицейский оставался там, куда завалился, он стонал, судорожно ловя ртом воздух, полулежа-полустоя на коленях на столе,

а его подчиненные так и застыли на месте от неожиданности, потрясенные невероятностью произошедшего. В это мгновение дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвался ледяной ветер.

Рейнольдс резко повернулся на стуле. Человек, распахнувший дверь, замер в проеме, его пронзительно холодные голубые глаза — с неестественно бледным отливом — впитывали каждую деталь происходящего. Худой, широкоплечий мужчина был такой высокий, что непокрытые густые каштановые волосы почти касались притолоки дверного проема. Одет он был в подпоясанную ремнем шинель с погонами и высоким воротником — мутно отливая зеленым под налипшим на нее снегом, она прятала под длинными полами верх высоких сверкающих сапог. Физиономия соответствовала внешнему виду: кустистые брови, раздувающиеся ноздри, подстриженные усы, тонко очерченный рот — все это придавало красивому суровому лицу выражение какой-то необъяснимой холодной властности, присущей человеку, давно привыкшему к немедленному и беспрекословному повиновению.

Чтобы закончить осмотр, ему хватило пары секунд. Такому человеку, подумал Рейнольдс,

пары секунд достаточно: никаких изумленных взглядов, никаких «Что здесь происходит?» или «Что, черт возьми, все это значит?». Он шагнул в комнату, вынул большой палец из-под кожаного ремня, которым слева на поясе рукояткой вперед был пристегнут револьвер, наклонился, подхватил полицейского офицера и поставил на ноги, не обращая внимания на его белое лицо и громкие страдальческие стоны и вздохи.

— Идиот! — Голос — холодный, бесстрастный, почти лишенный интонаций — соответствовал внешности. — В следующий раз, когда ведете допрос, держитесь подальше от ног допрашиваемого. — Он коротко кивнул в сторону Рейнольдса. — Кто этот человек? О чем вы его спрашивали? Зачем?

Полицейский офицер злобно взглянул на Рейнольдса, втянул воздух в измученные легкие и хрипло, сдавленно заскулил:

— Его зовут Иоганн Буль, он якобы коммерсант из Вены, но я этому не верю. Он шпион, поганый фашистский шпион! — осатанело прошипел он. — Подлый фашистский шпион!

— Ну конечно. — Высокий человек холодно улыбнулся. — Все шпионы — подлые фашисты. Но мне не нужно ваше мнение, мне нужны фак-

ты. Во-первых, откуда вам известно его имя?

— Он его назвал, и при нем есть документы. Фальшивые, разумеется.

— Дайте их мне.

Полицейский, который уже способен был стоять почти прямо, жестом указал на стол.

— Вот они.

— Дайте их мне.

Во второй раз просьба была произнесена абсолютно тем же голосом и с той же интонацией, что и в первый. Полицейский торопливо протянул руку, морщась от боли, вызванной резким движением, и передал документы.

— Отлично. Ну да, отлично. — Новоприбывший опытной рукой перелистал страницы. — Могли бы сойти за подлинные — но они подделка. Да, это к нам.

Рейнольдсу пришлось сделать над собой сознательное усилие, чтобы расслабить сжатые кулаки. Этот человек чрезвычайно опасен, он опаснее целой дивизии безмозглых растяп вроде этого коротышки-полицейского. Пытаться перехитрить его — напрасная трата времени.

— К вам? К вам? — Полицейский совершенно не понимал, о чем идет речь. — О чем вы?

— Вопросы задаю я, малыш. Вы говорите, он

шпион. Почему вы так решили?

— Он сказал, что пересек границу сегодня вечером. — Малыш усваивал урок краткости. — Но граница была закрыта.

— Она действительно была закрыта.

Незнакомец прислонился к стене, извлек из тонкого золотого портсигара папиросу — элита не пользуется латунными или хромированными, мрачно подумал Рейнольдс, — закурил и внимательно посмотрел на Рейнольдса.

Молчание нарушил полицейский. За двадцать или тридцать секунд он успел собраться с мыслями и призвать на помощь остатки смелости.

— Почему я должен вам подчиняться? — храбрясь, выпалил он. — Я вас ни разу не видел. Командую здесь я. Кто вы такой, черт возьми?

Минуло секунд десять — десять секунд, в течение которых новоприбывший внимательно изучал одежду и лицо Рейнольдса, прежде чем лениво отвернулся и опустил глаза на низенького полицейского. Взгляд у него был ледяной, бесстрастный, но выражение лица не изменилось, и полицейский, прижавшись спиной к краю стола, как будто странным образом стал меньше в размерах.

— Я изредка проявляю великодушие. Забудем

пока, что и как вы сказали. — Он кивнул в сторону Рейнольдса, и его голос сделался на полтона жестче. — У этого человека из губ течет кровь. Он пытался сопротивляться при задержании?

— Он не отвечал на мои вопросы и…

— Кто дал вам право допрашивать задержанных или бить их? — Это прозвучало, словно удар хлыста. — Безмозглый, бестолковый идиот, ваши действия могли нанести непоправимый вред! Еще раз превысите свои полномочия — и я лично позабочусь о том, чтобы вы отдохнули от своих тяжелых обязанностей. Может быть, на море — для начала в Констанце?

Полицейский попробовал облизать пересохшие губы, в его глазах застыл страх. Дурная слава о Констанце, где находились исправительные лагеря Дунайско-Черноморского канала, использовавшие рабский труд, прокатилась по всей Центральной Европе: там оказались многие, но оттуда не вернулся никто.

— Я… я только подумал…

— Оставьте занятие думать тем, кто способен на это. — Он ткнул большим пальцем в сторону Рейнольдса. — Пусть этого человека отведут в мою машину. Его хоть обыскали?

— Само собой! — Полицейский почти дрожал

от усердия. — И, уверяю вас, очень тщательно.

— Когда это заявляет такой человек, как вы, дополнительный обыск просто необходим, — сухо сказал высокий в шинели. Он посмотрел на Рейнольдса, слегка приподняв одну из густых бровей. — Нужно ли нам опускаться до такого взаимного унижения — чтобы я обыскивал вас лично?

— У меня под шляпой нож.

— Спасибо.

Высокий приподнял шляпу, взял нож, вежливо вернул шляпу на место, нажал на кнопку, задумчиво осмотрел лезвие, закрыл нож, сунул его в карман шинели и посмотрел на побледневшего полицейского.

— Вас без сомнения ждет блистательная карьера. — Он бросил взгляд на часы — конечно же, как и портсигар, золотые. — Итак, мне пора. Вижу, у вас тут есть телефон. Соедините меня с проспектом Андраши[1], и побыстрее!

Проспект Андраши! Рейнольдсу и так с каждым мгновением все понятнее становилось, кто этот

---

[1] Notes: 1

Проспект Андраши — парадный проспект венгерской столицы, на котором находилось Управление государственной безопасности Венгрии (1945–1956). Назван по имени министра иностранных дел Австро-Венгрии Дьюлы Андраши (1823–1890).

человек, но, когда его подозрения подтвердились, ему все равно сделалось слишком не по себе, и его лицо невольно напряглось под пристальным взглядом высокого незнакомца. Главная контора вселяющей во всех ужас УГБ, венгерской службы госбезопасности, считавшейся самой безжалостной и неумолимо работоспособной на всей территории за железным занавесом и находившейся на проспекте Андраши, была тем местом на земле, избежать которого следовало любой ценой.

— Ага! Вижу, вам знакомо это название. — Незнакомец улыбнулся. — Ничего хорошего для вас, мистер Буль, как и для вашей репутации: слова «проспект Андраши» вряд ли на слуху у каждого западного коммерсанта. — Он повернулся к полицейскому. — Ну что вы там теперь мямлите?

— Те-телефон… — Полицейский стал сильно заикаться и снова взвизгивать: он был до смерти напуган. — Он не работает.

— Ну разумеется. Куда ни глянь, всюду образцовый порядок. Да помогут боги нашей многострадальной стране. — Он достал из кармана бумажник и открыл его на несколько секунд, чтобы можно было увидеть документ. — Доста-

точно веское основание для перемещения вашего задержанного?

— Разумеется, полковник, разумеется. — Слова полицейского спотыкались друг о друга. — Как скажете, полковник.

— Хорошо. — Бумажник защелкнулся, незнакомец повернулся к Рейнольдсу и иронично-вежливо поклонился. — Полковник Сендрё, из управления венгерской политической полиции. Я к вашим услугам, господин Буль, и моя машина в вашем распоряжении. Мы выезжаем в Будапешт немедленно. Мы с коллегами ждем вас уже несколько недель, и нам не терпится обсудить с вами некоторые вопросы.

Глава 2

Снаружи уже совсем стемнело, но при свете, льющемся из открытой двери и незанавешенного окна помещения блок-поста, можно было разглядеть все, что нужно. Машина полковника Сендрё стояла на другой стороне дороги — черный седан «мерседес» с левосторонним рулем, уже изрядно покрытый снегом, кроме передней части капота, где падавшие снежинки таяли от тепла двигателя. Полковник на минуту задержался, чтобы дать распоряжение освободить водителя грузовика и обыскать кузов — не осталось ли в нем вещей, которые Буль был вынужден бросить там, и почти сразу была найдена дорожная сумка. В нее засунули его пистолет, затем Сендрё открыл правую переднюю дверцу и жестом пригласил Рейнольдса сесть в машину.

Рейнольдс мог бы поклясться, что никому, сидя за рулем автомобиля, не удалось бы продержать его в плену на протяжении пятидесяти миль, но еще до того, как машина завелась, он понял, что сильно ошибался. Пока солдат с винтовкой наблюдал за Рейнольдсом с левой стороны, Сендрё

просунулся в другую дверцу, открыл перед Рейнольдсом бардачок, достал оттуда два конца тонкой цепи и оставил бардачок открытым.

— Автомобиль слегка необычный, мой дорогой Буль, — извиняющимся тоном сообщил полковник. — Но сами понимаете. Время от времени я чувствую, что должен обеспечить некоторым из своих пассажиров ощущение безопасности.

Он быстро расстегнул один из наручников, пропустил через него концевое звено одной из цепей, застегнул наручник, продел цепь то ли через кольцо, то ли через болт с проушиной в задней стенке бардачка и закрепил ее на другом наручнике. Затем он накинул вторую цепь на ноги Рейнольдса чуть выше колен, закрыл дверцу и через открытое окно пристегнул ее маленьким висячим замком к подлокотнику. Потом отступил, чтобы осмотреть результаты своей работы.

— Думаю, сойдет. Вам должно быть вполне удобно, и у вас будет достаточно свободы движений — но, уверяю вас, не настолько, чтобы дотянуться до меня. В то же время у вас вряд ли получится выброситься через дверцу — ее в любом случае будет очень непросто открыть, вы же видите: на вашей дверце нет выдвижной ручки. — Он говорил беспечно, даже шутливо, но Рейнольдс

был не настолько глуп, чтобы довериться его тону. — И пожалуйста, не нужно причинять себе вред, украдкой проверяя прочность цепей и их крепления: цепи выдерживают нагрузку больше тонны, у подлокотника имеется специальное усиление, а кольцо в бардачке прикручено болтом прямо к шасси… Так, что там еще?

— Забыл вам сказать, полковник, — быстро и взволнованно проговорил полицейский. — Я отправил сообщение в наше управление в Будапеште с просьбой прислать за этим человеком машину.

— Вот как? — резко сказал Сендрё. — Когда?

— Десять, может, пятнадцать минут назад.

— Болван! Нужно было сразу же сказать мне об этом. Но теперь уже поздно. Ничего страшного, может, оно и к лучшему. Если они такие же тугодумы, как и вы, а такое, надо признать, трудно себе представить, то долгая поездка на холодном ночном воздухе должна хорошенько прочистить им мозги.

Полковник Сендрё захлопнул дверцу, включил лампочку наверху над лобовым стеклом, чтобы постоянно видеть своего пленника, и выехал в сторону Будапешта. На всех колесах его «мерседеса» были шипованные шины, и, несмотря на

укатанный снег на дороге, Сендрё ехал быстро. Он вел машину с непринужденной, легкой аккуратностью опытного водителя, то и дело через разные промежутки времени переводя взгляд холодных голубых глаз вправо.

Рейнольдс сидел неподвижно, устремив взгляд вперед. Несмотря на предостережения полковника, цепи он проверить уже успел: полковник не преувеличивал. Сейчас Рейнольдс старался заставить себя думать без эмоций, четко и как можно более конструктивно. Его положение было практически безнадежным, а когда они доберутся до Будапешта, надежды не останется вовсе. Чудеса случаются, но не всякое чудо возможно: никому еще не удавалось сбежать из главной конторы УГБ, из пыточных камер на улице Сталина. Попав туда, он пропадет, — если ему и суждено сбежать, то только из этой машины и в течение ближайшего часа.

На дверце не было ручки, чтобы открыть окно, — полковник предусмотрительно устранил все подобные соблазны, и, даже если бы окно было открыто, Рейнольдс не дотянулся бы до ручки снаружи. До руля тоже было не дотянуться: он уже определил дугу радиуса цепи — его вытянутые пальцы остановились бы не меньше

чем в пяти сантиметрах от него. Ногами можно было хоть как-то двигать, но ему не удалось бы поднять их достаточно высоко, чтобы пнуть по высокопрочному ветровому стеклу, разбить его по всей ширине и, возможно, устроить на этой немаленькой скорости аварию. Можно было бы упереться ступнями в приборную доску: он знал, что в некоторых автомобилях он смог бы сдвинуть переднее сиденье назад по направляющим. Но в этой машине все говорило о прочности, и если он попытается и у него не получится — а почти наверняка так и будет, — то все, что он получит за свои старания, — это удар по физиономии, после которого ему не придется раскрыть рта до самого проспекта Андраши. Все это время Рейнольдс старался выбросить из головы мысли о том, что с ним будет, когда он там окажется: они лишь ослабили бы его и, в конце концов, привели бы к гибели.

Не завалялось ли у него в карманах чего-нибудь, чем можно воспользоваться? Что-нибудь крепенькое, чтобы швырнуть это в голову Сендрё и вывести его из строя на время, необходимое для того, чтобы он потерял управление и разбил машину. Рейнольдс понимал, что и сам может пострадать так же серьезно, как полковник, хотя

у него есть преимущество — он будет к этому готов, но шансы пятьдесят на пятьдесят все-таки лучше, чем один к миллиону в случае бездействия. Он точно знал, куда Сендрё положил ключ от наручников.

Но, проведя быструю мысленную инвентаризацию, он отбросил эту надежду: в кармане не было ничего тяжелее горсти форинтов. Может быть, тогда ботинки — снять ботинок и запустить им Сендрё в лицо, застав его врасплох? Но он понял всю тщетность этой мысли, едва она успела прийти ему в голову: в наручниках незаметно дотянуться до ботинок он смог бы только между ног, а колени у него были крепко связаны… Еще одна идея, отчаянная, но имеющая шансы на успех, появилась у него как раз, когда полковник заговорил — в первый раз за пятнадцать минут после того, как они покинули полицейский пост.

— Вы опасный человек, мистер Буль, — непринужденно заметил он. — Очень много думаете, Кассий, — вы ведь, разумеется, знаете своего Шекспира.

Рейнольдс ничего не ответил. Каждое слово этого человека могло оказаться ловушкой.

— Я бы сказал, вы самый опасный из всех, кого мне когда-либо довелось везти в этой машине,

а нескольким отчаянным личностям время от времени пришлось сидеть там, где сейчас сидите вы, — задумчиво продолжал Сендрё. — Вы ведь знаете, куда мы едем, а с виду вас это совсем не волнует. А ведь должно волновать.

Рейнольдс снова промолчал. План мог сработать — шансов на успех достаточно, чтобы оправдать риск.

— Молчать — мягко говоря, невежливо, — отметил полковник Сендрё. Он зажег сигарету и запустил спичкой в вентиляционное окно. Рейнольдс слегка подобрался — как раз такое начало ему и было нужно. Сендрё продолжал: — Надеюсь, вам удобно?

— Вполне. — Рейнольдс подхватил светский тон Сендрё. — Но я бы тоже не отказался от сигареты, если не возражаете.

— Конечно, пожалуйста. — Сендрё был само гостеприимство. — О гостях нужно заботиться — в бардачке рассыпано с полдюжины сигарет. К сожалению, дешевый и малоизвестный сорт, но я всегда считал, что людям в вашем… э-э-э… положении обычно не до разборчивости в таких вещах. Во время передряг сигарета — причем любая — всегда очень кстати.

— Спасибо. — Рейнольдс кивнул на выступ на-

верху приборной панели со своей стороны. — Это ведь прикуриватель?

— Да. Пожалуйста, пользуйтесь.

Рейнольдс вытянул вперед скованные наручниками запястья, на несколько секунд прижал прикуриватель и затем выдвинул его вверх. Спиральный наконечник светился красным в слабом свете, падавшем сверху. Затем, как раз когда приспособление выдвинулось из панели, руки Рейнольдса разжались, и он уронил его на пол. Он потянулся вниз, чтобы поднять его, но цепь резким рывком подбросила руки вверх в нескольких сантиметрах от пола. Он тихо выругался.

Сендрё рассмеялся, и Рейнольдс, выпрямившись, посмотрел на него. Выражение лица полковника не было злобным — оно было веселым и восхищенным, причем восхищение преобладало.

— Очень, очень грамотный ход, мистер Буль. Я же сказал, вы опасный человек, и теперь я уверился в этом еще больше. — Он глубоко затянулся сигаретой. — Теперь у нас есть выбор из трех возможных вариантов действий. Могу сказать, что ни один из них мне не особо нравится.

— Не понимаю, о чем вы.

— И опять блистательно! — Сендрё широко

улыбался. — Недоумение в вашем голосе звучит неподдельно. Послушайте, есть три возможности. Во-первых, я могу оказать любезность и нагнуться, чтобы достать эту штуку, после чего вы постараетесь изо всех сил врезать мне по затылку наручниками. Вы, конечно, оглушили бы меня — и вы ведь очень внимательно, ничем не подавая виду, проследили, куда именно я положил ключ от наручников.

Рейнольдс непонимающе смотрел на него, но уже чувствовал во рту вкус поражения.

— Во-вторых, я могу бросить вам коробку спичек. Вы чиркнете одной, подожжете головки всех остальных спичек в коробке, бросите ее мне в лицо, разобьете машину, и кто знает, что может тогда случиться. Или же вы можете просто надеяться, что я дам вам прикурить — от зажигалки или от сигареты; затем замок дзюдо, пара сломанных пальцев, переход к замку на запястье, и ключ в вашем распоряжении. Мистер Буль, за вами нужен глаз да глаз.

— Вы говорите вздор, — резко ответил Рейнольдс.

— Может быть. Может быть. У меня подозрительный ум, но он помогает мне оставаться в живых. — Сендрё бросил что-то на по́лу Рей-

нольдсова пальто. — Вот вам одна спичка. Ее можно зажечь о петлю бардачка.

Рейнольдс сидел и молча курил. Он не может сдаться — и не сдастся, хоть и знает в глубине души, что человеку за рулем известны все ответы — ответы на многие вопросы, о существовании которых он, Рейнольдс, возможно, даже не подозревал. В голове у него зародилось с полдюжины разных планов, каждый следующий фантастичнее предыдущего и все с меньшими шансами на успех, и он уже докуривал вторую сигарету — прикурил ее от окурка первой, — когда полковник переключился на третью скорость, бросил взгляд на ближнюю обочину, внезапно затормозил и свернул на проселочную дорогу. Через полминуты на участке проселка, шедшем параллельно шоссе всего лишь метрах в двадцати, но почти полностью отгороженном от него густыми заснеженными кустами, Сендрё остановил машину и выключил зажигание. Затем он погасил фары и габаритные огни, несмотря на лютый холод, опустил стекло и повернулся к Рейнольдсу лицом. В темноте продолжала гореть лампочка над ветровым стеклом.

Ну вот, начинается, тоскливо подумал Рейнольдс. До Будапешта еще тридцать миль, но

Сендрё больше не в силах ждать. У Рейнольдса не было никаких иллюзий, никакой надежды. Он видел секретные документы, касающиеся деятельности венгерской политической полиции за год, прошедший после кровавого октябрьского восстания 1956 года, — читать их было кошмаром: трудно было поверить, что сотрудники ДГБ (в последнее время департамент стали называть УГБ) принадлежат к человеческому роду. Где бы они ни появлялись, они несли с собой ужас и разрушение, жизнь, подобную смерти, и саму смерть — медленную смерть стариков в лагерях для спецпереселенцев и медленную смерть молодых в исправительных лагерях, где заключенные превращались в рабов, быструю смерть от казней без суда и следствия, смерть с безумными криками тех, кто не выдерживал самых отвратительных пыток, когда-либо придуманных как воплощение зла, затаившегося глубоко в сердцах сатанистов-извращенцев, находящих свое место в политической полиции диктаторских режимов по всему миру. И ни одна тайная полиция в наше время не превзошла и даже не сравнялась с венгерским ДГБ в чудовищных зверствах, бесчеловечной жестокости и всепроникающем терроре, с помощью которых он держал потерявшую

ших всякую надежду людей в страхе и рабстве: он многому научился у гитлеровского гестапо во время Второй мировой войны и усовершенствовал эти знания у своих нынешних официальных хозяев, НКВД России. Но теперь ученики превзошли своих учителей, разработав изощренные и гораздо более эффективные методы устрашения, от которых волосы на голове дыбом встают и которые другим и не снились.

Но полковник Сендрё еще не наговорился. Он повернулся, взял с заднего сиденья сумку Рейнольдса, поставил ее себе на колени и попытался открыть. Но замок на ней был заперт.

— Ключ, — попросил Сендрё. — И не говорите мне, что его нет или что вы его потеряли. И вы, и я, как мне кажется, господин Буль, уже давно прошли этот детсадовский этап.

Так и есть, мрачно подумал Рейнольдс.

— В пиджаке, в кармашке бокового кармана.

— Достаньте его. А заодно и ваши документы.

— Мне их не достать.

— Позвольте мне.

Рейнольдс поморщился, когда ствол пистолета Сендрё уперся ему в губы и зубы. Полковник вынул бумаги из его нагрудного кармана с профессиональной ловкостью, которая сделала бы

честь опытному карманнику. Через секунду Сендрё уже сидел на своей стороне машины, а сумка была открыта: почти мгновенно, не задумываясь, он вскрыл холщовую подкладку, извлек несколько сложенных вдвое документов и стал сравнивать их с теми, что достал из карманов Рейнольдса.

— Так-так-так, господин Буль. Интересно, очень интересно. Подобно хамелеону, вы моментально меняете свою личность. Имя, место рождения, профессия, даже национальность — все меняется в одно мгновение. Поразительная способность к перевоплощению. — Он изучал два комплекта документов, держа по одному в каждой руке. — Каким же из них нам поверить, если им вообще можно верить?

— Австрийские бумаги фальшивые, — пробурчал Рейнольдс. Он в первый раз за все это время перешел с немецкого на беглый разговорный венгерский. — Я получил известие, что моя мать — она много лет жила в Вене — умирает. Мне пришлось их сделать.

— А, ну конечно. И что же с вашей матерью?

— Ее больше нет. — Рейнольдс перекрестился. — Вы найдете некролог в газете за вторник. Мария Ракоши.

— Я был бы очень удивлен, если бы не нашел его там.

Сендрё тоже заговорил по-венгерски, но не так, как говорят в Будапеште, — Рейнольдс был в этом уверен: он промучился много месяцев, изучая особенности современного говора венгерской столицы с бывшим профессором языков Центральной Европы Будапештского университета. Сендрё продолжал:

— Ну да, трагическая интерлюдия. Обнажаю голову в молчаливом соболезновании — метафорически, как вы понимаете. Итак, вы утверждаете, что ваше настоящее имя — Лайош Ракоши? Имя очень известное.

— Да, распространенное. И да, настоящее. В архивах вы найдете мое имя, дату рождения, адрес, дату вступления в брак. А также мои…

— Избавьте меня от этого. — Сендрё протестующе поднял руку. — Я не сомневаюсь. Не сомневаюсь, что вы сможете показать мне ту самую школьную парту, на которой вырезаны ваши инициалы, и даже предъявить девочку, которой вы носили после школы портфель. Все это не произведет на меня ни малейшего впечатления. Вот что меня впечатляет, так это необычайная тщательность и усердие, проявленные не толь-

ко вами, но и вашим начальством, которое так великолепно подготовило вас для задуманной им миссии, в чем бы там она ни заключалась. Кажется, я никогда еще ни с чем подобным не сталкивался.

— Вы говорите загадками, полковник Сендрё. Я всего лишь обычный житель Будапешта. И могу это доказать. Ладно, мои австрийские документы действительно фальшивые. Но у меня умирала мать, и я готов был рискнуть и пойти на неблагоразумный поступок, но преступлений против своей страны я не совершал. Вы ведь понимаете это. Если бы я захотел, то мог бы уехать на Запад. Но я не захотел. Моя страна — это моя страна, и Будапешт — мой дом. Поэтому я и вернулся.

— Небольшая поправка, — пробормотал Сендрё. — Вы не возвращаетесь в Будапешт, вы туда едете — надо полагать, впервые в жизни. — Он смотрел Рейнольдсу прямо в глаза, и вдруг выражение его лица изменилось. — Сзади!

Рейнольдс обернулся и через долю секунды понял, что Сендрё выкрикнул по-английски, — но ни глаза Сендрё, ни его интонация ничем не выдали его намерения. Рейнольдс медленно повернулся обратно. На его лице была написана почти скука.

— Детский трюк. Я говорю по-английски, — он заговорил на английском, — почему я должен это скрывать? Мой дорогой полковник, если бы вы были будапештцем — а в действительности это не так, — то вы бы знали, что по крайней мере пятьдесят тысяч из нас говорят по-английски. Почему к знанию языка, которым владеют столь многие, нужно относиться с подозрением?

— Клянусь всеми богами! — Сендрё хлопнул себя ладонью по бедру. — Великолепно, просто великолепно! Во мне просыпается профессиональная ревность. Чтобы британец или американец — думаю, все-таки британец, ведь американскую интонацию почти невозможно замаскировать, — говорил по-венгерски как житель Будапешта, да еще так же безупречно, как это делаете вы, — достижение немалое. Но чтобы англичанин говорил по-английски с будапештским акцентом — это выше всяких похвал!

— Ради бога, какие тут могут быть похвалы. — Рейнольдс уже почти перешел на крик, в его голосе слышалось раздражение. — Я правда венгр.

— Боюсь, это не так. — Сендрё покачал головой. — Ваши хозяева превосходно вас обучили — любая шпионская организация мира выложи-

ла бы за вас, мистер Буль, целое состояние. Но одному они вас не научили, и не могли научить — умонастроениям народа, потому что они не знают, каковы они. Думаю, мы можем говорить открыто, как два умных человека, и обойтись без пафосных патриотических фраз, предназначенных для… э-э-э… пролетариата. Коротко говоря, это умонастроения побежденных, охваченных страхом, запуганных слуг, не знающих, когда длинная рука смерти протянется и коснется их. — Рейнольдс в изумлении смотрел на полковника — этот человек, должно быть, невероятно уверен в себе, — но Сендрё не обращал на него внимания. — Я перевидал множество моих соотечественников, мистер Буль, которым, как и вам, предстояли мучительные пытки и смерть. Большинство из них бывают просто парализованы, некоторых очевидным образом охватывает ужас, и они плачут, а какая-то малая часть из них впадает в ярость. Вы никак не вписываетесь ни в одну из этих категорий — хотя должны были бы, но, как я уже сказал, есть вещи, о которых ваши хозяева не могут знать. Вы холодны и бесстрастны, все время что-то планируете, просчитываете, в высшей степени уверены в своей способности извлечь максимальное преимущество из малей-

шей представившейся возможности и без устали выжидаете появления такой возможности. Будь вы человеком помельче, мистер Буль, вам не было бы так легко отрекаться от себя прежнего…

Внезапно он замолчал, протянул руку вверх и выключил лампочку наверху — как раз в тот момент, когда Рейнольдс услышал гул приближающегося автомобиля, — поднял стекло, ловко выхватил из руки Рейнольдса сигарету и затушил ее сапогом. Колеса приближающейся машины — едва различимого расплывшегося пятна за слепящими лучами фар — бесшумно катились по укатанному снегу дороги. Полковник ничего не говорил и не делал никаких движений, пока автомобиль не проехал мимо и не скрылся в западном направлении. Как только он исчез из виду и звук стих, Сендрё дал задний ход и выехал обратно на шоссе, ведя свою большую машину по опасной дороге сквозь мягко падающий снег почти на предельной скорости.

Прошло больше полутора долгих, тягучих часов, прежде чем они достигли Будапешта, — в другую погоду тот же путь можно было бы проделать вдвое быстрее. Но снег — завеса из больших, похожих на перья хлопьев, белым вихрем внезапно закружившихся в лучах фар, — падал все

обильнее, ехать приходилось все медленнее, иногда почти со скоростью пешехода. С трудом работающие дворники, сгоняя налипающий снег в рифленые гребни на середине и по бокам ветрового стекла, ходили по все более узкой дуге, пока наконец совсем не остановились. Не меньше десяти раз Сендрё приходилось останавливаться, чтобы очистить ветровое стекло от скопившегося снега.

Незадолго до городской черты Сендрё снова съехал с шоссе и рванул сначала по какой-то узкой извилистой дороге, затем с нее свернул на другую и так проделывал по нескольку раз. На многих участках, где глубокий снег лежал ровно, коварно маскируя границу между дорогой и кюветом, было явно видно, что их машина с начала снегопада проезжала здесь первой, но, несмотря на то что Сендрё был полностью сосредоточен на дороге, его взгляд с неусыпной, почти нечеловеческой бдительностью каждые несколько секунд соскальзывал на Рейнольдса.

Рейнольдс не мог понять, почему полковник свернул с главной дороги и почему он до этого съехал с шоссе и остановился. То, что тогда он хотел избежать встречи с полицейской машиной, мчавшейся на запад к Комарому, а сейчас — объ-

ехать стоявший на окраине города полицейский блокпост, о котором Рейнольдса предупредили в Вене, было вполне очевидно, но зачем он это делал, Рейнольдс не понимал. Он не стал тратить время на решение этой задачи: ему своих хватало задач. У него оставалось минут десять, не более.

Они ехали по извилистым, застроенным особняками улицам и крутым мощеным проспектам Буды, западной половины города, и сейчас спускались к Дунаю. Снегопад снова пошел на убыль, и, ворочаясь на сиденье, Рейнольдс смутно различал скалистый выступ холма Геллерт, серый острый гранит которого проступал сквозь снег, нанесенный ветром, громаду отеля «Сент-Геллерт», а когда они подъезжали к мосту Франца Иосифа, саму гору Святого Герарда, где когда-то одного из епископов, навлекшего на себя гнев местного населения, запихнули в усаженную гвоздями бочку и сбросили в Дунай. Неумелые любители, мрачно подумал Рейнольдс, старый епископ явно не протянул в той бочке и пары минут: люди с проспекта Андраши, несомненно, организовали бы все куда лучше.

Они проехали по мосту через Дунай и свернули налево, на Корзо — некогда фешенебельную набережную на пештской стороне реки с мно-

гочисленными кафе под открытым небом. Но сейчас она была черна и пустынна, безлюдна, как и почти все улицы, и казалась отжившей свой век, принадлежащей другой эпохе, превратившись в вызывающий ностальгию и жалость отголосок ушедшего счастливого времени. Было трудно, просто невозможно воскресить в воображении призраки веселых, беззаботных людей, прогуливавшихся здесь всего лишь два десятилетия назад и уверенных, что завтра всегда будет таким же, как сегодня, что никакое другое завтра никогда не наступит. Невозможно было представить, хотя бы смутно, вчерашний Будапешт, очаровательнейший и счастливейший из городов, вобравший в себя все то, чего никогда не имела Вена, — Будапешт, город, в который многие приезжали с Запада, из разных стран, ненадолго, на день, на два, и оставались в нем навсегда. Но всего этого уже не было, даже память об этом почти исчезла.

Рейнольдс никогда раньше не бывал в Будапеште, но знал город лучше, чем большинство его жителей. Над правым берегом Дуная в заснеженной темноте вырисовывались дополняемые воображением Королевский дворец, Рыбацкий бастион, построенный в готическо-мавритан-

ском стиле, церковь Матьяша, но он знал, что это за здания и где они находятся, словно прожил в этом городе всю свою жизнь. А вот справа величественный мадьярский Парламент — Парламент и залитая кровью площадь перед ним, ставшая местом трагической гибели во время октябрьского восстания тысячи венгров, жестоко расстрелянных из танков и сраженных смертоносным огнем крупнокалиберных пулеметов ДГБ, установленных на крыше этого самого Парламента.

Все было реальным, каждое здание, каждая улица находились именно там, где им и следовало находиться, в точности как ему говорили, но Рейнольдс не мог избавиться от нарастающего ощущения нереальности, иллюзорности, как будто он зритель какого-то спектакля и все это происходит не с ним, а с кем-то другим. Он старался всегда придерживаться только правды жизни, пройдя безжалостную подготовку в том, чтобы сформировать нечеловеческую способность не давать волю воображению, подчинять все эмоции требованиям рассудка, и сейчас ему казалось странным и необъяснимым это его чувство. Может быть, все дело в предчувствии поражения, в мыслях о том, что старику Дженнингсу уже никогда не вернуться домой. А может,

это из-за холода, усталости, безнадежности или призрачной пелены метели, нависшей надо всем. Но он знал, что дело не в этом, а в чем-то другом.

Они свернули с набережной на длинный, широкий обсаженный деревьями проспект Андраши — улицы заветных воспоминаний, идущей мимо Королевского оперного театра к зоопарку, парку аттракционов и городскому парку. Когда-то без нее нельзя было представить те тысячи дней и вечеров, в которые толпы горожан веселились и развлекались, наслаждались свободой и возможностью уйти на время от серых будней, и ни одно место на земле не было столь дорого сердцам венгров. Теперь всего этого нет, и здесь никогда уже не будет как прежде, что бы ни произошло, даже если снова наступит мир и придут независимость и свобода. Ведь теперь слова «проспект Андраши» ассоциируются только с репрессиями и террором, стуком в дверь посреди ночи и коричневыми грузовиками, приезжающими, чтобы вас увезти, лагерями для политзаключенных и ссылками, камерами пыток и смертными приговорами — когда говорят «проспект Андраши», все думают только о штаб-квартире ДГБ.

Ощущение какой-то безучастной отрешенности, нереальности происходящего не покидало

Рейнольдса. Он знал, где находится, знал, что его время истекло, начинал понимать, что имел в виду Сендрё, когда говорил об умонастроениях людей, долго живших в страхе и постоянно сопровождаемых призраком смерти, а также знал, что никто из тех, кто когда-либо проделал такой путь, как он сейчас, не останется таким, как прежде. Безразлично, почти с отстраненным интересом ученого, он гадал, как долго сможет продержаться в камерах пыток, какие новейшие дьявольские способы уничтожения человека припасены для него.

Хрустя тяжелыми шинами по замерзшей слякоти, «мерседес» замедлил ход, и Рейнольдс помимо своей воли, несмотря на годами вырабатывавшийся стоицизм, невозмутимость и защитный панцирь безразличия, в который он себя облек, впервые почувствовал, как его охватывает страх; вот он коснулся рта, так что тот пересох, и сердца, заставив его сильно и больно колотиться в груди, а в животе как будто появилось что-то тяжелое, твердое и острое, прошивая его. Но ничто из этого не отразилось у него на лице. Он знал, что полковник Сендрё внимательно наблюдает за ним, знал, что если бы он был тем, за кого себя выдает, безобидным жителем Будапешта, то должен был

бы испугаться, и страх должен был бы читаться на его лице, но он не мог заставить себя показать чувства — не потому, что был неспособен сделать это, а потому, что знал о взаимном влиянии выражения лица и состояния сознания: показать страх не обязательно означает, что человек боится, но показать его, когда человек боится и отчаянно пытается не бояться, может быть смертельно опасно… Похоже, полковник Сендрё читал его мысли.

— У меня не осталось подозрений, мистер Буль, только уверенность. Вы, конечно, знаете, где мы находимся?

— Разумеется, — ровным голосом сказал Рейнольдс. — Я тысячу раз здесь проходил.

— Вы никогда в жизни тут не проходили, но вряд ли даже главный геодезист города смог бы начертить карту Будапешта так же точно, как вы, — спокойно сказал Сендрё и остановил машину. — Узнаёте здесь что-нибудь?

— Ваше Управление. — Рейнольдс кивнул на здание метрах в пятидесяти от них на другой стороне улицы.

— Точно. Мистер Буль, здесь вам следовало бы упасть в обморок, впасть в истерику или просто сидеть и стонать от ужаса. Со всеми остальными

так и происходит. А с вами — нет. Возможно, вы полностью лишены чувства страха — завидная, если не сказать достойная восхищения черта, которой, увы, уверяю вас, в этой стране больше ни у кого нет. А может быть, черта завидная и действительно вызывающая восхищение: вы ведь испытываете страх, но безжалостная профессиональная подготовка позволяет вам никак не проявлять его внешне. В любом случае, мой друг, вы обречены. Вы не отсюда. Может, и не подлый фашистский шпион, как сказал наш друг полицейский, но то, что вы шпион, несомненно. — Он взглянул на часы, потом с особой пристальностью уставился на Рейнольдса. — Лучше всего мы работаем сразу после полуночи. А вам обеспечим лучшее обхождение и лучшее размещение — звуконепроницаемую комнатку глубоко под улицами Будапешта, о ее существовании известно только трем сотрудникам ДГБ во всей Венгрии.

Он еще несколько секунд смотрел на Рейнольдса, затем завел машину. Вместо того чтобы остановиться у здания ДГБ, он резко свернул с проспекта Андраши влево, проехал сотню метров по неосвещенной улице и снова остановился — чтобы туго завязать Рейнольдсу глаза шелко-

вым платком. Десять минут спустя, когда после множества поворотов Рейнольдс потерял всякое представление о месте и направлении движения — он понимал, что так и было задумано, — машина пару раз сильно ударилась обо что-то, круто спустилась по длинному пандусу и въехала в закрытое помещение — Рейнольдс слышал, как низкий звук выхлопа отлетает от стен. А потом, когда мотор затих, он услышал, как за ними с лязгом закрываются тяжелые железные двери.

Через несколько секунд дверца со стороны Рейнольдса открылась и чьи-то руки принялись освобождать его от цепей, а потом снова застегнули наручники. Затем те же руки вытащили его из машины и сняли с глаз повязку.

Рейнольдс прищурился и моргнул. Это был просторный гараж, без окон, с тяжелыми дверями на въезде (они уже были заперты). Яркий свет верхних ламп, отражавшийся от побеленных стен и потолка, на мгновение ослепил его после сидения в повязке и ночной темноты. В другом конце гаража, недалеко от него, была еще одна дверь — полуоткрытая и ведущая в залитый светом побеленный коридор. Похоже, побелка здесь — неотъемлемая принадлежность всех пыточных камер, мрачно подумал он.

Между Рейнольдсом и дверью, продолжая держать его за руку, стоял человек, тот, что снял с него цепи. Рейнольдс изучил его взглядом. Такому, как этот, отметил он про себя, незачем прибегать к пыткам: его огромные лапищи запросто разорвут узника на куски. Роста он был примерно такого же, что и Рейнольдс, но поприземистее, чуть пониже, внешне довольно страшен, а вот таких широких плеч, что возвышались над необъятным бочонком груди, Рейнольдс никогда еще не встречал: весил человек, должно быть, не меньше двухсот пятидесяти фунтов. Лицо со сломанным носом было уродливым, но, как ни странно, лишенным каких-либо следов порочности или жестокости, оно было хоть и некрасивым, но вполне человечным. Впрочем, Рейнольдса это не обмануло. В его сфере деятельности внешность значила мало чего: у самого безжалостного человека из всех, кого он когда-либо знал, агента немецкой разведки, потерявшего счет убитым им людям, было лицо мальчика, поющего в хоре.

Полковник Сендрё захлопнул дверцу и, обойдя машину, подошел к Рейнольдсу. Он посмотрел на своего сослуживца и кивнул на Рейнольдса:

— Шандор, у нас гость. Эта канареечка споет нам песенку еще до рассвета. Шеф пошел спать?

— Он ждет вас в кабинете.

Голос у здоровяка оказался таким, как можно было ожидать: негромкий, густой горловой рокот.

— Отлично. Я вернусь через несколько минут. Проследи за нашим другом, смотри в оба глаза. Подозреваю, что он очень опасен.

— Я за ним присмотрю, — с готовностью пообещал Шандор.

Он подождал, пока Сендрё с сумкой и бумагами Рейнольдса в руках уйдет, а затем лениво прислонился к побеленной стене, сложив мощные руки на груди. Но уже через секунду он оттолкнулся от стены и сделал шаг к Рейнольдсу:

— Неважно выглядишь.

— У меня все хорошо, — сказал Рейнольдс хриплым голосом, часто и неглубоко дыша и слегка покачиваясь. Он поднял руки в наручниках над правым плечом и, морщась, помассировал затылок. — Голова побаливает, сзади.

Шандор сделал еще один шаг, а затем поспешно двинулся дальше, увидев, как глаза у Рейнольдса закатились так, что видны остались только белки, и он начал заваливаться вперед, чуть повернувшись во время падения влево. Он мог сильно пораниться или даже убиться, ударив-

шись непокрытой головой о бетонный пол, и Шандору пришлось быстро податься к нему и вытянуть руки, чтобы подхватить тело.

Рейнольдс ударил Шандора сильнее, чем когда-либо ударял кого-либо в своей жизни. Оттолкнувшись вперед подушечкой стопы и молниеносно сделав поворот вправо, он обрушил скованные руки на Шандора свирепым, жестоким, рубящим движением, задействовав последние силы своих мускулистых плеч и рук. Рейнольдс впечатал крепко прижатые друг к другу ребра ладоней в беззащитную шею Шандора, чуть ниже линии челюсти и уха. Как будто рубанув по стволу дерева, Рейнольдс охнул от боли: кажется, он сломал себе оба мизинца.

Это был удар дзюдо, смертельный удар дзюдо, многих им вполне можно было бы уложить насмерть. Других он парализовал бы, оставил бы на несколько часов без сознания — то есть любого другого из тех, кого Рейнольдс когда-либо знал, но Шандор лишь крякнул, потряс головой, чтобы прийти в себя, и продолжил движение вперед, повернувшись боком, чтобы пресечь любую попытку Рейнольдса брыкнуть ступнями или коленями, и безжалостно прижимая его спиной к борту «мерседеса».

У Рейнольдса не осталось сил. Он при всем желании не смог бы сопротивляться, а его крайнее изумление от того, что кто-то может не только выдержать подобный удар, но и фактически не обратить на него внимания, уже не оставляло места даже для мысли о сопротивлении. Шандор навалился на него всей своей многовесной тушей, придавил к машине, протянул обе руки вниз, схватил Рейнольдса за предплечья и сжал их. В глазах великана, немигающе смотревших на Рейнольдса с очень близкого расстояния, не было враждебности — не было вообще никакого выражения. Он просто стоял и сжимал его руки.

Рейнольдс до боли в челюстях стиснул зубы, сдерживая мучительный крик. Руки ниже локтей были словно зажаты в громадных, неумолимо сжимающихся тисках. Кровь отхлынула от лица, лоб покрылся холодным потом, кости и сухожилия рук как будто рвали и размалывали так, что, казалось, их уже не спасти. Кровь стучала в висках, стены по сторонам тускнели и плыли перед глазами. Шандор вдруг разжал хватку и отступил, осторожно массируя шею с левой стороны.

— Схвачу тебя в другой раз повыше, — негромко пообещал он. — Там, куда ты меня ударил. Слушай, хватит валять дурака. И тебе, и мне было

больно, только непонятно, к чему все это.

Прошло пять минут, острая боль в руках Рейнольдса понизилась до боли пульсирующей, тупой. Все эти пять минут немигающий взгляд Шандора был прикован к нему.

Дверь, ведущая в коридор, открылась, на пороге стоял молодой человек, почти мальчик. Взгляд его был нацелен на Рейнольдса. Юноша был худ, с лицом землистого цвета, непокорной копной черных волос и быстрыми, нервно рыскающими глазами, почти такими же темными, как его волосы. Он ткнул большим пальцем через плечо:

— Шандор, его хочет видеть шеф. Отведи, пожалуйста.

Шандор повел Рейнольдса по узкому коридору, потом вниз по пологой лестнице, что вела в другой коридор, затем втолкнул его в первую из нескольких дверей, расположенных по обеим сторонам второго коридора. Рейнольдс споткнулся, удержался на ногах, огляделся.

Кабинет был просторный, отделанный деревянными панелями, пол покрывал линолеум, потертость которого скрашивал ветхий ковер, расстеленный перед письменным столом в дальнем конце. Помещение ярко освещалось потолочной лампой средней мощности и мощным

настенным светильником на гибком кронштейне позади стола — сейчас он был направлен вниз, на столешницу, отчетливо высвечивая пистолет Рейнольдса, горку одежды и других вещей, которые еще недавно аккуратно лежали у него в сумке; рядом с вещами располагалось то, что осталось от самой сумки: изодранная в клочья подкладка, оторванная молния, разрезанная кожаная ручка. Даже четыре заклепки, укрепляющие у сумки дно, были вырваны плоскогубцами, лежавшими рядом с ними. Рейнольдс оценил про себя работу эксперта.

Полковник Сендрё стоял вблизи у стола, наклонившись к сидящему за ним человеку. Лицо этого человека было скрыто в густой тени, но на обе его руки, касающиеся бумаг Рейнольдса, падал беспощадный слепящий свет потолочной лампы. Это были страшные руки, Рейнольдс никогда не видел ничего даже отдаленно похожего, он не мог бы представить себе, что руки человека могут быть так изрезаны шрамами, переломаны, зверски изуродованы и при этом еще способны на что-то. Большие пальцы на обеих руках были раздроблены, расплющены, искривлены, кончики пальцев и ногти расплылись в бесформенную массу, на левой руке не было мизинца и поло-

вины безымянного пальца, а тыльные стороны обеих ладоней были покрыты безобразными шрамами с синевато-фиолетовыми рубцами посередине, между сухожилиями среднего и безымянного пальцев. Зачарованно глядя на эти рубцы, Рейнольдс содрогнулся невольно: похожие отметины он однажды видел на трупе, это были следы распятия. Если бы у него были такие руки, с отвращением подумал Рейнольдс, он бы точно их ампутировал. «Что же это за человек, который может жить с такими руками, и не просто жить, а даже их не стесняться?» — подумал он. Им вдруг овладело почти непреодолимое желание увидеть лицо того, кому эти руки принадлежали, но Шандор остановился в нескольких шагах от стола, и падающая черная тень не давала возможности разглядеть этого человека.

Приподняв страшными своими руками бумаги Рейнольдса, человек за столом заговорил тихим, сдержанным голосом, почти дружелюбно:

— А что, любопытные документы… Шедевр искусства подделки, я бы сказал. Будьте добры, назовите ваше настоящее имя. — Замолчав, он посмотрел на Шандора, продолжавшего массировать шею. — Что с тобой, Шандор?

— Он меня ударил, — извиняющимся тоном

объяснил Шандор. — Знает, как и куда бить, и бьет сильно.

— Опасный человек, — подтвердил Сендрё. — Я же тебя предупреждал.

— Да, но он хитрый черт, — пожаловался Шандор. — Притворился, что у него обморок.

— Надо же, ударил тебя? От отчаяния, похоже, от безысходности, — заметил сухо человек за столом. — Ладно, Шандор, не надо жаловаться. Тот, кто готов к тому, что смерть придет с очередным вздохом, но не задумывается о цене… Итак, мистер Буль, пожалуйста, ваше имя.

— Я уже назвал его полковнику Сендрё, — ответил Рейнольдс. — Ракоши, Лайош Ракоши. Я мог бы придумать десяток разных имен в надежде избавить себя от лишних страданий, но не смог бы доказать, что хоть одно из них реально мое. Но я могу доказать, что мое настоящее имя, Ракоши, принадлежит мне.

— Мистер Буль, вы храбрый человек. — Сидящий за столом, покачал головой. — Но вы сами вскорости убедитесь, что в этих стенах мужество — подпорка бесполезная: вы на нее обопретесь, а она под вашим весом рухнет и рассыплется в прах. Поможет вам только правда. Будьте добры, ваше имя.

Прежде чем ответить, Рейнольдс с секунду помолчал. Он был заинтригован, озадачен и уже почти не боялся. Его заинтересовали руки, ему трудно было оторвать от них взгляд, и еще он разглядел на внутренней стороне запястья этого человека татуировку — с того места, где он стоял, она напоминала, вроде бы, цифру 2. Озадачен же он был вот почему: слишком уж во всем с ним происходящим было много непонятного, странного, не вписывающегося в его представление о ДГБ и во все, что ему рассказывали об этой организации. В отношении к нему чувствовалась какая-то сдержанность, какая-то холодная вежливость, но, впрочем, он понимал: кошка может запросто играть с мышкой, — возможно, они просто хитроумно подтачивают его решимость сопротивляться, так чтобы он меньше всего был готов к удару, когда тот будет нанесен. А вот почему отсутствовал страх, он не мог сказать, — должно быть, это происходило по каким-то неуловимым подсказкам его подсознания: разум не в состоянии был объяснить это.

— Мистер Буль, мы ждем.

Рейнольдс не уловил ни малейшего намека на раздражение, который пробивался бы сквозь выверенную терпеливую интонацию.

— Я могу сказать только правду. Я уже сказал вам ее.

— Ну что ж. Раздевайтесь догола.

— Нет! — Рейнольдс быстро посмотрел по сторонам, но между ним и дверью стоял Шандор. Он оглянулся, полковник Сендрё держал в руке пистолет. — Черта с два я разденусь!

— Не глупите, — устало сказал Сендрё. — У меня пистолет, а Шандор, если понадобится, разденет вас силой. Раздевать людей, быстро, хоть и неаккуратно — ну там порвать пальто или рубашку, — это у него получается. Вам будет гораздо проще раздеться самому.

Рейнольдс подчинился. Ему расстегнули наручники, и через минуту снятая одежда валялась у его ног. Он стоял и дрожал от холода. На предплечьях от пальцев Шандора выступили красно-синие пятна.

— Шандор, неси одежду сюда, — приказал человек за столом и посмотрел на Рейнольдса. — Сзади вас на скамье есть одеяло.

Рейнольдс с удивлением посмотрел на него. Довольно неожиданно, что они сделали упор на его одежде, а не на нем самом, — похоже, ищут улики, которые могли бы его выдать; но то, что они любезно (в такую холодную ночь это можно

назвать проявлением доброты) предложили ему одеяло, не лезет ни в какие ворота.

У него вдруг перехватило дыхание, и он напрочь забыл обо всем: человек, сидевший за столом, встал и странной деревянной походкой пошел осматривать одежду.

Рейнольдс прекрасно разбирался в лицах, в их выражении, характере людей — в этом у него была хорошая подготовка. Он мог ошибиться, и ошибался часто, но грубых ошибок у него не случалось никогда, и он знал, что сейчас тоже не может сильно ошибаться. Лицо вставшего из-за стола теперь было полностью освещено, и в сравнении с ним эти страшные руки казались каким-то кощунственным просчетом, чем-то несправедливо неправильным. Усталое, морщинистое лицо человека среднего, пожилого возраста не соответствовало густым, белым, как снег, волосам, — лицо, как будто искусно выточенное переживаниями, горем и страданиями, какие Рейнольдс даже отдаленно не мог себе представить, излучало больше великодушия, мудрости, терпимости, понимания, чем Рейнольдс видел когда-либо у кого-нибудь на лице. Это было лицо человека, все повидавшего, все знающего, все пережившего, но сохранившего

сердце ребенка.

Рейнольдс медленно опустился на скамью, машинально закутываясь в выцветшее одеяло. Заставляя свой мозг думать отстраненно и ясно, он в отчаянии пытался привести в порядок калейдоскопический водоворот спутанных, противоречивых мыслей, мелькающих в его голове. Но успел продвинуться только до первой неразрешимой загадки: как этот человек может работать в такой сатанинской организации, как ДГБ, — когда испытал четвертое и последнее на этот день потрясение и почти сразу после этого получил ответ на все вопросы, которые его мучили.

Дверь рядом с Рейнольдсом распахнулась, и в комнату вошла девушка. Рейнольдс знал, что среди сотрудников ДГБ есть не только женщины — в его рядах служат опытные мастера любых изуверских пыток, какие только можно себе представить, но даже в самом смелом полете воображения Рейнольдс не смог бы отнести ее к этой категории. Она была чуть ниже среднего роста, лицо юное, невинное, чистое, без всяких следов порока. Одной рукой она крепко придерживала плед, прикрывающий ее тонкую талию. Растрепанные золотистые волосы оттенка созревающей кукурузы падали ей на плечи.

Костяшками пальцев она протирала заспанные глаза темного васильково-синего цвета. Она заговорила, голос был сонный, впрочем, нежный и мелодичный, хотя, кажется, с ноткой легкого раздражения.

— Что это вы болтаете, до сих пор не спите? Уже час ночи, второй час, я хочу немного поспать.

Она заметила на столе груду одежды и, обернувшись, увидела Рейнольдса, сидящего на скамейке и облаченного в старое одеяло. Глаза у нее расширились, и она невольно сделала шаг назад, еще крепче держа свой плед.

— Янчи, кто… кто это?

Глава 3

— Янчи!

Майкл Рейнольдс помимо своей воли вскочил на ноги. Впервые с того момента, когда он попал в руки венгров, с его лица исчезли напускное спокойствие и маска безразличия, а глаза заблестели от возбуждения и загорелись надеждой, которая, как ему уже казалось, покинула его навсегда. Он быстро сделал два шага к девушке, успев схватить спадавшее с него и чуть не свалившееся на пол одеяло.

— Вы сказали: «Янчи»? — спросил он.

— Что такое? Что вам нужно?

Девушка попятилась от Рейнольдса, но, наткнувшись на гиганта Шандора, рядом с которым можно было ничего не бояться, остановилась и вцепилась в его руку. Обеспокоенное выражение сошло с ее лица, она внимательно посмотрела на Рейнольдса и кивнула:

— Да, я это сказала. Янчи.

— Янчи.

Рейнольдс медленно, недоверчиво повторил это слово, как будто пробуя каждый из двух сло-

гов на вкус, отчаянно желая поверить во что-то, но не находя это возможным. Борьба надежды и сомнений отражалась в его глазах. Он пересек комнату и остановился перед человеком с изуродованными руками.

— Ваше имя Янчи? — медленно спросил Рейнольдс.

В его взгляде все еще читалось недоверие, невозможность поверить.

— Так меня зовут, — кивнул пожилой человек, спокойно, испытующе глядя на Рейнольдса.

— Один четыре один четыре один восемь два. — Рейнольдс не мигая смотрел на собеседника, ожидая хотя бы малейшей реакции, подтверждения. — Так?

— Что так, мистер Буль?

— Если вы Янчи, то номер должен быть один четыре один четыре один восемь два, — повторил Рейнольдс.

Он осторожно потянулся к покрытой шрамами левой руке своего визави, не встретив сопротивления, приподнял на запястье манжету и устремил взгляд на фиолетовую татуировку. 1414182 — начертания цифр были такими четкими и ровными, как будто их нанесли только сегодня.

Рейнольдс присел на край стола, увидел пачку сигарет и вытряхнул одну. Сендрё чиркнул спичкой, протянул ему, и Рейнольдс благодарно кивнул: вряд ли он смог бы прикурить сам, было не сдержать дрожь в руках. Во внезапно наступившей тишине зажегшаяся спичка зашипела необычайно громко. Наконец молчание нарушил Янчи.

— Вы, кажется, что-то про меня знаете? — как бы мягко подсказывая ответ, спросил он.

— Я знаю довольно много.

Дрожь в руках Рейнольдса постепенно унималась, и он снова обретал душевное равновесие — во всяком случае, внешне. Он обвел взглядом комнату, посмотрел на Сендрё, на Шандора, на девушку и на юношу с быстрыми беспокойными глазами — у всех на лицах застыло выражение не то смущения, не то предвкушения чего-то.

— Это ваши друзья? Вы можете полностью им доверять — они все знают, кто вы? То есть кто вы на самом деле?

— Знают. Можете говорить открыто.

— Янчи — это псевдоним человека по фамилии Иллюрин. — Рейнольдс как будто повторял слова, заученные наизусть — так оно и было на самом деле. — Генерал-майор Алексей Иллюрин. Родил-

ся в городе Калиновка (Украина) восемнадцатого октября тысяча девятьсот четвертого года. Женат с восемнадцатого июня тысяча девятьсот тридцать первого года. Жену зовут Екатерина, дочь — Юлия. — Рейнольдс взглянул на девушку. — Это, должно быть, и есть Юлия, возраст, кажется, соответствует. Полковник Макинтош сказал, что хотел бы, чтобы ему вернули его сапоги, — не знаю, что он имел в виду.

— Это просто старая шутка. — Янчи, улыбаясь, прошел к своему креслу за столом, сел и откинулся на спинку. — Надо же, мой старый друг Питер Макинтош еще жив. Неубиваемый, он всегда был неубиваемым. Вы, конечно же, под его началом работаете, мистер… мм…

— Рейнольдс. Майкл Рейнольдс. Да, он мой начальник.

— Опишите его. — Интонация Янчи не то чтобы стала грубее, но явно изменилась, хотя и едва заметно. — Лицо, телосложение, одежду, его прошлое, семью — все.

Рейнольдс начал рассказывать, что знал. Он говорил пять минут без остановки, затем Янчи поднял руку:

— Достаточно. Очевидно, вы знаете его, работаете под его началом и являетесь тем, за кого себя

выдаете. Но он рисковал, очень рисковал. Это не похоже на моего старого друга.

— Меня могли схватить и расколоть, и это поставило бы под удар и вас?

— Вы весьма сообразительны, молодой человек.

— Полковник Макинтош не рисковал, — тихо произнес Рейнольдс. — Я знал только ваше имя и номер. Где вы живете, как выглядите, я понятия не имел. Он даже не сказал мне о шрамах у вас на руках — по ним я бы вас сразу узнал.

— И как потом вы рассчитывали выйти на меня?

— У меня был адрес одного кафе. — Рейнольдс назвал его. — По словам полковника Макинтоша, там собираются недовольные режимом. Я должен был приходить туда каждый вечер и сидеть за одним и тем же столиком, пока ко мне не подойдут.

— А опознать вас как были должны? — спросил Сендрё.

О том, что это вопрос, говорила скорее поднятая бровь, чем его интонация.

— Очень просто. По галстуку.

Полковник Сендрё посмотрел на яркий пурпурный галстук, лежащий на столе, поморщился,

кивнул и молча отвернулся.

Рейнольдс почувствовал, как в нем в первый раз начинает закипать гнев.

— Зачем спрашивать, если вы и так знаете? — резко произнес он, выдавая голосом раздражение.

— Не обижайтесь, — ответил за Сендрё Янчи. — Подозрительность везде и всегда, мистер Рейнольдс, — единственная гарантия нашего выживания. Мы подозреваем всех. Каждого, кто живет, каждого, кто движется, — мы подозреваем их каждую минуту каждого часа. И, как видите, выживаем. Нас попросили встретиться с вами в этом кафе — Имре практически жил там последние три дня, — но эта просьба поступила из анонимного источника в Вене. Про полковника Макинтоша ничего не было сказано — вот ведь старый лис… А после того как вас встретили бы в кафе?

— Мне сказали, что меня отведут к вам или к одному из двух других людей: Хридасу или Белой Мыши.

— Задача упростилась, — пробормотал Янчи. — К сожалению, ни Хридаса, ни Белой Мыши вы бы не нашли.

— Они уже не в Будапеште?

— Белая Мышь в Сибири. Мы его больше никогда не увидим. Хридас погиб три недели назад, меньше чем в двух километрах отсюда, в пыточных камерах ДГБ. Там на мгновение отвлеклись, и он выхватил пистолет. Выстрелил себе в рот. Он был рад умереть.

— Откуда… но откуда вы это знаете?

— Полковник Сендрё — человек, которого вы знаете как полковника Сендрё, — был там. И видел, как он умирал. Это у Сендрё он выхватил пистолет.

Рейнольдс аккуратно раздавил окурок в пепельнице. Он посмотрел на Янчи, потом на Сендрё и снова на Янчи. Его лицо было лишено всякого выражения.

— Сендрё полтора года работает в ДГБ, — тихо сказал Янчи. — Он один из самых деятельных и уважаемых сотрудников департамента, и когда что-то по загадочным причинам идет не так и разыскиваемым людям удается в последний момент сбежать, нет человека более страшного в своем гневе, чем Сендрё, который так жестоко гоняет своих людей, что они буквально валятся с ног от изнеможения. Речи, с которыми он обращается к вновь поступающим и обучающимся сотрудникам ДГБ с недавно промытыми мозгами,

уже собраны в отдельную книгу. Его прозвище — Кнут. Его начальник, Фурминт, не может понять, откуда у Сендрё такая патологическая ненависть к своим соотечественникам, но признает, что он — единственный незаменимый сотрудник политической полиции в Будапеште… От ста до двухсот венгров, все еще живущих здесь или уехавших на Запад, обязаны жизнью полковнику Сендрё.

Рейнольдс смотрел на Сендрё, изучая каждую черточку его лица, как будто только сейчас увидел его впервые, размышляя, что за человек может проводить свою жизнь в таких невероятно трудных и опасных условиях, никогда не зная, следят ли за ним, подозревают ли его или вот-вот предадут, не зная, не окажется ли он сам следующей жертвой палача, и вдруг, сам не ведая почему, понял, что это действительно такой человек, как утверждает Янчи. Если отбросить все прочие соображения, он и должен быть таким, иначе он, Рейнольдс, уже кричал бы на дыбе глубоко под землей в подвале на улице Сталина…

— Все, должно быть, так и есть, как вы говорите, генерал Иллюрин, — пробормотал Рейнольдс. — Он невероятно рискует.

— Янчи. Пожалуйста, называйте меня Янчи.

Генерал-майора Иллюрина больше нет.

— Прошу прощения… А как же сегодняшний вечер?

— То, что вас задержал наш друг?

— Да.

— Все просто. У него есть доступ почти ко всем основным секретным документам. Кроме того, он в курсе всех планируемых операций в Будапеште и Западной Венгрии. Он знал о блокпосте, о закрытии границы… И знал, что вы уже в пути.

— Но они же не на меня охотились? Как…

— Не льстите себе, мой дорогой Рейнольдс. — Сендрё аккуратно вставил в мундштук еще одну черно-коричневую русскую сигарету — Рейнольдс потом узнает, что он выкуривал по сотне таких сигарет в день, — и чиркнул спичкой. — Не бывает столько случайных совпадений сразу. Вас они не искали, никого не искали. Останавливали только грузовики в поисках крупных партий ферровольфрама, который контрабандой ввозится в страну.

— Наверное, они были бы чертовски рады заполучить весь ферровольфрам, какой только попадет им в руки, — пробормотал Рейнольдс.

— Так и есть, мой дорогой, так и есть. Однако существуют соответствующие каналы, через

которые нужно все делать, и определенные обычаи, которые нужно соблюсти. Скажем прямо, несколько наших высших партийных чиновников и весьма уважаемых членов правительства были лишены привычной доли. Неприемлемое положение дел.

— Немыслимое, — согласился Рейнольдс. — Необходимо было действовать.

— Именно! — Сендрё усмехнулся, впервые за все это время Рейнольдс увидел, как он улыбается, и внезапно обнажившиеся белые ровные зубы и морщинки у глаз совершенно преобразили этого человека, казавшегося холодным и равнодушным. — К сожалению, в таких случаях в сети попадается не только та рыба, которую мы ловим.

— Вы имеете в виду меня?

— Да, вас. Поэтому я взял за правило в такие моменты находиться поблизости от некоторых полицейских постов. К несчастью, в подавляющем большинстве случаев это бесполезное занятие: вы всего лишь пятый человек, которого я вызволил из полиции за год. И последний. До этого я предупреждал сиволапую деревенщину, дежурящую на всех этих блокпостах, что они должны забыть о существовании меня или задер-

жанного, которого я у них забрал. Сегодня, как вы знаете, было проинформировано их главное управление, и всем блокпостам сообщат, что следует остерегаться человека, выдающего себя за сотрудника ДГБ.

Рейнольдс уставился на него:

— Но боже правый, они же вас видели! По меньшей мере пятеро. Ваши приметы будут в Будапеште раньше, чем…

— Ерунда! — Сендрё небрежно смахнул с сигареты пепел указательным пальцем. — Много дуракам от этого будет толку! К тому же я не самозванец — я действительно офицер ДГБ. А вы в этом сомневались?

— Нет, — с чувством произнес Рейнольдс.

Приподняв ногу в безукоризненно сидящей на ней брючине, улыбающийся Сендрё присел на краешек стола.

— Вот и хорошо. Да, и, мистер Рейнольдс, приношу свои извинения за то, что вел себя по дороге сюда столь устрашающе. До Будапешта меня волновало только одно: действительно ли вы иностранный агент и тот, кого мы ищем, или же мне следует вышвырнуть вас где-нибудь на углу и сказать, чтобы убирались восвояси. Но когда мы добрались до центра города, я вдруг забеспо-

коился, нет ли тут еще одного подвоха.

— Когда вы остановились на проспекте Андраши? — кивнул Рейнольдс. — Вы посмотрели на меня, мягко говоря, довольно странно.

— Знаю. В тот момент мне пришла в голову мысль, что вы можете быть сотрудником ДГБ, подсадной уткой, и тогда у вас не было бы причин опасаться визита на проспект Андраши, — признаюсь, мне следовало подумать об этом раньше. Но когда я сказал, что собираюсь отвезти вас в тайное место, вы наверняка должны были догадаться, что я вас подозреваю, понять, что теперь я не могу позволить себе оставить вас в живых, и заорали бы во весь голос. Но вы промолчали, и я понял, что вы, по крайней мере, не подсадная утка… Янчи, я отлучусь на несколько минут? Ты знаешь зачем.

— Конечно, но побыстрее. Мистер Рейнольдс проделал весь этот путь из Англии не для того, чтобы бросать камешки в Дунай с моста Маргит. У него есть что нам рассказать.

— Эта информация предназначена для вас одного, — сказал Рейнольдс. — Так сказал полковник Макинтош.

— Мистер Рейнольдс, полковник Сендрё — моя правая рука.

— Ну хорошо. Но я буду говорить только с вами двоими.

Сендрё поклонился и вышел.

— Юля, принеси бутылку вина, — попросил Янчи у дочери. — У нас ведь остался еще виллань-фурминт?

— Пойду посмотрю.

Она повернулась, чтобы уйти, но Янчи остановил ее:

— Минутку, дорогая. Мистер Рейнольдс, когда вы в последний раз ели?

— В десять часов утра.

— Понятно. Вы, должно быть, умираете от голода. Юля?

— Попробую что-нибудь найти.

— Спасибо, но сначала вино. Имре, — обратился он к юноше, безостановочно вышагивавшему туда-сюда, — давай на крышу. Пройдись вокруг. Посмотри, все ли чисто. Шандор, номера машин. Сожги их и сделай новые.

— Сжечь? — спросил Рейнольдс, когда молодой человек вышел из комнаты. — Как это?

— У нас большой запас номерных знаков. — Янчи улыбнулся. — Все из трехслойной фанеры. Горят на ура… Ага, нашла виллань?

— Последняя бутылка. — Волосы у нее были

теперь расчесаны, она улыбалась и смотрела на Рейнольдса оценивающим и откровенно любопытным взглядом голубых глаз. — Мистер Рейнольдс, подождете двадцать минут?

— Ну… если нужно. — Он улыбнулся. — Это будет довольно трудно.

— Постараюсь побыстрее, — пообещала она.

Дверь за девушкой закрылась. Янчи откупорил бутылку и налил охлажденное белое вино в бокалы.

— Ваше здоровье, мистер Рейнольдс. И за успех!

— Спасибо. — Рейнольдс медленно, с удовольствием сделал большой глоток — никогда еще у него так не пересыхало горло — и кивнул на единственное украшение этого довольно неуютного помещения — фотографию в серебряной рамке, стоявшую на столе Янчи. — Какой удачный портрет вашей дочери. У вас в Венгрии искусные фотографы.

— Это я фотографировал. — Янчи улыбнулся. — Хорошо получилось? Давайте честно: меня всегда интересовала точность и глубина человеческого восприятия.

Рейнольдс удивленно посмотрел на него, отпил вина и молча устремил внимательный взгляд на

фотографию. Светлые вьющиеся волосы, гладкий широкий лоб, длинные ресницы, заостренные чуть-чуть скулы, изгиб которых переходит в длинные смеющиеся губы, округлый подбородок над стройной колонной шеи. Замечательное лицо, подумал он, лицо, говорящее о сильном характере, о пылкости, веселом нраве и необыкновенном жизнелюбии. Запоминающееся лицо…

— Итак, мистер Рейнольдс? — мягко подтолкнул его к ответу Янчи.

— Хорошо, — признал Рейнольдс. Он поколебался, боясь, что его слова покажутся слишком смелыми, и посмотрел на Янчи. Чутье подсказывало ему, что бесполезно пытаться обмануть человека с такими глазами — мудрыми и усталыми. Он продолжил: — Думаю, можно сказать, что получилось более чем удачно.

— Правда?

— Правда. Строение лица, все его черты, даже улыбка переданы абсолютно точно. Но в этом снимке есть что-то еще — здесь есть мудрость, зрелость. Возможно, года через два, через три ваша дочь действительно будет такой: а здесь вы каким-то образом предвосхитили это. Не знаю, как у вас получилось.

— Все просто. На фотографии не Юля, а моя

жена.

— Ваша жена! Боже, какое необыкновенное сходство! — Рейнольдс резко замолчал и торопливо прокрутил в голове то, что сказал секунду назад: не ляпнул ли он сдуру что-нибудь неуместное. Вроде бы нет. — Она сейчас здесь?

— Нет, ее здесь нет. — Янчи поставил бокал на стол и стал вертеть его между пальцами. — Где она, мы не знаем… К сожалению.

— Мне очень жаль, — только и смог произнести Рейнольдс.

— Не поймите меня неправильно, — мягко ответил Янчи. — Мы знаем, что с ней случилось. Коричневые грузовики — понимаете, о чем я?

— Тайная полиция.

— Да. — Янчи кивнул печально. — Те самые машины, что увезли миллион человек в Польше, столько же в Румынии, в Болгарии где-то с полмиллиона, чтобы сделать их всех рабами или убить. Те же грузовики, что отправили на истребление средний класс в странах Балтии и забрали сто тысяч венгров, приехали и за Катериной. Что такое один человек среди стольких миллионов погибших и пострадавших?

— Летом пятьдесят первого?

Рейнольдс спросил это потому, что знал:

в 1951 году массово депортировали людей из Будапешта.

— Тогда мы еще не жили здесь, это произошло два с половиной года назад, меньше чем через месяц после нашего приезда. Юля, слава богу, тогда гостила у друзей за городом. Меня той ночью не было дома, я ушел около полуночи, и когда после моего ухода жена пошла себе сделать кофе, оказалось, что отключили газ, а она не знала, что это значит. И они ее забрали.

— Газ? Боюсь, я…

— Не понимаете? Мистер Рейнольдс, эту брешь в ваших доспехах ДГБ быстро бы обнаружил. В Будапеште все знают, что это значит. ДГБ отключает газ в домах, перед тем как вручать уведомления о депортации: если положить подушку на нижнюю полку газовой плиты, будет достаточно удобно и боли не почувствуешь. Во всех аптеках перестали продавать яды, хотели даже запретить продажу лезвий для бритв. Но помешать людям спрыгнуть с верхних этажей оказалось не так-то легко…

— Ее не предупредили?

— Нет. Сунули в руку голубую бумажку, дали взять с собой маленький чемоданчик, погрузили в коричневый грузовик, а потом отправили по железной дороге в вагоне для перевозки скота.

— А если она жива? Вы не получали никаких известий?

— Никаких, совсем ничего. Остается только надеяться, что она не погибла. Но столько людей умерло в этих грузовиках, задохнувшись или замерзнув насмерть, а работа на полях, фабриках, шахтах страшно тяжела, она убивает даже здорового человека — а ее только что выписали из больницы после серьезной операции на грудной клетке: у нее был туберкулез, и пойти на поправку у нее просто не было времени.

Рейнольдс негромко выругался. Как часто читаешь, слышишь о подобных вещах, как легко, небрежно, почти бездушно отмахиваешься от них — и как все меняется, когда сталкиваешься с этим в жизни.

— Вы искали ее — вашу жену? — порывисто спросил Рейнольдс.

Он не собирался говорить с такой грубоватой прямотой, слова вырвались сами собой.

— Искал. Но не могу найти.

Рейнольдс почувствовал, как в нем закипает гнев. Как-то очень легко Янчи все это воспринимает, слишком спокоен, безучастен.

— В ДГБ должны знать, где она, — не успокаивался Рейнольдс. — У них же есть списки, досье.

Полковник Сендрё…

— У него нет доступа к совершенно секретным материалам, — перебил его Янчи и улыбнулся. — У него всего лишь звание майора. Он повысил себя сам и только на сегодняшний вечер. То же самое касается имени… Кажется, он идет.

Но пришел — вернее, частично пришел — юноша с темными волосами. Он просунул голову в дверь, доложил, что все чисто, и тут же исчез. Но даже за этот короткий миг Рейнольдс успел заметить, как сильно дергается чуть ниже рыскающих черных глаз его левая щека в нервном тике. Янчи, должно быть, увидел выражение лица Рейнольдса и заговорил извиняющимся тоном:

— Бедный Имре! Мистер Рейнольдс, он не всегда был таким… таким беспокойным, не всегда так тревожился.

— Беспокойным?! Мне не следовало бы этого говорить, но, поскольку речь идет и о моей безопасности, и моих планах, я должен сказать: у него сильнейший невроз. — Рейнольдс пристально посмотрел на Янчи, но тот оставался, как всегда, спокойным и мягким. — Подходящий для ситуации человек! Сказать, что он представляет потенциальную опасность, — значит, ничего не сказать.

— Знаю, не думайте, что я не знаю. — Янчи вздохнул. — Видели бы вы его, мистер Рейнольдс, чуть больше двух лет назад, когда он сражался с русскими танками на Замковой горе, к северу от Геллерта. Это был человек без нервов. Когда нужно было разливать на перекрестках жидкое мыло (остальное в том, что касалось танков, обеспечивали крутые склоны горы) или вытаскивать из мостовой некрепко сидящие в ней булыжники, наливать в ямки бензин и поджигать его, завидев едущий танк, Имре не было равных. Но он совсем забыл об осторожности, и однажды ночью махина Т–54 с погибшим экипажем внутри, скатившись задом с горы, прижала Имре (он стоял на коленях, опираясь на руки) к стене дома. Он пробыл там тридцать шесть часов, прежде чем его обнаружили, и дважды за это время танк был подбит фугасами с русских самолетов-штурмовиков — русские не хотели, чтобы их танки использовались против них же.

— Тридцать шесть часов! — Рейнольдс изумленно смотрел на Янчи. — И остался жив?

— На нем не было ни царапины, и сейчас нет. Вытащил его Шандор — так они впервые с ним встретились. Он взял лом и выломал стену дома изнутри — я видел это: стокилограммовые глы-

бы кладки он расшвыривал, как будто это была какая-нибудь речная галька. Мы отвели его в соседний дом, оставили там, а когда вернулись, вместо дома увидели огромную кучу развалин: там заняли позицию бойцы сопротивления, а командир танка — монгол — долбил по нижнему этажу, пока не рухнул весь дом. Но мы снова вытащили его — и опять ни единой ссадины. Он очень долго болел — несколько месяцев, — но сейчас ему много лучше.

— Вы с Шандором участвовали в восстании?

— Шандор участвовал. Он был бригадиром электриков на металлургическом заводе в Дунапентеле и свои знания использовал с толком. Видели бы вы, мистер Рейнольдс, как он управляется с проводами высокого напряжения, держа в голых руках лишь пару деревянных реек, — у вас бы кровь в жилах застыла.

— Против танков?

— Поражение электрическим током. — Янчи кивнул. — Он прикончил экипажи трех танков. Мне рассказывали, что еще больше он уничтожил в Чепеле[2]. Он убивал пехотинца, брал его огнемет, выстреливал в смотровую щель и бросал

---

[2] Notes: 2

Чепель — район Будапешта, расположенный на острове Чепель.

бутылку с коктейлем Молотова — обыкновенным бензином с кусочками запихнутой через горлышко горючей ваты — в люк, когда его открывали, чтобы впустить воздух. Затем он закрывал люк, а когда Шандор закрывает люк и садится на него, то люк уже не открыть.

— Могу себе представить, — сухо сказал Рейнольдс. Он почти бессознательно потер все еще болевшие руки, и тут ему в голову пришла неожиданная мысль. — Вы сказали, что Шандор участвовал. А вы?

— Я не участвовал. — Янчи развел в стороны ладонями вверх изуродованные, испещренные шрамами руки, и Рейнольдс увидел, что отметины от распятия сквозные. — Совсем не участвовал. Я пытался любым способом остановить это.

Рейнольдс молча смотрел на него, пытаясь прочесть выражение этих выцветших серых глаз, опутанных паутиной морщин. Наконец он сказал:

— Боюсь, я вам не верю.

— Боюсь, вам придется поверить.

В комнате воцарилась тишина, долгая, холодная тишина: Рейнольдс слышал, как где-то далеко, на кухне, звякает посуда — девушка гото-

вит еду. Наконец он посмотрел Янчи в лицо.

— Вы позволили другим сражаться за вас? — Он даже не попытался скрыть своего разочарования и почти враждебности, прозвучавших в его голосе. — Но почему? Почему вы не помогали, не делали хоть что-нибудь?

— Почему? Я скажу вам почему. — Янчи слабо улыбнулся и, подняв руку, коснулся своих седых волос. — Я не так стар, мой мальчик, как вы можете подумать, глядя на снег на моей голове, но я все же слишком стар для того, чтобы совершать бесполезные, самоубийственные поступки, делать благородные, но тщетные жесты. Я оставляю их детям этого мира, отчаянным и безрассудным, — романтикам, не задумывающимся о цене; я оставляю это их праведному негодованию, которое не видит дальше своего справедливого дела, их величественному гневу, ослепленному своим сияющим величием. Я оставляю это поэтам и мечтателям, тем, кто оглядывается назад, на славную доблесть и несокрушимое рыцарство ушедшего мира, тем, чьи мечты уносят их вперед, в золотой век, который наступит послезавтра. Но мой взгляд простирается только в день сегодняшний. — Он пожал плечами. — Атака легкой

бригады[3] — отец моего отца сражался там, — помните «Атаку легкой бригады» и знаменитый комментарий к ней? «Это великолепно, но это не война...»[4] Так было и с нашей октябрьской революцией.

— Красивые слова, — холодно произнес Рейнольдс. — Всего лишь красивые слова. Они, конечно, очень утешили бы венгерского паренька, заколотого русским штыком.

— А еще я слишком стар, чтобы обижаться, — грустно сказал Янчи. — Еще я слишком стар, чтобы верить в насилие, разве что когда это последнее средство, последний отчаянный порыв, когда всякая надежда потеряна, да и тогда оно обречено на провал. И еще, мистер Рейнольдс: помимо того, что насилие, убийство бесполезны, какое право я имею отнимать у кого-то жизнь?

---

[3] Notes: 3

Атака легкой бригады, или Атака легкой кавалерии, — катастрофическая по последствиям атака британской кавалерии под командованием лорда Кардигана на позиции русской армии во время Балаклавского сражения 25 октября 1854 года в ходе Крымской войны. По мнению историков, она стала следствием недопонимания при передаче приказаний. Атака вошла в историю также благодаря стихотворению Альфреда Теннисона «Атака легкой бригады».

[4] Notes: 4

Участник сражения, французский генерал Пьер Боске, произнес по поводу действий британской кавалерии знаменитую фразу: «C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre: c'est de la folie» («Это великолепно, но это не война: это безумие»).

Все мы — дети нашего Отца, и я не могу не верить, что братоубийство противно Богу.

— Вы говорите как пацифист, — резко ответил Рейнольдс. — Как пацифист, пока он не лег на землю и не позволил чьему-то сапогу втоптать его в грязь — самого, его жену и детей.

— Не совсем так, мистер Рейнольдс, не совсем, — негромко возразил Янчи. — Я не такой, каким мне хочется быть, вовсе не такой. Если кто-то хоть пальцем тронет мою Юлю, он умрет мгновенно.

На секунду Рейнольдсу показалось, что в глубине этих поблекших глаз тлеет затаившийся огонь, он вспомнил все, что полковник Макинтош рассказывал об этом удивительном человеке, сидевшем сейчас перед ним, и почувствовал себя совсем сбитым с толку.

— Но вы же говорите… вы же сказали, что…

— Я лишь объяснил вам, почему не участвовал в восстании. — Янчи снова заговорил со своей обычной мягкостью: — Я не верю в насилие, если существуют другие способы. Кроме того, время было выбрано крайне неудачно. И у меня нет ненависти к русским, они мне даже нравятся. Не забывайте, мистер Рейнольдс, я сам русский. Украинец, но все равно русский — что бы там ни

говорили многие мои соотечественники.

— Вам нравятся русские. Русские даже братья вам? — Как ни старался Рейнольдс замаскировать недоверие вежливостью, он не смог его скрыть в вырвавшемся у него вопросе. — После того, что они сделали с вами и вашей семьей?

— Я чудовище и подлежу осуждению. Любовь к своим врагам должна оставаться там, где ей место, — на страницах Библии, и только у безумца хватит смелости, высокомерия или глупости открыть эту книгу и воплощать ее принципы в жизнь. На это способны сумасшедшие, только сумасшедшие, но без них нас неминуемо ждет Армагеддон. — Тон Янчи изменился. — Мне нравится русский народ, мистер Рейнольдс. Когда их узнаёшь поближе, видишь, что это милые, веселые, жизнерадостные люди, и нет на земле народа более дружелюбного. Но это молодая нация, очень молодая, они — как дети. И, как дети, они очень капризны, своенравны, примитивны и немного жестоки — как все маленькие дети; они забывчивы, и их не очень трогают чужие страдания. Но не забывайте, что, несмотря на свою молодость, они страстно любят поэзию, музыку, танцы, песни и народные сказки, балет и оперу, и по сравнению с ними средний западный человек

в культурном отношении мертвец.

— А еще они звери и варвары, и человеческую жизнь ни в грош не ставят, — заметил Рейнольдс.

— Кто же это отрицает? Но не забывайте: так же дело обстояло и с западным миром, когда он был в политическом смысле так же юн, как сейчас народы России. Они отсталые, примитивные и легко поддаются влиянию. Они ненавидят Запад и боятся его, потому что им велят ненавидеть его и бояться. Но ваши демократии иногда ведут себя точно так же.

— Господи! — Рейнольдс раздраженно затушил сигарету. — Вы хотите сказать…

— Молодой человек, не будьте таким наивным и выслушайте меня. — Улыбка Янчи сделала его слова совсем не обидными. — Я лишь хочу сказать, что неразумные взгляды, продиктованные эмоциями, возможны как на Востоке, так и на Западе. Вспомните, к примеру, как менялось отношение вашей страны к России за последние двадцать лет. К началу последней войны Россия пользовалась большой популярностью. Но вот подписан пакт Молотова-Риббентропа, и, помните, вы фактически были готовы послать армию из пятидесяти тысяч человек, чтобы сражаться

с русскими в Финляндии. Затем последовало наступление Гитлера на восток — тогда пресса вашей страны запестрела славословиями в адрес «старого доброго Джо», и во всем мире полюбили русского мужика. Теперь колесо снова совершило полный оборот, и от массового уничтожения людей нас отделяет всего лишь один необдуманный или предпринятый в панике шаг. Кто знает, может быть, через пять лет все снова расплывутся в улыбке. Вы — флюгеры, и русские — флюгеры, но я не виню ни тот народ, ни другой: флюгер ведь не сам поворачивается, его поворачивает ветер.

— Наши правительства?

— Ваши правительства, — кивнул Янчи. — И конечно, национальная пресса — она всегда формирует образ мыслей народа. Но в первую очередь правительства.

— У нас на Западе бывают плохие правительства, часто очень плохие, — медленно произнес Рейнольдс. — Они то и дело ошибаются, просчитываются, принимают несуразные решения, в них даже есть своя доля пройдох, карьеристов и просто отъявленных властолюбцев. Но все это происходит только потому, что в них работают люди. У них благие намерения, они стараются сделать что-то хорошее, и их никто не боится

— даже дети. — Он с любопытством смотрел на старшего собеседника. — Вы сами только что сказали, что руководители России за последние несколько лет отправили буквально миллионы людей в тюрьмы, лагеря и на смерть. Если, как вы говорите, наши народы одинаковы, почему же правительства так сильно отличаются друг от друга? Единственное объяснение — коммунизм.

Янчи покачал головой:

— С коммунизмом покончено, и покончено навсегда. Сегодня он остается всего лишь мифом, пустым словом из лозунга, которым циничные и безжалостные кремлевские реалисты прикрывают и оправдывают любые злодеяния, которых требует их политика. Некоторые представители старой гвардии, все еще находящиеся у власти, возможно, и лелеют мечту о построении коммунизма во всем мире, но их немного: сейчас их целей можно достичь, только развязав мировую войну, а эти самые прожженные реалисты в Кремле не видят никакого смысла и никаких перспектив в том, чтобы проводить политику, которая несет в себе семя их собственного уничтожения. Они, мистер Рейнольдс, по сути, дельцы, а кто же будет закладывать бомбу замедленного действия под свою фабрику.

— Их зверства, превращение людей в рабов, массовые убийства нужны им не для того, чтобы завоевать мир? — Рейнольдс чуть приподнял брови, как бы не веря произнесенным им же словам. — Вы это хотите сказать?

— Да.

— Тогда для чего же…

— Это все, мистер Рейнольдс, из страха, — перебил его Янчи. — Из страха, почти ужаса, подобного которому в современном мире не испытывает ни одно из правительств. Они боятся, потому что позиции, утраченные ими в руководстве, практически невозможно вернуть: уступки Маленкова в пятьдесят третьем году, знаменитая речь Хрущева в пятьдесят шестом, разоблачающая культ личности Сталина, и принудительная децентрализация им всей промышленности противоречили всем заветным, казалось бы, незыблемым коммунистическим идеям и принципу централизованного управления, но они были необходимы для повышения эффективности строя и производства — и люди почувствовали запах свободы. Они боятся и потому, что власть их тайной полиции пошатнулась, и пошатнулась порядочно: Берии больше нет, НКВД в России боятся совсем не так сильно, как

ДГБ в этой стране, так что вера в силу власти, в неотвратимость наказания тоже пошатнулась.

Это страх перед народом своей страны. Но этот страх — ничто по сравнению со страхом перед внешним миром. Незадолго до смерти Сталин сказал: «Что будет без меня? Вы слепы, как новорожденные котята, и Россия погибнет: вы не умеете распознавать ее врагов». Но даже Сталин не представлял, насколько верными окажутся его слова. Они не умеют распознавать врагов и чувствуют себя в безопасности только тогда, когда все народы за пределами их страны рассматриваются как враги. Особенно Запад. Они боятся Запада и, с их точки зрения, у них есть на то все основания.

Они боятся западного мира — по их мнению, недружелюбного и враждебного, который только и ждет удобного случая. Разве вам не было бы страшно, мистер Рейнольдс, если бы вас, как Россию, окружили кольцом военных баз с ядерным оружием в Англии, Европе, Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Японии? И разве вам не было бы еще страшнее, если бы каждый раз, когда напряженность в мире возрастает, эскадрильи иностранных бомбардировщиков таинственно появлялись на краю экранов ваших

радаров дальнего обнаружения, если вы знаете — и у вас нет никаких оснований сомневаться в этом, — что всякий раз, когда возникает такая напряженность, в любой момент дня или ночи от пятисот до тысячи бомбардировщиков американской стратегической авиации, каждый с водородной бомбой, летят с крейсерской скоростью высоко в стратосфере, только и ожидая сигнала, чтобы устремиться к России и уничтожить ее. Вам нужно, мистер Рейнольдс, держать огромное множество ракет и быть почти сверхъестественно уверенным в их надежности, чтобы забыть об этой тысяче самолетов с водородными бомбами, уже поднятых в воздух, — а чтобы прорваться, нужно всего пять процентов из них, и этот прорыв неизбежен. Или как бы вы, британцы, чувствовали себя, если бы Россия накачивала оружием Южную Ирландию, или как бы себя чувствовали американцы, если бы русские авианосцы с водородными бомбами на борту бесконечно долго крейсировали в Мексиканском заливе? Попробуйте представить себе все это, мистер Рейнольдс, и вы, возможно, начнете догадываться — только начнете, ибо воображение может быть лишь тенью реальности, — что чувствуют русские.

Но этим их страхи не исчерпываются. Они боятся тех, кто пытается все истолковать в ограниченном свете своей собственной культуры и считает, что все люди в мире в принципе одинаковы. Распространенное мнение — и при этом глупое и опасное. Разрыв между западным и славянским складом ума и мышления, различия между их культурными особенностями колоссальны и, увы, не осознаются людьми.

И наконец, что, пожалуй, самое главное, они боятся проникновения в свою страну западных идей. Именно поэтому им так нужны страны-сателлиты — это санитарный кордон, барьер, выставленный против опасного влияния капитализма. И именно поэтому бунт в одном из их сателлитов, такой, как в этой стране два года назад в октябре, выпускает наружу все самое худшее, что есть в руководителях России. Они подавили будапештское восстание с такой невероятной жестокостью, потому что увидели в нем кульминацию, исполнение одновременно трех своих кошмарных страхов — что вся их империя, состоящая из стран-сателлитов, может развалиться и они навсегда лишатся своего санитарного кордона, и что даже незначительный успех может вызвать такое же восстание в Рос-

сии, и — что самое страшное — большой пожар, если он разгорится от Балтийского до Черного моря, предоставит американцам все необходимые основания для того, чтобы дать зеленый свет командованию стратегической авиации и авианосцам Шестого флота. Мы с вами понимаем, что это фантастическая идея, но мы имеем здесь дело не с фактами, а только с тем, что считают фактами руководители России.

Янчи допил бокал и лукаво посмотрел на Рейнольдса:

— Надеюсь, теперь вы начинаете понимать, почему я не был ни сторонником, ни участником октябрьского восстания. Может быть, вы начинаете понимать, почему мятеж не мог не быть подавлен. Чем шире и серьезнее становился мятеж, тем страшнее должны были быть репрессии — чтобы сохранить кордон, отбить охоту у других сателлитов и у своего народа, который могли захватить подобные идеи. Вы начинаете понимать безнадежность, обреченность этого восстания, то, насколько катастрофически непродуманными и тщетными оказались эти усилия. Восстание привело лишь к тому, что укрепились позиции России среди других стран-сателлитов, были убиты и покалечены многие тысячи венгров,

разрушено и повреждено более двадцати тысяч домов, началась инфляция, возникла острая нехватка продовольствия и был нанесен почти смертельный удар по экономике страны. Всего этого не должно было случиться. Но, как я уже говорил, гнев, вызванный отчаянием, всегда слеп; благородный гнев, может быть, и прекрасен, но у разрушительных последствий есть… гм… свои минусы.

Рейнольдс ничего не сказал: сейчас ему и нечего было сказать. Воцарилась долгая тишина, долгая, но теперь уже не холодная: слышно было лишь, как шаркают по полу подошвы ботинок Рейнольдса, завязывающего шнурки, — пока Янчи говорил, он одевался. Наконец Янчи поднялся, погасил свет, отдернул занавеску на единственном окне, выглянул наружу, затем снова включил свет. Рейнольдс понимал, что это ничего не значит: всего лишь машинальное действие, обычная осмотрительность человека, привыкшего, как и он сам, никогда не пренебрегать малейшими мерами предосторожности. Рейнольдс убрал документы в бумажник, а пистолет — в наплечную кобуру.

Раздался стук в дверь, и вошла Юля. Лицо девушки раскраснелось от жара плиты. В руках у

нее был поднос с миской супа, дымящейся тарелкой, наполненной нарезанными кубиками мяса и овощей, и бутылкой вина. Она поставила все это на стол.

— Пожалуйста, мистер Рейнольдс. Два наших национальных блюда — суп-гуляш и токань. Боюсь, на ваш вкус покажется, что в супе перебор паприки, а в токани — чеснока, но нам так в самый раз. — Она улыбнулась извиняющейся улыбкой. — Остатки — все, что я смогла приготовить наспех так поздно ночью.

— Пахнет чудесно, — заверил ее Рейнольдс. — Жаль только, что я доставляю вам столько хлопот посреди ночи.

— Мне не привыкать, — ответила она сухо. — Обычно нужно бывает накормить с полдесятка человек — как правило, около четырех утра. Гости отца ложатся и встают когда попало.

— Так и есть, — улыбнулся Янчи. — Ну а теперь, дорогая, марш в постель, уже поздно.

— Янчи, я бы еще посидела немного.

— Кто бы сомневался. — Блекло-серые глаза Янчи весело блеснули. — По сравнению с нашими обычными гостями, мистер Рейнольдс просто красавец. Если ему помыться, привести себя в порядок, побриться, вид у него будет, возможно,

вполне приличный.

— Отец, ну зачем так несправедливо? — Хорошо ответила, отметил мысленно Рейнольдс, но щеки у Юли покраснели еще больше. — Не нужно так говорить.

— Несправедливо, и да, не нужно, — признался Янчи. Он посмотрел на Рейнольдса. — Мир Юлиных мечтаний простирается к западу от австрийской границы, и она готова часами слушать, когда кто-то о нем рассказывает. Но есть вещи, о которых она не должна знать, о которых ей было бы опасно даже догадываться. Иди, дорогая.

— Ну ладно.

Она неохотно, но послушно поднялась, поцеловала Янчи в щеку, улыбнулась Рейнольдсу и ушла. Рейнольдс взглянул на Янчи — тот потянулся за второй бутылкой вина и открыл ее.

— Вы, наверное, все время страшно беспокоитесь о ней?

— Бог свидетель, — просто ответил Янчи, — это не жизнь для Юли, да и вообще для любой девушки. Если меня схватят, то почти наверняка заберут и ее.

— А вы не можете ее вывезти?

— Попробуйте! Я мог бы запросто хоть завтра совершенно безопасным способом перевезти ее

через границу — вы же знаете, я в этом специалист, — но она не поедет. Она, как вы сами могли убедиться, послушная, почтительная дочь, но лишь до той черты, которую определяет сама. Дальше она становится упрямая как ослица. Она знает, чем рискует, но все равно уезжать не хочет. Говорит, что не уедет, пока мы не найдем ее мать, — если ехать, так вместе с ней. Но и тогда…

Янчи замолк на полуслове: дверь открылась, вошел какой-то человек. Рейнольдс быстро, как кошка, повернулся, поднялся, выхватил автоматический пистолет и навел его на незнакомца, прежде чем тот успел сделать шаг через порог, — вслед за скрежетом ножек стула по линолеуму отчетливо прозвучал щелчок предохранителя. Рейнольдс не мигая смотрел на пришедшего, вбирая в себя каждую мелочь: гладкие темные волосы, зачесанные назад, худощавое орлиное лицо с тонкими вдавленными ноздрями и высоким лбом хорошо знакомого ему типа — по нему можно было безошибочно определить, что это польский аристократ. Он вздрогнул, когда Янчи осторожно протянул руку и наклонил ствол пистолета вниз.

— Сендрё прав насчет вас, — задумчиво и тихо проговорил он. — Опасен, очень опасен — вы

двигаетесь, как змея, когда она нападает. Но этот человек — друг, добрый друг. Мистер Рейнольдс, познакомьтесь, это Граф.

Рейнольдс убрал пистолет, пересек комнату и протянул руку.

— Рад, — пробормотал он. — Граф… э-э?

— Просто Граф, — ответил новоприбывший, и Рейнольдс снова уставился на него.

Этот голос нельзя было спутать ни с чьим другим.

— Полковник Сендрё!

— А кто же еще, — признал Граф, и при этих словах его голос изменился так же неуловимо и настолько же сильно, как и его внешность. — Скажу скромно, но правдиво: в деле переодевания и перевоплощения со мной мало кто сравнится. Тот, кого вы сейчас перед собой видите, мистер Рейнольдс, — это более или менее я. А если добавить сюда шрам, еще один вот сюда — и я уже буду таким, каким меня видят в ДГБ. Наверное, вы поймете: я не без причины переживал, что меня могут узнать этой ночью.

— Да, я понимаю. — Рейнольдс кивнул. — И… и вы живете здесь — как и Янчи? Это не опасно?

— Я живу во втором из самых лучших отелей во всем Будапеште, — успокоил его Граф. — Как

и подобает человеку моего сословия. Но, как холостяку, мне, естественно, необходимы свои… мм… скажем так, развлечения. Мои случайные отлучки не нуждаются в комментариях… Янчи, прости, что задержался.

— Ничего, — отмахнулся Янчи. — У нас с мистером Рейнольдсом был очень интересный разговор.

— О русских, разумеется?

— Разумеется.

— И мистер Рейнольдс выступает за преобразования путем разрушения?

— Более или менее. — Янчи улыбнулся. — Не так давно ты и сам был сторонником того же способа действий.

— Все мы стареем. — Граф подошел к настенному шкафу, достал бутылку темного стекла, налил себе полстакана какой-то жидкости и посмотрел на Рейнольдса. — Барацк палинка — можно назвать это абрикосовым бренди. Сносит наповал. Избегайте его как чумы. Домашнего изготовления. — Рейнольдс с изумлением наблюдал, как Граф залпом выпивает содержимое стакана и снова наполняет его. — К повестке дня еще не перешли?

— Я как раз к ней подхожу. — Рейнольдс отодви-

нул тарелку и отпил вина. — Вы, джентльмены, наверное, слышали о докторе Гарольде Дженнингсе?

У Янчи сузились глаза.

— Да уж слышали. Кто же о нем не слышал?

— Вот именно. Тогда вы знаете, что это за человек: старик, далеко за семьдесят, близорук, приветлив — типичный рассеянный профессор во всех отношениях, кроме одного. Мозг у него как у электронно-вычислительной машины, и он — крупнейший в мире эксперт и авторитет в области баллистики и баллистических ракет.

— Поэтому его и переманили к себе русские, — пробормотал Граф.

— Его не переманили, — категорично заявил Рейнольдс. — Все думают, что он переметнулся, но они ошибаются.

— Вы это знаете точно?

Янчи подался на своем кресле далеко вперед.

— Конечно. Послушайте. Когда на другую сторону перебегали другие британские ученые, старик Дженнингс пусть и глупо, но решительно выступил в их защиту. Он с горечью осудил то, что называл застарелым национализмом, и заявил, что любой человек имеет право поступать в соответствии с велениями своего разума, совести

и идеалов. Как мы и ожидали, почти сразу же на него вышли русские. Он дал им от ворот поворот, сказал, чтобы они убирались к черту в свою Москву, и заявил, что их сорт национализма куда хуже, чем его родной: он, мол, говорил только в общем.

— Как вы можете быть в этом уверены?

— Уверены. У нас есть магнитофонная запись разговора — дом прослушивался нами. Но мы так и не обнародовали ее, а после того, как он оказался у русских, было бы уже поздно — нам бы никто не поверил.

— Понятно, — пробормотал Янчи. — А потом, что тоже понятно, вы отозвали своих соглядатаев?

— Да, — признал Рейнольдс. — В любом случае это ничего бы не изменило — мы не за тем следили. Месяца через два, даже меньше, после беседы старика с русскими агентами миссис Дженнингс со своим шестнадцатилетним сыном, школьником Брайаном — профессор поздно женился, — отправились отдохнуть в Швейцарию. Дженнингс должен был поехать с ними, но в последний момент его задержали важные дела, и он отпустил жену и сына одних, намереваясь присоединиться к ним через два-три дня в их цюрихском отеле. Но он не застал их на месте.

— Значит, похитили, — задумчиво произнес Янчи. — Швейцарско-австрийская граница для решительных людей не преграда. Скорее всего, увезли ночью на лодке.

— Мы тоже так подумали, — кивнул Рейнольдс. — По Боденскому озеру. В любом случае достоверно одно: с Дженнингсом связались в считаные минуты после его прибытия в отель, рассказали ему о случившемся и не оставили сомнений в том, что ждет его жену и сына, если он немедленно не последует за ними за железный занавес. Дженнингс хоть и старик, но в уме ему не откажешь: он знал, что эти люди не шутят, и сразу же поехал.

— И теперь вы, конечно, хотите его вернуть?

— Хотим вернуть. Поэтому я здесь.

Янчи слабо улыбнулся:

— Интересно будет узнать, мистер Рейнольдс, как вы собираетесь его вызволять — и, разумеется, жену и сына, ведь без них вы ничего не добьетесь. Троих, мистер Рейнольдс: старика, женщину и мальчика — притом что до Москвы тысяча миль и степи занесены глубоким снегом.

— Не троих, Янчи, а одного — профессора. И мне не нужно ехать за ним в Москву. Он меньше чем в двух милях от нас, здесь, в Будапеште.

Янчи даже не пытался скрыть своего удивления:

— Здесь? Вы в этом уверены, мистер Рейнольдс?

— Полковник Макинтош в этом уверен.

— Значит, Дженнингс здесь, должен быть здесь. — Янчи повернулся на кресле и посмотрел на Графа. — Ты слышал об этом?

— Ни слова. В нашей конторе никто об этом не знает, могу поклясться.

— На следующей неделе весь мир об этом узнает, — тихо, но уверенно заявил Рейнольдс. — Когда в понедельник здесь откроется международная научная конференция, первый доклад будет читать Дженнингс. Его готовят к тому, чтобы он стал звездой этого шоу. Это будет самый большой пропагандистский триумф коммунистов за многие годы.

— Понятно, понятно. — Янчи задумчиво побарабанил пальцами по столу, затем резко поднял голову. — Профессор Дженнингс, вы сказали, что вам нужен только профессор?

Рейнольдс кивнул.

— Только профессор! — Янчи пристально смотрел на него. — Боже всевышний, вы что, не понимаете, что будет с его женой и сыном?

Уверяю вас, мистер Рейнольдс, если вы рассчитываете на нашу помощь…

— Миссис Дженнингс уже в Лондоне. — Рейнольдс поднял руку, предвосхищая вопросы. — Месяца два с половиной назад она всерьез заболела, и Дженнингс настоял на том, чтобы ее отправили на лечение в лондонскую клинику, и добился от коммунистов, чтобы они уступили его требованиям, — нельзя принудить к чему-либо силой, пытками или промыванием мозгов человека такого масштаба, как он, не уничтожив его работоспособности, а профессор наотрез отказался продолжать работу, пока они не выполнят его требований.

— Он, похоже, настоящий мужчина.

Граф восхищенно покачал головой.

— Да, в гневе он страшен, — улыбнулся Рейнольдс. — Но это был не такой уж хороший результат. Русские получили все — величайший из ныне живущих экспертов в области баллистики продолжил работать на них — и ничего не потеряли. У них в России остались два козыря — Дженнингс с сыном, — и они знали, что миссис Дженнингс вернется, они настаивали на том, чтобы все было сделано в строжайшей тайне. Во всей Британии не найдется и полудюжины тех,

кто знает, что миссис Дженнингс находится там; этого не знает даже хирург, который сделал ей две серьезные операции.

— С ней все хорошо?

— Состояние было критическое, но сейчас все хорошо, она быстро идет на поправку.

— Старик будет рад, — пробормотал Янчи. — Его жена скоро вернется в Россию?

— Его жена больше никогда не вернется в Россию, — сказал как отрезал Рейнольдс. — У Дженнингса нет причин радоваться. Он думает, что его жена тяжело больна, а если и есть хоть какая-то слабая надежда, то она быстро тает. Он так думает, потому что мы ему так сказали.

— Что?! Как это? — Янчи уже стоял на ногах, взгляд выцветших серых глаз был холоден и тверд, как и его тон. — Боже правый, Рейнольдс, что за бесчеловечное поведение? Вы правда сказали старику, что его жена умирает?

— Он нужен людям в нашей стране, очень нужен: уже десять недель, как полностью приостановлена работа наших ученых над их последним проектом, они застряли и уверены, что Дженнингс — единственный человек, который поможет им снова начать двигаться вперед.

— Значит, они прибегли к этому подлому трю-

ку…

— Это вопрос жизни и смерти, Янчи, — решительно прервал его Рейнольдс. — От этого может зависеть жизнь миллионов людей. Дженнингса нужно вывезти, и мы используем для этого все возможные рычаги.

— Рейнольдс, разве это не безнравственно? Вы полагаете, что есть оправдание…

— Полагаю я или нет, сейчас это не имеет значения, — равнодушно произнес Рейнольдс. — Не мне взвешивать все «за» и «против». Единственное, что меня волнует, — это мое задание: если это вообще возможно, я его выполню.

— Безжалостный и опасный человек, — пробормотал Граф. — Я же говорил вам. Убийца, но так получилось, что он на стороне закона.

— Да. — Рейнольдс был невозмутим. — И еще одно. Как многие гениальные люди, Дженнингс довольно наивен и недальновиден, когда дело касается вопросов, выходящих за рамки его профессиональной деятельности. Миссис Дженнингс рассказала нам, что русские убедили ее мужа, будто проект, над которым он работает, предназначен исключительно для мирных целей. Дженнингс верит в это. В душе он пацифист, и поэтому…

— Все лучшие ученые в душе пацифисты. — Янчи уже сидел, но его взгляд был по-прежнему недружелюбным. — Во всем мире все лучшие люди в душе пацифисты.

— Не спорю. Я лишь хочу сказать, что Дженнингс сейчас скорее будет работать на русских, если думает, что работает ради мира, чем на свой собственный народ, если будет считать, что он работает на войну. Отчего вывезти его еще сложнее, а это, в свою очередь, заставляет использовать любые рычаги, которые попадутся под руку.

— Участь его юного сына никого, разумеется, не интересует. — Граф небрежно махнул рукой. — Когда речь идет о столь важных делах…

— Его сын Брайан вчера весь день был в Познани, — перебил его Рейнольдс. — На какой-то молодежной выставке. С той минуты, как он встал с постели, за ним следили два наших человека. Завтра к полудню — то есть уже сегодня — он будет в Щецине. Еще через сутки он будет в Швеции.

— Ах вот оно что! Но вы слишком самоуверенны, Рейнольдс, вы недооцениваете русских. — Граф задумчиво смотрел на него поверх бокала с бренди. — Агенты, как известно, иногда совершают ошибки.

— У этих двух агентов не было ни одного провала. Они лучшие в Европе. Брайан Дженнингс завтра будет в Швеции. Позывной приходит из Лондона по обычному европейскому каналу. Тогда, но не раньше, мы и выйдем на Дженнингса.

— Ага. — Граф кивнул. — Все-таки вы не лишены некоторой доли человечности.

— Человечности! — Голос Янчи прозвучал по-прежнему холодно, почти презрительно. — Всего лишь еще один рычаг, чтобы воздействовать на бедного старика, — а люди Рейнольдса прекрасно знают, что, если они оставят мальчика умирать в России, Дженнингс никогда больше не будет работать на них.

Граф зажег очередную коричневую сигарету, он курил их одну за одной.

— Возможно, мы слишком строги. Может быть, здесь собственные интересы и человечность идут рука об руку. «Может быть», — сказал я... А что, если Дженнингс все же откажется поехать?

— Тогда ему просто придется это сделать, хочет он этого или нет.

— Чудесно! Просто замечательно! — Граф криво улыбнулся. — Какая картинка для газеты «Правда»! Наши друзья тащат Дженнингса за пятки через границу, и подпись: «Британский секрет-

ный агент освобождает западного ученого». Разве вы этого не понимаете, мистер Рейнольдс?

Рейнольдс пожал плечами и ничего не сказал. Он отчетливо ощутил, как изменилась за последние пять минут атмосфера, как она напиталась враждебностью, направленной теперь на него. Но он должен был все рассказать Янчи — полковник Макинтош настаивал на этом, и это было необходимо, если они хотели, чтобы Янчи помог им. Предложение помощи, если ее вообще собирались предложить, теперь висело на волоске — Рейнольдс понимал, что без нее ему можно было бы не трудиться сюда ехать... Две минуты прошли в молчании, затем Янчи и Граф посмотрели друг на друга и обменялись почти незаметными кивками. Янчи устремил пристальный взгляд на Рейнольдса:

— Если бы все ваши соотечественники были такими, как вы, мистер Рейнольдс, я бы и пальцем не пошевелил, чтобы помочь вам: холодные, бесчувственные люди, для которых добро и зло, справедливость, бесправие и страдания — вопросы, не представляющие профессионального интереса, виновны в силу своего молчаливого согласия не меньше, чем варвары-убийцы, о которых вы только что говорили; но я знаю, что

не все они такие, как вы; не стал бы я помогать и в том случае, если бы это было нужно только для того, чтобы ваши ученые могли создавать боевые машины. Но полковник Макинтош был — и остается — моим другом, и я считаю бесчеловечным, независимо от причины, допустить, чтобы старик умер в чужой стране, среди безразличных незнакомцев, вдали от семьи и тех, кого он любит. Если это вообще в наших силах, мы, с Божьей помощью, позаботимся о том, чтобы он благополучно вернулся домой.

Глава 4

Граф — неизменный мундштук в зубах, неизменная русская сигарета в нем — надавил тяжелым локтем на кнопку звонка и продолжал давить на нее до тех пор, пока из отгороженного закутка за стойкой администратора гостиницы не выскочил, протирая глаза после сна, небритый маленький человечек в рубашке без пиджака. Граф смерил его неодобрительным взглядом.

— Ночным портье спать положено днем, — холодно обронил он. — Позови-ка управляющего, малыш, и сию минуту.

— Управляющего? А не поздно? — Портье с плохо скрываемой дерзостью поднял глаза на часы, висевшие у него над головой, перевел взгляд на Графа — тот был на этот раз одет в серый плащ-реглан и неприметный серый костюм под ним — и не сделал ни малейшей попытки скрыть сквозившую в его ответе издевку. — Управляющий спит. Приходите утром.

Раздался резкий звук рвущейся ткани, стон, — это Граф, ухватив портье правой рукой за складки мятой рубашки, подтащил его к середине стойки.

Налитые кровью, заспанные глаза, расширившиеся сначала от удивления, а потом от страха, оказались всего в нескольких сантиметрах от бумажника, волшебным образом появившегося в свободной руке Графа. На мгновение оба застыли в неподвижности, затем Граф презрительно оттолкнул портье, и тот, пытаясь удержать равновесие, уцепился руками за стоявшие позади него полки-ячейки.

— Простите, товарищ, я очень извиняюсь! — Портье облизал внезапно пересохшие и одеревеневшие губы. — Я… я не знал…

— Кого еще вы ожидали увидеть в столь поздний час? — спросил Граф негромко.

— Никого, товарищ, никого! Нет — вообще никого. Просто… ну, вы же заходили к нам двадцать минут назад…

Приподнятая бровь и интонация Графа прервали испуганное заикание портье.

— Я к вам заходил?

— Нет, нет, разумеется, нет. Не вы — я хотел сказать, ваши люди. Они пришли…

— Знаю, малыш. Это я их прислал.

Граф устало, скучающе отмахнулся рукой, давая понять, что разговор окончен, и портье поспешил прочь через холл. Рейнольдс, сидевший

на скамье у стены, поднялся и подошел к Графу.

— Ничего себе представление, — прошептал он. — Вы даже меня напугали.

— Дело практики, — скромно ответил Граф. — Это поддерживает мою репутацию и никому особенно не вредит, хотя неприятно, когда такой вот болван называет тебя «товарищем»… Слыхали, что он сказал?

— Да. Они не теряют время.

— Они действуют очень ловко, хоть и лишены творческого воображения, — признал Граф. — К утру проверят большинство гостиниц в городе. Вероятность, разумеется, невелика, но пренебречь ею они не могут себе позволить. Здесь вам вдвойне безопаснее, даже втройне, по сравнению с домом Янчи.

Рейнольдс кивнул без слов. Прошло всего полчаса с тех пор, как Янчи дал добро ему помогать. Они с Графом решили, что Рейнольдсу нужно немедленно съехать: в доме Янчи было бы слишком неудобно, слишком опасно. Неудобно не из-за тесноты, неудобно из-за того, что дом располагался в пустынном месте, в глухой части города, и перемещения пришлого человека в разное время суток, а Рейнольдсу, вероятно, пришлось бы их совершать, наверняка привлекли бы ненужное

внимание: слишком далеко от центра города, от больших отелей Пешта, где мог, предположительно, проживать Дженнингс; но самый большой недостаток состоял в том, что в доме не было телефона для оперативной связи.

Опасно же было потому, что Янчи все более убеждался: за домом следят. За последние день-два Шандор и Имре несколько раз видели двух подозрительных типов — то один, то другой из них время от времени медленно прогуливался вдоль дома по другой стороне улицы. Вряд ли это были просто прохожие: в Будапеште, как и в любом городе полицейского государства, действовали сотни платных осведомителей; вероятно, им нужно было подтверждать свои подозрения, и они собирали факты, прежде чем пойти в полицию и получить свои иудины деньги. Рейнольдса удивило то, как легко, почти равнодушно Янчи отнесся к этой опасности, но Граф все объяснил, ведя «мерседес» по засыпанной снегом улице к отелю, стоявшему на берегу Дуная. Они уже так часто меняли свои тайные пристанища из-за подозрительности соседей, что это стало чем-то почти обыденным, а Янчи обладал шестым чувством, до сих пор вовремя подсказывавшим, когда нужно съезжать. Неприятно, но не страш-

но, подтвердил Граф: им известно с полдесятка подобных надежных мест, а постоянная штаб-квартира — место, известное Янчи, Юле и ему самому, — находится за городом.

Размышления Рейнольдса прервал звук открывающейся двери на другой стороне гостиничного холла. Он поднял глаза и увидел человека, торопливо шагавшего по паркетному полу и до комизма звучно стучавшего подкованными каблуками. Человек на ходу надевал на мятую рубашку пиджак. Его худое лицо в очках искажали испуг и тревога.

— Тысяча извинений, товарищ, тысяча извинений! — Ломая побелевшие руки, он свирепо посмотрел на портье, с отставанием следовавшим за ним. — Этот олух…

— Вы управляющий? — резко оборвал его Граф.

— Да-да, разумеется.

— Тогда пусть этот олух оставит нас. Я хочу поговорить с вами наедине.

Он подождал, пока портье уберется, достал свой золотой портсигар, аккуратно извлек сигарету, тщательно осмотрел ее, степенно вставил в мундштук, не спеша нашел спичечный коробок, вынул спичку и наконец зажег сигарету.

Прекрасный спектакль, бесстрастно подумал Рейнольдс; управляющий, и без того перепуганный в ожидании неизвестно чего, теперь был почти в истерике.

— Что случилось, товарищ, что произошло? — Стараясь говорить ровно, он произнес эти слова громче, чем собирался, после этого перешел на шепот: — Если я могу чем-то помочь ДГБ, заверяю вас…

— Говорить будете только тогда, когда я буду задавать вам вопросы. — Граф даже не повысил голоса, но управляющий, казалось, заметно усох в размерах, а его побелевшие от страха губы плотно сжались. — Вы некоторое время назад разговаривали с моими людьми?

— Да-да, недавно. Я еще не успел заснуть…

— Отвечайте на вопросы, не говорите ничего лишнего, — тихо повторил Граф. — Надеюсь, мне больше не придется это повторять. Они интересовались, не остановился ли у вас новый постоялец, не бронировал ли кто-нибудь недавно номер, проверили регистрационную книгу и обыскали комнаты. Они, конечно, оставили вам напечатанное на машинке описание человека, которого искали?

— Да, товарищ, вот оно, у меня.

Управляющий легонько похлопал себя по нагрудному карману.

— И приказ немедленно позвонить, если здесь появится человек, отвечающий этому описанию?

Управляющий кивнул.

— Забудьте обо всем, — приказал Граф. — Ситуация быстро меняется. У нас есть все основания полагать, что этот человек или едет сюда, или его связной уже здесь остановился, или прибудет сюда в течение ближайших двадцати четырех часов. — Граф выпустил длинную тонкую струйку дыма и испытующе посмотрел на управляющего. — Нам точно известно, что вы уже в четвертый раз за последние три месяца укрываете в своей гостинице врагов государства.

— Здесь? В гостинице? — Управляющий заметно побледнел. — Богом клянусь, товарищ…

— Богом? — Граф наморщил лоб. — Каким еще Богом? Что там у вас за Бог?

Лицо управляющего было уже не бледным, оно сделалось пепельно-серым: настоящие коммунисты не допускают подобных роковых промахов. Рейнольдсу было чуть ли не жаль его, но он понимал, чего Граф добивается: состояния ужаса, мгновенного подчинения, слепого, беспрекослов-

ного повиновения. И этого он добился.

— Я ого… Я оговорился, товарищ… — Управляющий начал в панике заикаться, его ноги и руки дрожали. — Уверяю вас, товарищ…

— Нет, товарищ, это я вас уверяю, — вкрадчивым тоном произнес Граф, — еще одна оговорка, и нам придется заняться чьим-то перевоспитанием, искоренением этих подозрительных буржуазных настроений, вашей готовности дать пристанище людям, только и ждущим, как бы нанести удар в спину нашей родине.

Управляющий открыл было рот, чтобы возразить, но его губы лишь беззвучно шевельнулись, и Граф продолжил. Теперь в каждом его слове звучала холодная, смертельная угроза.

— Мои указания подлежат безоговорочному исполнению, и вы понесете прямую ответственность за любое упущение, даже если оно будет от вас не зависеть. Или так, друг мой, или Черноморский канал.

— Сделаю все, что необходимо! — Управляющий, охваченный ужасом, говорил с мольбой в голосе. Чтобы устоять на ногах, ему пришлось схватиться за стол. — Все, что нужно, товарищ. Клянусь!

— Мы даем вам последний шанс. — Граф кив-

нул в сторону Рейнольдса. — Вот один из моих людей. Телосложением и внешностью он вполне может сойти за шпиона, которого мы разыскиваем, к тому же мы ему чуть изменили внешность. Случайная встреча в каком-нибудь затененном уголке вашей комнаты отдыха — и связной в наших руках. Он расколется, как все, кто попадает в ДГБ, а он точно попадет в наши руки.

Рейнольдс не отрываясь смотрел на Графа — только годы профессиональной подготовки позволяли ему сохранить невозмутимое выражение лица — и думал: имеет ли откровенный наглый напор этого человека хоть какой-то предел? Но Рейнольдс знал, что как раз подобный дерзкий напор лучше всего гарантирует безопасность.

— Все это не ваша забота, — продолжил Граф. — Вот вам мои указания. Номер для моего друга — назовем его для удобства, ну, скажем, мистер Ракоши — должен быть лучший из всех, что у вас имеются, с ванной комнатой, пожарным выходом, коротковолновым радиоприемником, телефоном, будильником, дубликатами ключей от всех замков в гостинице. И полная конфиденциальность, само собой. Телефонист на коммутаторе не должен прослушивать теле-

фонные разговоры мистера Ракоши — как вам, возможно, известно, мой дорогой управляющий, у нас есть устройства, мгновенно оповещающие, если вдруг кто-то начинает шпионить за линией. Никакие горничные, коридорные, электрики, водопроводчики и прочие работники не должны приближаться к его номеру. Еду ему будете приносить вы лично. Если мистер Ракоши сам не пожелает быть на виду, значит его не существует. Никто не знает о его существовании, даже вы никогда его не видели, вы даже меня не видели. Все это вам понятно?

— Да, конечно, разумеется. — Управляющий отчаянно старался ухватиться за эту соломинку, за последний шанс. — Все будет сделано как вы сказали, товарищ, в точности так. Даю слово.

— Возможно, ваша жизнь будет долгая и вам удастся обобрать еще много-много гостиничных гостей, — пренебрежительно сказал Граф. — Предупредите вашего олуха-портье, чтобы помалкивал, и немедленно покажите нам номер.

Через пять минут они остались одни. Номер Рейнольдса оказался небольшим, но удобно обставленным, с радио, телефоном, а также пожарным выходом, удобно расположенным рядом с примыкающей к номеру ванной комнатой.

Граф одобрительно огляделся.

— Вы с комфортом проведете здесь несколько дней — два-три, но не больше. Это было бы слишком опасно. Управляющий будет помалкивать, но всегда найдется какой-нибудь неподконтрольный дурак или продажный осведомитель, который молчать не станет.

— А потом?

— Вам придется стать кем-нибудь другим. Я подремлю пару часов, а потом навещу одного своего приятеля, который специализируется на таких вещах. — Граф задумчиво потер синий, покрытый щетиной подбородок. Думаю, вам лучше всего стать немцем, предпочтительно из Рура — Дортмунда, Эссена или откуда-то оттуда. Уверяю вас, это будет гораздо убедительнее, чем прикидываться австрийцем. Объем контрабандной торговли между Востоком и Западом так вырос, что сделки теперь заключают сами хозяева, а швейцарским и австрийским посредникам, которые раньше занимались этими операциями, приходится несладко. Они теперь очень редкие птицы и поэтому легко вызывают подозрения. Будете поставщиком, ну, скажем, алюминиевых и медных изделий. Я дам вам книгу об этом.

— Речь, конечно, идет о запрещенных товарах?

— Естественно, мой дорогой друг. Есть сотни запрещенных товаров, на экспорт которых правительствами западных стран введено эмбарго, но каждый год через железный занавес перетекает целая Ниагара этого добра — на сто или двести миллионов фунтов стерлингов, точных цифр не знает никто.

— Боже правый! — Рейнольдс был поражен, но удивлялся недолго. — И мне нужно будет внести в этот поток свою лепту?

— Старина, нет ничего проще. Ваш товар отправляется в Гамбург или какой-нибудь другой свободный порт с фальшивой маркировкой и фальшивым манифестом: на заводе их меняют, и товар грузится на русский корабль. Или еще проще: его отправляют через границу во Францию, делят на части, переупаковывают и отгружают в Чехословакию: по соглашению 1921 года «О транзите» товары из стран А можно свободно перевозить в страны С через страны В без всякого таможенного досмотра. Красиво и просто, как вы считаете?

— Да уж, — признал Рейнольдс. — Правительства, наверное, в полном замешательстве.

— Правительства! — Граф рассмеялся. — Мой дорогой Рейнольдс, когда экономика страны

бурно развивается, правительство заболевает неизлечимой близорукостью. Некоторое время назад один разгневанный гражданин Германии, лидер социалистов по фамилии, кажется, Венер — да, Герберт Венер, — направил властям Бонна список из шестисот компаний — шестисот, мой дорогой друг! — активно занимающихся контрабандной торговлей.

— И каков был результат?

— На шестистах фабриках были уволены шестьсот информаторов, — коротко отозвался Граф. — Во всяком случае, так сказал Венер, а он, несомненно, знал, что говорит. Коммерция есть коммерция, и прибыль везде есть прибыль. Если у вас имеется то, что нужно коммунистам, они примут вас с распростертыми объятиями. Я позабочусь об этом. Будете представителем, партнером какой-нибудь крупной металлургической фирмы из Рура.

— Существующей фирмы?

— Конечно. Риска никакого, и никакого вреда для фирмы — она не будет ни о чем знать. — Граф достал из кармана плоскую фляжку из нержавеющей стали. — Составите мне компанию?

— Нет, спасибо.

Рейнольдс знал, что за эту ночь Граф выпил

уже три четверти бутылки бренди, но на нем это сказывалось мало — во всяком случае, внешне: исключительная невосприимчивость к алкоголю. И вообще во многих отношениях он был исключительный персонаж, размышлял Рейнольдс, загадочный — таких он, пожалуй, раньше никогда не встречал. Почти всегда отстраненно насмешлив, обладает острым язвительным умом — но в редкие минуты покоя лицо Графа отражает какую-то отрешенность, почти печаль, совсем не свойственную его привычному «я» и сбивающую собеседника с толку. А может, его отстраненное «я» и есть его настоящее «я»?..

— Как хотите. — Граф принес из ванной стакан, налил в него бренди и выпил залпом. — Чисто медицинская мера — вы понимаете, и чем меньше выпьете вы, тем больше достанется мне, а значит, тем крепче будет мое здоровье… Как я уже сказал, сегодня утром я первым делом изобрету вам новую личность. Затем отправлюсь на проспект Андраши и выясню, где остановились русские делегаты, приехавшие на эту конференцию. Скорее всего, в «Трех коронах» — там работают наши люди, — но, возможно, и в другом месте. — Он достал лист бумаги, карандаш и с минуту что-то быстро набрасывал на листе. — Здесь названия и

адреса семи или восьми гостиниц — наверняка они остановились в одной из них. Тут список с буквы «эй» и по «эйч», посмотрите. Когда я позвоню, то обращусь к вам не по вашей фамилии. Первая буква этой фамилии будет соответствовать названию отеля. Вам все понятно?

Рейнольдс кивнул.

— Я также постараюсь узнать для вас, в каком номере остановился Дженнингс. Это будет труднее. Я передам цифры в обратном порядке по телефону — в составе каких-нибудь расценок в связи с вашими экспортными операциями. — Граф убрал фляжку с бренди и встал. — И боюсь, мистер Рейнольдс, это все, что я могу для вас сделать. Остальное — вы сами. Я не смогу приближаться к гостинице, где остановился Дженнингс, потому что там будут вести слежку люди из наших, а кроме того, сегодня во второй половине дня и вечером я дежурю и освобожусь не раньше десяти часов. Даже если бы мне удалось подойти к Дженнингсу ближе, это было бы бесполезно. Он же сразу поймет, что я не его соотечественник, и мгновенно заподозрит меня, а кроме того, вы — единственный человек, который видел его жену и может привести все факты и необходимые доводы.

— Вы и так уже сделали более чем достаточно, — заверил его Рейнольдс. — Я ведь жив. Мне не следует выходить из этого номера, пока вы со мной не свяжетесь?

— Ни на шаг. Что ж, немного посплю, а потом снова надену форму и продолжу свою работу по ежедневному наведению ужаса на всех и на вся. — Граф криво усмехнулся. — Вы не представляете себе, мистер Рейнольдс, каково это — быть всеобщим любимцем. Au revoir[5].

После ухода Графа Рейнольдс не терял времени. Он чувствовал смертельную усталость. Он запер дверь на ключ и повернул его так, чтобы нельзя было вытолкнуть его снаружи, для пущей надежности подставил под ручку двери спинку стула, запер окна в номере и ванной, расставил на подоконниках стаканы и другие бьющиеся предметы — как он убедился на собственном опыте, это была самая эффективная сигнализация на случай взлома, — сунул пистолет под подушку, разделся и забрался в постель.

Мысли о последних нескольких часах, проведенных в этой стране, лезли ему в голову минуту, может быть — две. Всплывали образы терпели-

---

[5] Notes: 5
До свидания *(фр.)*.

вого и мягкого Янчи, того Янчи, чья внешность и чьи взгляды так резко контрастировали с почти невероятной непримиримостью этого человека в прошлом, столь же загадочного Графа, дочери Янчи — пока что виделись лишь ее голубые глаза и золотистые волосы, ничего не говорившие о том, какой она человек, Шандора, по своему такого же мягкого, как и его начальник, и Имре с беспокойно бегающими глазами.

Он попробовал подумать о завтрашнем — впрочем, уже сегодняшнем — дне, о шансах встретиться со старым профессором, о том, как лучше повести разговор, но усталость брала свое, неопределенные и лишенные последовательности мысли представляли собой не более чем картинки в калейдоскопе, и даже этот узор расплылся и превратился в ничто — Рейнольдс провалился в глубокий сон.

Поспать удалось всего четыре часа, пока резко не задребезжал будильник. Проснулся Рейнольдс с неприятным ощущением вялости — такое бывает, когда высыпаешься только наполовину, но он мгновенно сбросил с себя сонливость и выключил будильник, пробренчавший не дольше пары секунд. Рейнольдс позвонил, чтобы принесли кофе, надел халат, закурил сигарету, забрал

оставленный у двери кофейник, снова заперся и прижал к ушам наушники радиоприемника.

Условным словом, сообщающим о благополучном прибытии Брайана в Швецию, должна была стать намеренная ошибка диктора, который скажет: «...сегодня вечером — прошу прощения, *завтра* вечером». Но в утренних европейских новостях Би-би-си на коротких волнах запланированной оговорки не прозвучало. Рейнольдс снял наушники, не почувствовав никакого разочарования. Он и не ожидал, что это произойдет так быстро, просто не стоило пренебрегать даже столь незначительным шансом. Он допил кофе и вскоре снова заснул.

На этот раз он проснулся самостоятельно, полностью отдохнувшим и посвежевшим. Часы показывали самое начало второго. Он умылся, побрился, позвонил, чтобы принесли обед, оделся и раздвинул занавески на окнах. На улице было так холодно, что стекла покрылись плотными ледяными узорами, и ему пришлось открыть одно из окон, чтобы понять, какая стоит погода. Ветер дул хоть и несильный, но словно ножом пронизывал его тонкую рубашку. Идеальная погода для передвижения тайного агента ночью по городу, мрачно подумал он, — только бы агенту не за-

мерзнуть до смерти. С темного свинцового неба, плавно кружась, лениво падали большие пушистые снежинки. Рейнольдса пробрала дрожь, он поспешно закрыл окно, и в этот момент раздался стук в дверь.

Он отпер замок, и управляющий внес на подносе обед, накрытые крышками блюда. Если управляющему и претила работа, которую он, очевидно, считал лакейской, то виду он не показывал: наоборот, он был сама услужливость, а тот факт, что на подносе стояла бутылка императорского асу — мягкого золотистого токайского вина, столь редкого, что, по справедливой оценке Рейнольдса, купить его можно было только по цене золота, — достаточно свидетельствовал о почти фанатичном желании управляющего угодить ДГБ любыми возможными способами. Рейнольдс не стал его благодарить — в ДГБ, скорее всего, не приняты такие проявления любезности — и махнул рукой, давая понять, что тот может идти. Но управляющий пошарил в кармане и достал конверт, не подписанный ни с одной из сторон.

— Меня попросили передать это вам, мистер Ракоши.

— Мне? — Голос Рейнольдса прозвучал резко, но без какого-либо волнения. Только Графу и его

друзьям было известно его новое вымышленное имя. — Когда вам это передали?

— Пять минут назад.

— Пять минут назад! — Рейнольдс холодно посмотрел на управляющего, и его голос театрально понизился на октаву: мелодраматические интонации и жесты, которые у него на родине вызвали бы только насмешку, в этой охваченной страхом стране, как он уже начал понимать, воспринимались как искренние. — Тогда почему пять минут назад письмо не было мне доставлено?

— Простите, товарищ. — Голос управляющего снова задрожал. — Ваш… ваш обед был почти готов, и я подумал…

— Думать вас никто не просил. Когда в следующий раз придет письмо для меня, доставляйте его немедленно. Кто принес?

— Девушка — молодая женщина.

— Опишите.

— Ох, это трудно. Не силен я в этом. — Он поколебался. — В общем, на ней было непромокаемое пальто с поясом и большим капюшоном. Невысокая, низенькая, можно сказать, но хорошо сложена. Сапоги у нее…

— Идиот, лицо у нее какое? И волосы?

— Волос не было видно из-за капюшона. Глаза

голубые — голубые такие глаза… — Управляющий рьяно ухватился было за эту деталь, но его голос постепенно затих. — Боюсь, товарищ…

Рейнольдс прервал его и показал жестом, что разговор окончен. Он услышал достаточно: описание вполне соответствовало облику дочери Янчи. К своему удивлению, он почувствовал, что в глубине его души начинает закипать гнев — как можно так рисковать дочерью? Но вслед за этой мыслью пришло понимание, что она несправедлива. Самому Янчи, чье лицо должны были знать сотни людей, было бы крайне опасно передвигаться по улицам. Шандора и Имре, заметных участников октябрьского восстания, помнят многие. А вот появление обычной девушки не вызовет ни подозрений, ни толков, и даже если потом кто-нибудь станет наводить справки, описание, приведенное управляющим, подойдет к тысяче других девушек.

Он вскрыл конверт. Короткое сообщение было написано от руки заглавными печатными буквами: «Сегодня вечером в дом не приходите. Встретимся в кафе „Белый ангел“ между восемью и девятью». И неразборчиво подписано: «J.» — конечно, Юля, не Янчи же: если он не рискует даже появиться на улице, то к переполненному кафе

уж точно не станет приближаться. Непонятно было, почему изменился план — после встречи с Дженнингсом он должен был явиться в дом Янчи. Возможно, из-за слежки полиции или осведомителей, но могло быть и полдесятка других причин. Обычно Рейнольдс не тратил времени на то, чтобы беспокоиться по такому поводу: гадание ни к чему не приведет, и потом он все узнает от девушки. Рейнольдс сжег письмо и конверт в раковине в ванной, смыл пепел и принялся за обед — он был превосходный.

Время шло. Два часа, три, четыре, а от Графа не было никаких вестей. Или он никак не найдет нужную информацию, или, что более вероятно, не имеет возможности ее передать. Рейнольдс ходил взад-вперед по номеру, лишь изредка останавливаясь, чтобы посмотреть в окно. Снег, ставший совсем густым, беззвучно сыпался на дома и улицы погружавшегося в темноту города. Рейнольдс начинал волноваться: если он хочет узнать, где остановился профессор, поговорить с ним, убедить в необходимости бегства и к девяти часам быть в кафе «Белый ангел», адрес которого он нашел в справочнике, то времени остается почти ничего.

Пять часов. Полшестого. Без двадцати шесть в

тишине номера раздался пронзительный звонок. Рейнольдс в два шага оказался у телефона и поднял трубку.

— Мистер Буль? Мистер Иоганн Буль? — Граф торопливо говорил низким голосом, но это точно был голос Графа.

— Да, это Буль.

— Хорошо. Для вас есть отличные новости, мистер Буль. Я был сегодня в министерстве, там очень заинтересовались предложением вашей фирмы, особенно алюминиевым прокатом. Они хотели бы сразу же обсудить это с вами — при условии, что вы согласитесь принять их максимальную цену — девяносто пять.

— Думаю, наша фирма сочтет ее приемлемой.

— Тогда они будут работать с вами. Можем поговорить за ужином. В полседьмого вам рано?

— Вовсе нет. Я приеду. Четвертый этаж?

— Третий. Тогда до половины седьмого. До встречи.

Рейнольдс услышал щелчок и положил трубку. Судя по голосу Графа, у него был цейтнот и его могли подслушивать, но он успел передать нужную информацию. Буква «би» в фамилии «Буль» действительно соответствует отелю «Три короны», персонал которого состоит исключительно

из сотрудников ДГБ и их подручных. Плохо, что из-за этого все становится втрое опаснее, но, по крайней мере, он теперь знает диспозицию — все будут против него. Номер 59, третий этаж. Профессор будет ужинать в полседьмого, когда его номер, предположительно, будет пуст. Рейнольдс посмотрел на наручные часы: время было терять нельзя. Он затянул пояс на пальто, надвинул на глаза фетровую шляпу, прикрутил к своему бельгийскому автоматическому пистолету специальный глушитель, сунул оружие в правый карман, а фонарик, покрытый слоем резины, — в левый; две запасные обоймы для пистолета убрал во внутренний карман пиджака. Затем он позвонил на коммутатор, сказал управляющему, чтобы в ближайшие четыре часа его не беспокоили визитами, телефонными звонками, письмами или едой, вставил ключ в замок, свет выключать не стал для отвода глаз тех любопытных, которым вздумалось бы заглянуть в замочную скважину, отпер окно в ванной и сошел вниз по пожарной лестнице.

Вечер выдался на редкость холодным, ноги утопали в густом мягком снегу больше чем по щиколотку. Рейнольдс не успел пройти и двухсот метров, как его пальто и шляпа стали почти

такими же белыми, как земля под ногами. Но он был рад и снегу, и холоду — холод даже у самых добросовестных полицейских и агентов тайной полиции должен отбить охоту рыскать по улицам, заставив их забыть о неусыпной бдительности, а снег не только укрывал его в своем белом коконе от посторонних глаз, но и приглушал звуки: даже шаги звучали не громче шепота. Прекрасная погода для охотника, мрачно подумал Рейнольдс.

Он добрался до «Трех корон» меньше чем за десять минут — даже в снежных сумерках он нашел дорогу туда так же легко, как если бы всю жизнь прожил в Будапеште, — и осторожно осмотрел гостиницу с противоположной стороны улицы.

Отель был большой и занимал целый квартал. Вход — большие двустворчатые стеклянные двери, в которые снаружи глядела темнота, с вращающейся дверью за тамбуром, — заливал резкий флуоресцентный свет. Два швейцара на входе, одетые в униформу, время от времени топали ногами и охлопывали себя руками, чтобы согреться. Оба, как заметил Рейнольдс, были вооружены револьверами в застегнутых кобурах и имели при себе по дубинке. Рейнольдс подозревал, что они такие же швейцары, как

и он сам, — почти наверняка это штатные сотрудники ДГБ. Один вывод можно было сделать с уверенностью: проникнуть в здание через эту парадную дверь не удастся, придется искать другой способ. Все это Рейнольдс отметил краешком глаза, быстро шагая по другой стороне улицы с низко опущенной головой: со стороны можно было подумать, что человек спешит поскорее вернуться к своему уютному домашнему очагу. Как только Рейнольдс отошел достаточно далеко, чтобы его не видели, он удвоил шаг и бегло осмотрел боковые стены гостиницы. Здесь все было так же безнадежно, как и у парадного входа: все окна первого этажа были забраны толстыми решетками, а окна этажом выше по своей доступности могли сравниться разве только с Луной. Оставалась задняя часть здания.

В качестве служебного и хозяйственного въезда в гостиницу использовался длинный арочный проем в середине стены, достаточно широкий и высокий, чтобы пропустить через себя крупногабаритный автофургон. Через арку Рейнольдс разглядел заснеженный внутренний двор — отель был построен в форме квадрата, — входную дверь в дальнем конце, напротив главного входа, и несколько припаркованных машин. Над

входной дверью в главный корпус ярко светила лампа, из нескольких окон первого и второго этажей тоже струился свет. Не так уж чтобы очень светло, но можно было различить очертания углов трех пожарных лестниц, зигзагом уходящих вверх и теряющихся в темноте и снегу.

Рейнольдс дошел до угла, быстро огляделся по сторонам, скорым шагом пересек улицу и направился в обратную сторону, к входу, держась как можно ближе к стене гостиницы. Подойдя к арке, он замедлил шаг, остановился, надвинул поглубже на глаза шляпу и осторожно заглянул за угол.

В первый момент он ничего не увидел: глаза, долго привыкавшие к темноте, на мгновение ослепил луч яркого фонаря, на какой-то миг ему стало жутко: он был уверен, что его заметили. Рейнольдс уже вынимал руку из кармана, сжимая рукоятку пистолета, когда луч соскользнул с него и прошелся по внутренней стороне двора.

Зрачки постепенно снова расширились, и Рейнольдс понял, что это было. Солдат с карабином за плечом совершал обход двора по периметру, и свет небрежно повернутого фонаря на мгновение осветил лицо Рейнольдса, но караульный, очевидно не следивший за лучом взглядом, не заметил его.

Рейнольдс свернул в арку, сделал три неслышных шага вперед и снова остановился. Караульный удалялся, направляясь к главному корпусу, и до Рейнольдса дошло, чем он занимается. Он обходил пожарные лестницы: светил фонарем на нижний, покрытый снегом марш каждой из них. Рейнольдс с иронией подумал: это он пытается предотвратить проникновение в отель посторонних — или помешать постояльцам выйти из него? Скорее всего, второе — из того, что рассказал ему Граф, он понял, что многие из гостей предстоящей конференции охотно обменяли бы участие в этом мероприятии на выездную визу на Запад. Довольно глупая предосторожность, особенно когда она так очевидна: любой человек, находящийся в достаточно хорошей физической форме и предупрежденный этим ощупывающим стены фонарем, может подняться или спуститься по первому же маршу пожарной лестницы, не оставляя на ступенях заметных следов.

«Вот мой шанс», — решил Рейнольдс. Караульный, проходящий под лампой у далекого входа, находится на предельном расстоянии от него, и нет смысла ждать, пока он сделает еще один заход. Бесшумно, призрачной тенью в белом сумраке ночи Рейнольдс прошмыгнул по булыж-

никам арочного проема, едва не чертыхнулся, резко остановился на полушаге и прилип к стене: его ноги, спина и широко расставленные руки с оцепеневшими пальцами вжались во влажный, холодный камень, край полей шляпы между головой и стеной смялся. Сердце медленно, до боли тяжело билось в груди.

«Ну ты и дурак, Рейнольдс, — свирепо обругал он себя, — идиот чертов, детский сад какой-то! Чуть не вляпался — если бы Бог не миловал и не эта красная дуга от беспечно брошенной сигареты, с шипением гаснущей на снегу в полуметре от тебя, застывшего как скала и не смеющего дышать, ты бы точно спалился. Неужели трудно было предположить, что у сотрудников ДГБ какой-никакой интеллект присутствует и они не станут так по-детски упрощать жизнь тому, кто захочет проникнуть внутрь или выбраться наружу?»

Будка часового отстояла от арки всего на несколько сантиметров, а сам часовой, наполовину высунувшись из нее и прислонившись к краю будки и арки плечами, был сейчас от Рейнольдса меньше чем в метре. Рейнольдс отчетливо слышал его медленное дыхание, а время от времени раздававшееся шарканье ног по деревянному по-

лу будки отдавалось в ушах едва ли не громом.

Он понимал: у него остаются считаные секунды — не больше шести. Стоило только часовому пошевелиться, лениво повернуть голову чуть-чуть влево — и Рейнольдсу конец. Даже если он не шевельнется, его напарник — он сейчас в каких-то нескольких метрах — не может не засечь его лучом своего фонаря. Из вихря мыслей у Рейнольдса выкристаллизовалось решение: есть только три варианта действий. Можно развернуться и побежать — есть вероятность скрыться в снегопаде и темноте, но тогда охрана будет усилена до такой степени, что единственный шанс увидеться со стариком Дженнингсом будет потерян навсегда. Можно убить обоих — он не колеблясь готов был пойти на это и при необходимости безжалостно расправился бы с ними, — но куда денешь тела, а если поднимется шум, когда их найдут, пока он будет в «Трех коронах», то живым ему точно не выбраться. Остается третий вариант, дающий хоть какую-то надежду на успех, и времени на раздумья и промедление нет.

Рейнольдс вынул пистолет, крепко обхватил рукоятку обеими руками и для устойчивости уперся тыльной стороной правого запястья в стену арочного проема. Из-за массивного глушителя

целиться было трудно — вдвойне трудно из-за мельтешащего снега, — но нужно было рискнуть. Солдат с фонарем был уже метрах в трех от него, а часовой в будке откашливался, прочищая горло и собираясь что-то сказать своему напарнику, когда Рейнольдс медленно надавил на спуск.

Негромкий шлепок выстрела из ствола с глушителем, уменьшившим громкость звука выходящих газов, затерялся в неожиданном звоне, когда лампа над входной дверью в гостиницу разлетелась на сотню осколков, ударившихся о стену, прежде чем затихнуть, свалившись в снег. Глухой хлопок глушителя должен был достигнуть ушей часового, стоявшего у будки, на долю секунды раньше, чем разбилось стекло, но человеческое ухо не способно уловить такую малую разницу во времени, поэтому запечатлелся только более громкий звук. Часовой уже тяжело бежал через двор к входу, и солдат с фонарем не отставал от него.

Рейнольдс тоже не мешкал. Оставив позади будку, он резко свернул направо, легко пробежал по тропинке, протоптанной в снегу часовым, миновал первую пожарную лестницу, повернулся, рванул вбок и вверх и изо всех сил вцепился в стойку перил на первой площадке. Пальцы

неприятно заскользили по гладкой холодной стали, он отчаянно сжал их, удержался, затем подтянулся на руках и схватился за поручень. Мгновение спустя он уже спокойно стоял на первой площадке. Снег, покрывавший три внешних края площадки и ступеньки, ведущие к ней снизу, остался непотревоженным.

Через пять секунд, ступая через ступеньку и ставя ноги боком посередине каждой, чтобы не оставлять следов, которые можно было бы разглядеть снизу, он добрался до площадки, находившейся на одном уровне со вторым этажом. Здесь он пригнулся и опустился на колени, так его было труднее увидеть снизу, — двое солдат тем временем, особо не торопясь, шли обратно к арке, переговариваясь между собой. Как услышал Рейнольдс, они были уверены, что нагревшееся стекло лопнуло на морозе, и не переживали по этому поводу. Рейнольдс не удивился: пуля, отскочившая от твердой как гранит стены, не должна была оставить почти никакого следа и может несколько дней пролежать никем не замеченной под толстым снежным ковром. На их месте он, вероятно, и сам пришел бы к такому выводу. Для проформы они обошли припаркованные машины и посветили фонарями на нижние пролеты

пожарных лестниц, и к тому времени, когда они закончили свой беглый осмотр, Рейнольдс уже стоял на площадке уровня третьего этажа перед двойными стеклянными дверями.

Он с опаской, но решительно попробовал их открыть. Они были заперты. Другого Рейнольдс и не ожидал. Медленно, с величайшей осторожностью — руки занемели от холода, и малейшая оплошность могла его погубить, — он достал нож, без щелчка открыл лезвие, вставил его в щель между дверьми и надавил вверх. Через несколько секунд он был уже внутри и запер за собой двери.

В помещении было темно, хоть глаз коли, но, пытаясь сориентироваться в пространстве вытянутыми руками, он скоро понял, где оказался. Твердые гладкие поверхности кафельной плитки стен, мраморных раковин и хромированных поручней могли быть только в ванной. Он небрежно задернул на дверях шторы — внизу никто не удивится, если в этой комнате или в любой другой загорится свет, — ощупью добрался до двери и нажал на выключатель.

Это была большая комната со старомодной ванной, три стены выложены плиткой, а вдоль четвертой стояли большие бельевые шкафы, но

Рейнольдс не стал тратить время на осмотр. Он подошел к умывальнику, пустил воду, пока раковина почти до краев не наполнилась горячей водой, и погрузил в нее руки — радикальный метод, чтобы восстановить кровообращение в замерзших, онемевших руках, и чрезвычайно болезненный, зато действовал очень быстро, а Рейнольдсу только это и было нужно. Он вытер пальцы, в которых ощущалось покалывание, достал пистолет, выключил свет, осторожно приоткрыл дверь и чуть выглянул из-за косяка.

Оказалось, что он находится в конце длинного коридора, устланного роскошными коврами, как и полагается в гостинице, контролируемой ДГБ. По обеим сторонам коридора выстроились в ряд двери. Рейнольдс стоял напротив номера 56, еще через дверь был номер 57 — удача, похоже, поворачивалась к нему лицом, и случай привел его прямо в крыло, где разместились Дженнингс и, вероятно, еще несколько других ведущих ученых. Но тут его взгляд уперся в конец коридора, губы сжались, и он поспешно отступил назад — бесшумно вошел в ванную и тихо закрыл за собой дверь. Рановато себя поздравил, мрачно подумал он. Нет сомнений: человек в форме, стоящий в дальнем конце коридора со сцепленными

за спиной руками и глядящий на улицу сквозь обрамленное ледяными узорами окно, — сотрудник охраны ДГБ, их ни с кем не спутаешь.

Рейнольдс сел на край ванны, закурил и стал думать, что делать дальше. Нужно торопиться, но не стоит все-таки действовать опрометчиво: сейчас излишняя поспешность может все испортить.

Охранник, судя по всему, так и останется там стоять — по его виду ясно: с места не сойдет. Не менее очевидно и то, что ему, Рейнольдсу, нечего и надеяться попасть в 59-й номер, пока охранник остается там. Задача — убрать охранника. Бесполезно пытаться подбежать или даже подкрасться к нему по ярко освещенному сорокаметровому коридору: есть и другие способы совершить самоубийство, но более глупых найдется немного. Охранник сам должен подойти к нему, и при этом ничего не подозревая. Рейнольдс вдруг усмехнулся, затушил сигарету и быстро встал. Графу понравится, подумал он.

Сорвав с себя шляпу, пиджак, галстук и рубашку, бросил их в ванну, набрал в таз горячей воды, взял кусок мыла и стал энергично намыливать лицо, пока оно не покрылось толстым белым слоем пены до самых глаз: насколько он знал,

его описание было разослано всем полицейским и сотрудникам ДГБ в Будапеште. Затем он тщательно вытер руки, взял в левую руку пистолет, накрыл его полотенцем и открыл дверь. Он позвал охранника негромким, но очень четким голосом, донесшимся до самого конца коридора.

Охранник немедленно развернулся, его рука машинально потянулась вниз, к пистолету, но остановилась на полпути, когда он увидел это явление — безобидную фигуру в майке, жестикулирующую в другом конце коридора. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Рейнольдс настоятельно призвал его к молчанию всем понятным знаком: поднеся к поджатым губам указательный палец. Охранник секунду колебался, глядя, как Рейнольдс отчаянно призывает его к себе, а затем побежал по коридору, бесшумно ступая резиновыми подошвами по глубокому ворсу ковра. Достав на бегу пистолет, он остановился рядом с Рейнольдсом.

— Там на пожарной лестнице кто-то есть, — прошептал Рейнольдс. Нервно теребя полотенце, он переложил под ним пистолет в правую руку стволом вперед. — Он пытается выломать двери.

— Вы в этом уверены? — хриплым гортанным голосом пробормотал охранник. — Вы его ви-

дели?

— Видел, — нервным дрожащим голосом прошептал Рейнольдс. — Но ему с улицы ничего не видно. Шторы задернуты.

Глаза у охранника сузились, а толстые губы растянулись в почти волчьей улыбке предвкушения. Одним небесам было известно, какие необузданные мечты о триумфе и повышении по службе витали в его голове. О чем бы ни были его мысли, подозрению и осторожности в них не было места. Грубо оттолкнув Рейнольдса в сторону, он распахнул дверь ванной, и Рейнольдс, убрав с правой руки полотенце, последовал за ним по пятам.

Сбитого с ног охранника он подхватил и мягко положил на пол. На то, чтобы открыть бельевой шкаф, разорвать пару простыней, связать потерявшего сознание охранника и заткнуть ему рот, затащить его в шкаф и запереть, тренированным рукам Рейнольдса потребовалось всего две минуты.

Еще через две минуты Рейнольдс со шляпой в руке и перекинутым через руку пальто, словно вернувшийся откуда-то законный постоялец отеля, стоял перед дверью номера 59. При нем было полдюжины отмычек и четыре универсальных

ключа, полученных от управляющего его гостиницы, — но ни один из них не подошел.

Рейнольдс застыл в полной неподвижности. Этого он никак не ожидал — с такими ключами он должен был бы войти в любую гостиничную дверь. О том, чтобы выломать ее, не могло быть и речи: со взломанным замком дверь будет уже не запереть снова, риск слишком велик. Если профессора будет сопровождать в его номер охранник, что вполне вероятно, и если он обнаружит незапертую дверь, которую тот оставил закрытой, это вызовет подозрения и станет причиной немедленного обыска.

Рейнольдс переместился к соседней двери. По обеим сторонам коридора только на каждой второй двери имелся номер, и можно было с уверенностью предположить, что двери без номеров ведут из коридора в отдельные ванные комнаты, примыкающие к каждому номеру, — русские предоставили своим ведущим ученым удобства и условия, которые в других, менее прагматичных странах обычно предназначаются для кинозвезд, аристократов и первых персон высшего общества.

Конечно же, и эта дверь оказалась запертой. Такой длинный коридор в столь заполненном отеле

не мог оставаться пустым бесконечно долго, и Рейнольдс вставлял ключи в замок и вынимал их с проворством и ловкостью фокусника. Удача снова отвернулась от него. Он достал фонарик, опустился на колени и заглянул в щель между дверью и косяком — на этот раз удача была на его стороне. На континенте двери обычно навешивают поверх косяка, и язычок замка недоступен, но эта дверь была установлена внутрь косяка. Рейнольдс быстро извлек из бумажника продолговатый кусочек довольно жесткого целлулоида размером семь на пять — в некоторых странах обнаружение такого предмета у какого-нибудь грабителя было бы достаточным основанием для того, чтобы предать его суду за хранение орудия взлома, — и просунул его между дверью и косяком. Он взялся за ручку двери, потянул ее на себя и в направлении петель, втиснул целлулоид за язычок, отпустил дверь и рывком задвинул ее назад. Язычок подвинулся, громко щелкнув, и через мгновение Рейнольдс был внутри.

Ванная комната — а это оказалась действительно она — во всех деталях была похожа на ту, из которой он только что вышел, только двери были расположены по-другому. Когда он вошел во вторую дверь, то увидел, что сдвоенный шкаф

находится справа от него. Он открыл его половинки — одна была отведена под полки, а другая, с зеркалом на дверце во всю высоту, была пуста — и снова закрыл их. Вполне можно спрятаться, но он надеялся, что ему не придется воспользоваться этим укрытием.

Он подошел к двери, ведущей в спальню, и заглянул в замочную скважину. В комнате было темно. Он коснулся ручки, дверь подалась, и он шагнул внутрь, быстро обводя комнату тонким, как карандаш, лучом фонарика. Никого нет. Он подошел к окну, убедился, что жалюзи и портьеры не оставляют ни малейшего просвета, прошел к двери, включил свет и повесил шляпу на ручку, чтобы закрыть замочную скважину.

Делать обыск Рейнольдс умел. Всего за минуту он успел тщательно осмотреть стены, картины и потолки и убедиться, что в номере нет глазков для подсматривания, и меньше чем за двадцать секунд нашел неизбежный микрофон, спрятанный за вентиляционной решеткой над окном. Он перешел к осмотру ванной — это заняло несколько секунд. Ванна была встроенная, там ничего не могло быть интересного. За раковиной и унитазом тоже ничего не было, а за занавесками душа он обнаружил только латунный поручень

и старомодную душевую лейку, прикрепленную к потолку.

Он задергивал занавески, когда услышал, как кто-то идет по коридору и уже приблизился к двери ванной. Звук шагов заглушался толстым ковром. Он выбежал в спальню и выключил свет. К номеру приближались двое, он слышал, как они разговаривают, и мог только надеяться, что щелчок выключателя не был слышен за их голосами. Он подхватил шляпу, быстро вернулся в ванную, закрыл на три четверти дверь и уже смотрел в щель между косяком и дверью, когда в замке повернулся ключ и в комнату вошел Дженнингс. За ним, чуть ли не наступая ему на пятки, проследовал высокий грузный человек в коричневом костюме. Нельзя было понять, сотрудник ли это, приставленный к профессору департаментом госбезопасности, или просто коллега Дженнингса. Очевидно было одно: он нес бутылку и два бокала и явно намеревался посидеть с профессором в номере.

Глава 5

Рейнольдс машинально вытащил пистолет. Вздумай спутник Дженнингса осмотреть ванную, он, Рейнольдс, не успеет спрятаться в шкафу. Если же его обнаружат, то у него не останется выбора, а если он отправит в нокаут или убьет дэгэбэшника — на всякий случай он должен был предположить, что это дэгэбэшник, — то корабли будут сожжены. Другой возможности связаться с Дженнингсом тогда уже не будет, старому профессору придется отправиться с ним в путь тем же вечером, захочет он того или нет, а шансы улизнуть из «Трех корон» незамеченным да еще с пленником, идущим против своей воли под дулом пистолета, и пройти хоть какое-то расстояние сквозь враждебную темноту Будапешта Рейнольдс оценивал как почти нулевые.

Но человек, пришедший с Дженнингсом, похоже, не собирался заходить в ванную, и вскоре стало ясно, что он не из ДГБ. Похоже, Дженнингс был с ним вполне на дружеской ноге, называл его Иосифом и обсуждал с ним по-английски какие-то узкоспециализированные вопросы, о

которых Рейнольдс не имел даже отдаленного представления. Без сомнения, это его коллега. Рейнольдс сначала удивился тому, что русские позволили двум ученым, один из которых иностранец, так свободно беседовать, но потом вспомнил о микрофоне, и его удивление прошло. Говорил по большей части человек в коричневом костюме, и в первую минуту это показалось Рейнольдсу странным, ведь Гарольд Дженнингс был известен как человек разговорчивый до болтливости и прямой до неосмотрительности. Но, заглянув за косяк двери, Рейнольдс увидел, что профессор сильно изменился по сравнению с тем Дженнингсом, чью внешность он запомнил по сотне фотографий. За два года вдали от родины он как будто постарел больше чем на десяток лет. Дженнингс, казалось, стал меньше, как-то очень усох, и на месте некогда роскошной гривы белых волос теперь на лысеющей голове осталось лишь несколько разрозненных прядей; на болезненно бледном лице, изборожденном глубокими морщинами, только глаза — темные, впалые лужицы — не утратили своего огня и властности. Рейнольдс улыбнулся в темноте сам себе. Что бы там русские ни сделали со стариком, они не сломили его дух: это было просто невозможно.

Рейнольдс взглянул на светящийся циферблат часов, и улыбка сошла с его лица. Времени оставалось совсем мало. Он должен поговорить с Дженнингсом, поговорить наедине, и как можно скорее. За какую-то минуту ему в голову пришло с полдесятка разных идей, но он отбросил их все как неосуществимые или слишком опасные. Рисковать нельзя. Человек в коричневом костюме, при всем своем демонстрируемом дружелюбии, — все-таки русский, и его следует рассматривать как врага.

Наконец он придумал план, суливший какой-то шанс на успех. Нельзя было назвать его беспроигрышным — тут уж как повезет, или провал, или удача, но этим шансом нужно воспользоваться. Он бесшумно пересек ванную, взял кусок мыла, тихо вернулся к большому шкафу, открыл дверцу с высоким зеркалом внутри и начал писать на стекле.

Но у него ничего не получилось. Сухое мыло плавно скользило по гладкой поверхности, почти не оставляя следов. Рейнольдс тихо выругался, опять бесшумно подошел к умывальнику, очень осторожно повернул кран и, когда потекла тоненькая струйка воды, хорошенько намочил мыло. На этот раз все пошло как по маслу, и он

написал на стекле четкими печатными буквами: «Я ИЗ АНГЛИИ — НЕМЕДЛЕННО ВЫПРОВОДИТЕ СВОЕГО КОЛЛЕГУ». Затем он аккуратно, стараясь не лязгнуть и не скрипнуть петлями, приоткрыл дверь ванной в коридор и выглянул наружу. Коридор был пуст. Двумя большими шагами он приблизился к двери комнаты Дженнингса, быстро и едва слышно постучался, так же бесшумно, как вышел, вернулся в ванную и поднял с пола фонарик.

Человек в коричневом костюме уже поднялся и направлялся к двери, когда Рейнольдс высунул голову в приоткрытую дверь ванной, предупреждающе приложив к губам палец, а пальцем другой руки нажимая на кнопку для азбуки Морзе на своем фонарике. В глаза Дженнингсу ударил луч — всего на долю секунды, но этого было достаточно. Профессор испуганно поднял глаза, увидел лицо в проеме двери, но даже предостерегающий сигнал Рейнольдса указательным пальцем не воспрепятствовал вырвавшемуся у него восклицанию. Человек в коричневом костюме, стоявший у открытой двери и непонимающе оглядывавший коридор, обернулся.

— Профессор, что-то случилось?

Дженнингс кивнул.

— Проклятая голова — вы знаете, как я с ней мучаюсь… Там никого нет?

— Никого — пустой коридор. Готов поклясться… Профессор Дженнингс, вам, кажется, нездоровится.

— Да нет. Простите меня. — Дженнингс вяло улыбнулся и встал. — Пойду налью себе воды и приму таблетки от мигрени.

Рейнольдс стоял в большом шкафу, дверца была приоткрыта. Увидев, что Дженнингс входит в ванную, он распахнул дверцу настежь. Дженнингс не мог не увидеть надпись на зеркале: он едва заметно кивнул, предостерегающе взглянул на Рейнольдса и, не сбавляя шага, направился к умывальнику. Для старика, не привыкшего к подобным делам, это было блестящее представление.

Рейнольдс правильно истолковал предупреждающий взгляд. Едва успела закрыться дверца шкафа, как собеседник профессора вернулся в номер.

— Может, вызвать гостиничного врача? — обеспокоенно предложил он. — Он будет рад вам помочь.

— Нет-нет. — Дженнингс проглотил таблетку и запил ее. — Я знаю эти свои проклятые мигрени

лучше любого врача. Три таблетки, потом три часа полежать в полной темноте. Мне очень жаль, Иосиф, мы только подошли в нашей беседе к самому интересному, но, если вы позволите, я…

— Ну разумеется. — Гость профессора был сама сердечность и понимание. — Что бы ни случилось, вы должны быть в полном здравии к вступительной речи в понедельник.

Человек в коричневом костюме выразил в нескольких банальных словах свое сочувствие, попрощался и ушел.

Дверь со щелчком закрылась, и мягкий звук его шагов затих вдали. Дженнингс, на лице которого причудливо смешались негодование, опасение и ожидание, хотел было заговорить, но Рейнольдс поднял руку, призывая к молчанию, подошел к двери номера, запер ее, вынул ключ, попробовал вставить его в дверь ванной, выходящую в коридор, к своему облегчению, обнаружил, что ключ подошел, запер ее и закрыл дверь, ведущую в спальню. Он достал портсигар и, открыв его, протянул профессору, но тот лишь отмахнулся.

— Кто вы? Что вы делаете в моем номере?

Профессор спросил это негромко, но с явным раздражением, хотя и чуть-чуть испуганно.

— Я Майкл Рейнольдс. — Рейнольдс закурил

— он чувствовал, что ему это сейчас необходимо. — Сэр, я вылетел из Лондона всего двое суток назад и хотел бы поговорить с вами.

— Тогда, черт возьми, почему бы нам спокойно не поговорить у меня в номере?

Дженнингс повернулся и резко подался вперед, но Рейнольдс схватил его за плечо.

— Сэр, только не там. — Рейнольдс качнул головой. — В вентиляционной решетке над вашим окном спрятан микрофон.

— Что там спрятано?.. А вы, молодой человек, откуда это знаете?

Профессор медленно шагнул обратно, к Рейнольдсу.

— Я успел там осмотреться до вашего прихода, — извиняющимся тоном сказал Рейнольдс. — Пробрался в номер всего за минуту до того, как пришли вы.

— И за это время вы успели обнаружить микрофон? — недоверчиво и даже не стараясь быть вежливым сказал Дженнингс.

— Я сразу нашел его. Это моя работа — знать, где искать такие предметы.

— Ну конечно! Кем же еще вы можете быть! Агент разведки, контрразведки — черт вас разберет, для меня это все одно. В общем, британская

секретная служба.

— Популярное, но ошибочное…

— Да ну! Хоть розой назови ее, хоть нет[6].

Если и есть в этом человечке страх, бесстрастно подумал Рейнольдс, то уж точно не за себя: огонь, о котором он был столь наслышан, пылал с прежней силой.

— Сэр, зачем вы здесь? Что вам нужно?

— Вы, — тихо ответил Рейнольдс. — Вернее, вы нужны британскому правительству. Правительство попросило меня передать вам самое искреннее приглашение…

— На редкость учтиво со стороны британского правительства, надо сказать. Эх, я этого ждал, уже давно ждал. — Рейнольдс подумал, что если бы Дженнингс был драконом, то все в радиусе трех метров от него пожрало бы пламя. — Мистер Рейнольдс, передавайте привет британскому правительству и скажите ему от моего имени, чтобы оно шло к чертям. Когда оно к ним провалится, то, может быть, найдет там кого-нибудь, кто поможет им конструировать их адские машины, но это буду не я.

— Сэр, вы нужны стране, она отчаянно нужда-

---

[6] Notes: 6

У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Перевод Б. Пастернака.

ется в вас.

— Последний довод и самый жалкий, — уже с откровенным презрением сказал старик. — Мистер Рейнольдс, избитые лозунги изжившего себя национализма, затасканные фразы ваших пустоголовых ура-патриотов рассчитаны только на «сынов века сего»[7], кретинов, карьеристов и тех, кто живет исключительно ради войны. Я же готов работать только ради мира во всем мире.

— Замечательно, сэр. — На родине сильно недооценили или доверчивость Дженнингса, или изощренность оболванивания людей у русских, с иронией подумал Рейнольдс; тем не менее его слова показались ему отголоском того, что говорил Янчи. Он посмотрел на Дженнингса. — Решение, конечно, только за вами.

— Как? — Дженнингс был изумлен и не мог этого скрыть. — Вы согласны на это? Так легко соглашаетесь, проделав такой долгий путь?

Рейнольдс пожал плечами:

— Доктор Дженнингс, я всего лишь посредник.

— Посредник? А что, если бы я согласился на ваше нелепое предложение?

— Тогда я, конечно, сопровождал бы вас в ва-

---

[7] Notes: 7
Лк. 16: 8.

шем возвращении в Британию.

— Вы бы… Мистер Рейнольдс, вы понимаете, что говорите? Вы понимаете, что… вам… вам пришлось бы вывезти меня из Будапешта, потом пробираться через всю Венгрию, пересечь границу… — Голос Дженнингса медленно затих, а когда он снова поднял глаза на Рейнольдса, в них опять стоял страх. — Вы не простой посредник, мистер Рейнольдс, — прошептал он. — Такие люди, как вы, никогда не бывают посредниками. — Внезапно старик обрел уверенность, а его губы раздвинулись в тонкой улыбке. — Никто не велел вам приглашать меня обратно в Британию — вам велели привезти меня. И никаких «если» или «может быть», не так ли, мистер Рейнольдс?

— Сэр, ну не глупо ли это? — тихо произнес Рейнольдс. — Даже если бы я мог принудить вас к этому — а я не могу, я не такой дурак, чтобы пойти на это. Если вас, связанного по рукам и ногам, притащить обратно в Британию, все равно невозможно будет удержать вас там или заставить работать против вашей воли. Давайте не будем путать ура-патриотов с тайной полицией государства-сателлита.

— Я и не ожидал, что вы прибегнете к прямому насилию, чтобы вернуть меня домой. — Во взгля-

де старика оставался страх — страх и душевная боль. — Мистер Рейнольдс, моя жена жива?

— Я видел ее за два часа до моего вылета из Лондона. — В каждом слове, произносимом Рейнольдсом, чувствовалась спокойная искренность — между тем он никогда в жизни не видел миссис Дженнингс. — По-моему, она держалась молодцом.

— Она… она все еще в критическом состоянии?

— Это могут сказать только врачи. — Рейнольдс пожал плечами.

— Ради бога, любезный, не мучайте меня! Что они говорят?

— Замороженное состояние. Вряд ли это медицинский термин, доктор Дженнингс, но мистер Батерст — хирург, который ее оперировал, — называет это именно так. Она все время в сознании, почти не испытывает боли, но очень слаба: если быть до конца откровенным, она может в любой момент умереть. Мистер Батерст говорит, что она потеряла волю к жизни.

— Боже мой, боже мой! — Дженнингс отвернулся и устремил невидящий взгляд в покрытое морозным узором окно. Когда он снова повернулся к Рейнольдсу, его лицо было искажено, а темные глаза заволокло слезами. — Я не могу в

это поверить, мистер Рейнольдс, просто не могу. Это невозможно. Моя Кэтрин всегда была бойцом. Она всегда…

— Вы не хотите этому поверить, — холодно, почти жестоко перебил его Рейнольдс. — Не важно, как вы себя обманываете, не правда ли, лишь бы это успокаивало вашу совесть, вашу драгоценную совесть, которая позволяет вам продать с потрохами свой народ в обмен на весь этот дешевый треп о сосуществовании. Вы ведь прекрасно знаете, что вашей жене не для чего жить, когда ее мужа и сына навсегда заперли от нее за железным занавесом.

— Как вы смеете говорить…

— Меня от вас тошнит! — На мгновение Рейнольдсу стало противно от того, что он делает с этим беззащитным стариком, но он подавил в себе это чувство. — Вы тут произносите красивые слова, руководствуетесь этими своими замечательными принципами, а в это время ваша жена лежит в лондонской больнице и умирает, она умирает, доктор Дженнингс, а вы убиваете ее с не меньшей силой, чем если бы стояли у изголовья и душили ее…

— Замолчите! Замолчите! Ради бога, замолчите! — Дженнингс закрыл уши руками и затряс

головой, словно в агонии. Потом провел руками по лбу. — Вы правы, Рейнольдс, бог свидетель, вы правы, я бы завтра же отправился к ней, но есть еще кое-что. — Он в отчаянии покачал головой. — Как можно просить кого-то выбрать между жизнью жены, состояние которой, может быть, уже безнадежно, и жизнью единственного сына. Я в безвыходном положении! У меня сын…

— Доктор Дженнингс, мы все знаем о вашем сыне. Мы не настолько безжалостны. — Рейнольдс понизил голос до мягкого, уговаривающего бормотания. — Брайан вчера был в Познани. Сегодня во второй половине дня он будет в Щецине, а завтра утром — в Швеции. Мне нужно только получить по радио подтверждение из Лондона, и тогда мы сможем отправиться в путь. Не позже чем через сутки.

— Не верю, я вам не верю. — На старом, испещренном морщинами лице отразилась мучительная борьба между надеждой и недоверием. — Как вы можете утверждать…

— Я ничего не могу доказать, да и не должен вам ничего доказывать, — устало произнес Рейнольдс. — При всем уважении к вам, сэр, что, черт возьми, случилось с вашим могучим умом? Вы, разумеется, знаете: единственное, чего пра-

вительство хочет от вас, — это чтобы вы снова начали работать на них. И вы также знаете, что они знают, какой вы человек. Они прекрасно понимают: если бы вы вернулись домой и обнаружили, что ваш сын остался пленником в России, то вы бы до самой своей смерти ни за что не стали работать на них. А такого исхода им хотелось бы меньше всего на свете.

Убедить Дженнингса оказалось делом нелегким, но теперь, когда это удалось, его намерение было уже бесповоротным. Видя, как оживает лицо профессора, как беспокойство, печаль и страх постепенно сменяются решимостью, Рейнольдс чуть не рассмеялся от глубокого облегчения: он только сейчас осознал, каким сильным было напряжение даже для него самого. Еще пять минут, десяток вопросов, сыпавшихся один за другим, и профессор, уже пылавший надеждой увидеть в ближайшие дни жену и сына, был готов отправиться в путь этой же ночью, прямо сейчас, и его теперь приходилось сдерживать. Рейнольдс мягко объяснил, что нужно все спланировать и, самое главное, сначала получить известие о том, что Брайан сумел выехать, и это немедленно заставило Дженнингса спуститься с облаков на землю. Он согласился подождать дальнейших

указаний, несколько раз вслух повторил адрес дома Янчи, пока не выучил его наизусть, согласился ни в коем случае не пользоваться им, если только не произойдет что-нибудь чрезвычайное — насколько понимал Рейнольдс, полиция могла уже начать слежку, — и пообещал пока продолжать работать и вести себя точно так же, как прежде.

Он теперь совсем по-другому смотрел на Рейнольдса и попытался уговорить его выпить с ним, но тот отказался. Было еще только полвосьмого. До встречи в «Белом ангеле» времени хватало, но испытывать судьбу дальше уже не имело смысла: запертый в шкафу охранник может в любой момент прийти в себя и начать вышибать дверь, или вдруг начальник пойдет с обходом и обнаружит его исчезновение. Рейнольдс немедленно покинул номер профессора через окно, спустившись по паре связанных простыней до самой решетки окна первого этажа, за которую он и уцепился. Дженнингс еще не успел втянуть обратно простыни и закрыть окно, когда Рейнольдс бесшумно спрыгнул на землю и, словно призрак, растворился в темноте и снежной пелене.

Кафе «Белый ангел» находилось неподалеку от восточного берега Дуная на пештской стороне, напротив острова Маргит. Рейнольдс прошел

через его покрытые инеем распашные двери, как раз когда колокол стоящей неподалеку церкви пробил восемь часов. Из-за снежной завесы звон прозвучал приглушенно, слабо.

Мир, лежащий снаружи, разительно отличался от того, что открылось взгляду Рейнольдса, когда он вошел. Один шаг через порог — и снег, холод, зябкое, темное, безмолвное одиночество безжизненных улиц Будапешта волшебным образом сменились теплом, ярким светом и веселыми смеющимися, журчащими голосами людей, которые находят в тесном и дымном пространстве маленького кафе выход своему природному стадному чувству и пытаются убежать от жестокой реальности внешнего мира, каким бы искусственным и эфемерным ни был этот побег.

Сначала Рейнольдс был удивлен, почти потрясен, обнаружив такой оазис красок и света в угрюмой, унылой серости полицейского государства, но его удивление быстро прошло: коммунисты — неплохие психологи, и они неминуемо должны были не только допускать существование таких мест, но и поощрять это. Если люди хотят собираться компаниями, а они будут это делать, несмотря ни на какие запреты, то куда лучше, чтобы это происходило

открыто, пусть пьют свой кофе, вино и портер под бдительным и благосклонным присмотром доверенных слуг государства, а не устраивают сборища где-нибудь в темных закоулках, чтобы плести заговоры против государственного строя. Отличные предохранительные клапаны, с иронией подумал Рейнольдс.

Он на мгновение остановился у входа, а затем, не торопясь, двинулся дальше. За двумя столиками у дверей теснились русские солдаты, они смеялись, пели и весело стучали стаканами по столу. Вполне безобидные, решил Рейнольдс, потому-то это кафе и было выбрано для встречи: никто не будет искать западного шпиона в питейном заведении, где гуляют русские солдаты. Впрочем, это были первые русские, которых увидел Рейнольдс, и он предпочел не задерживаться рядом с ними.

Он прошел вглубь кафе и почти сразу увидел ее — она сидела одна за маленьким столиком на двоих. На ней было пальто с капюшоном, о котором Рейнольдсу говорил управляющий, но сейчас капюшон был откинут, а пальто распахнуто у шеи. Она встретилась с ним взглядом, ничем не выдав, что узнала его, и Рейнольдс сразу подыграл ей. Рядом было с полдюжины столиков

с одним или двумя свободными местами, и он постоял, как бы раздумывая, куда бы сесть, пока на него не стали обращать внимание. Тогда он направился к столику Юли.

— Вы не возражаете, если я к вам подсяду? — спросил он.

Она уставилась на него, повернула голову и демонстративно посмотрела на маленький пустой столик в углу, снова взглянула на него, а затем так же демонстративно повернулась к Рейнольдсу боком. Слов она никаких не произнесла, и Рейнольдс, когда садился, услышал за спиной сдерживаемое хихиканье. Он пододвинул свой стул к ней поближе и почти шепотом спросил:

— Неприятности?

— За мной хвост.

Юля повернулась к нему, глядя на него враждебно и отстраненно. В уме ей не откажешь, подумал Рейнольдс, и, черт возьми, она знает, как себя вести.

— Он здесь?

Она едва заметно кивнула.

— Где?

— На скамье у двери. Рядом с солдатами.

Рейнольдс даже не пошевелился, чтобы повернуть голову.

— Опишите его.

— Среднего роста, в коричневом плаще, без шляпы, худощавое лицо, черные усы.

Презрительное выражение ее лица почти комично контрастировало с произносимыми словами.

— Нужно избавиться от него. На улице. Сначала вы, потом я.

Он протянул руку, сжал ее предплечье, наклонился и с вожделением посмотрел на девушку.

— Это я пытаюсь вас подцепить. Я даже сделал вам очень неприличное предложение. Как вы отреагируете?

— Вот так.

Она размахнулась свободной рукой и влепила Рейнольдсу пощечину, да так громко, что в кафе тут же прервался гомон, стихли разговоры, и все взгляды обратились в их сторону.

После этого Юля поднялась, подхватила сумочку и перчатки и с надменным видом прошествовала к дверям, не глядя по сторонам. Словно по сигналу, болтовня и смех возобновились; Рейнольдс знал, что смеялись главным образом над ним.

Он осторожно погладил пылающую щеку. Реализм реализмом, подумал он с горечью, однако

юная леди чересчур увлеклась. С нахмуренным лицом он повернулся на стуле, чтобы успеть увидеть, как за ней закрываются стеклянные двери и как человек в коричневом плаще, стараясь быть незаметным, поднимается со своего места у двери, бросает на стол деньги и следует почти по пятам за ней еще до того, как двери перестают ходить взад-вперед.

Рейнольдс поднялся на ноги с видом человека, решительно настроенного как можно быстрее покинуть место своего позора и унижения. Он знал, что все смотрят на него, и когда он поднял воротник пальто и опустил поля шляпы, публика опять разразилась злорадным смехом. Когда он уже подходил к дверям, дородный русский солдат с красным от выпивки и смеха лицом грузно поднялся из-за стола, что-то сказал Рейнольдсу и хлопнул его по спине с такой силой, что того отшатнуло к стойке. Солдат согнулся пополам, корчась от смеха и радуясь своему остроумию. Незнакомый с русскими и их повадками, Рейнольдс не знал, что будет безопаснее в данных обстоятельствах — рассердиться или испугаться и удовольствовался гримасой, сочетающей в себе угрюмую нахмуренность и сконфуженную улыбку. Он ловко увернулся и исчез прежде, чем

весельчак успел наброситься на него снова.

Снег уже падал мелкий, и Рейнольдс без труда разглядел девушку и ее соглядатая. Они медленно шли по улице, и он последовал за ними, отставая от «хвоста» на максимальное расстояние, с которого тот не потерялся бы из виду. Двести метров, четыреста, пара поворотов за угол, и Юля остановилась на трамвайной остановке напротив торговых рядов. Человек-тень, преследовавший ее, бесшумно скользнул в подъезд рядом с остановкой. Рейнольдс прошел мимо него и присоединился к девушке, стоявшей под стеклянным навесом.

— Он там, сзади, в подъезде, — прошептал Рейнольдс. — Как думаете, получится ли у вас отчаянно побороться за свою честь?

— Получится ли… — Она запнулась и бросила беспокойный взгляд через плечо. — Нужно поосторожнее. Он наверняка из ДГБ, а все дэгэбэшники опасны.

— Ох какие опасные мальчики! — грубовато пошутил Рейнольдс. — Времени у нас в обрез. — Он оценивающе посмотрел на нее, затем поднял руки и схватил Юлю за отвороты пальто. — Давайте я буду вас душить. Это объяснит причину, по которой вы не зовете на помощь. Нам тут больше

никто не нужен!

«Хвост» поддался на уловку — было бы уж слишком бесчеловечно, если он бы на нее не поддался. Увидев, как мужчина и женщина, шатаясь, выходят из-под навеса на остановке, как женщина отчаянно пытается вырваться из рук, обхвативших ее горло, он не стал медлить. Бесшумно ступая по утоптанному снегу, он пронесся по тротуару, высоко подняв в правой руке оружие — холщовую кишку, наполненную свинцовой дробью, — и рухнул без звука, когда Рейнольдс после предупреждающего возгласа девушки развернулся и нанес ему мощный удар локтем в солнечное сплетение, а затем рубанул ребром открытой ладони по шее сбоку. Рейнольдсу потребовалось всего несколько секунд, чтобы засунуть в карман кишку соглядатая, самого его затащить под навес, взять девушку за руку и двинуться прочь по улице.

Юля сильно дрожала. Рейнольдс удивленно всматривался в нее в почти полной темноте сторожевой будки. В тесном помещении, укрытом от снега и пронизывающего ветра, было почти уютно, и даже через пальто он чувствовал своим плечом тепло Юлиного плеча. Рейнольдс потянулся к руке девушки — когда они пришли сюда

десять минут назад, она сняла перчатки, чтобы растереть руки и восстановить кровообращение, — но та отдернула ее, словно прикоснулась к огню.

— Что с вами? — с недоумением произнес Рейнольдс. — Вам никак не согреться?

— Не знаю… Нет, знаю. Мне не холодно. — Она снова задрожала. — Дело… дело в вас. Вы слишком жестоки. Я боюсь жестоких людей.

— Боитесь меня? — В голосе Рейнольдса прозвучало недоверие, он и правда не мог в это поверить. — Девочка моя дорогая, да я и волоска на вашей голове не трону.

— Я вам не девочка! — После миновавшей внезапной вспышки голос ее сделался тихим и тонким. — Знаю, что не тронете.

— Тогда в чем же, черт возьми, я виноват?

— Ни в чем. В том-то и беда. Дело не в том, что вы делаете, а в том, чего не делаете, чего не показываете. Вы не проявляете никаких чувств, никаких эмоций, интереса к чему-либо, вас ничто не беспокоит. О да, вам важно сделать свою работу, но вам абсолютно безразличны способы, то, как вы ее делаете. Вам главное — достичь цели. Граф говорит, что вы всего лишь машина, механизм, предназначенный для выполнения

определенной задачи, но вы не живете, не существуете как личность. Он говорит, что вы, похоже, единственный известный ему человек, который никогда и ничего не боится, а он боится людей, которые никогда ничего не боятся. Представьте себе! Граф, и боится!

— Представляю, — мягко промямлил Рейнольдс.

— Янчи говорит то же самое. Он говорит, что вы не моральны и не аморальны, у вас просто нет нравственного начала, зато есть определенные заданные пробританские и антикоммунистические установки, которые сами по себе ничего не стоят. Он говорит, что вы решаете, убивать или нет не по принципу «хорошо или плохо», а просто из соображений целесообразности. Он говорит, что встречал сотни таких молодых людей в НКВД, Ваффен-СС и других подобных организациях — они слепо подчиняются и слепо убивают, никогда не задавая себе вопрос, хорошо это или плохо. Вся разница, говорит мой отец, в том, что вы не будете убивать без причины. Но это единственное отличие.

— Я, вообще-то, вполне дружелюбный, — пробормотал Рейнольдс.

— Вот! Понимаете, о чем я? Вас ничем не пробе-

решь. Что было сегодня вечером? Вы засовываете связанного человека с кляпом во рту в шкаф и оставляете его там задыхаться — может, он уже и задохнулся. Другому вы даете тумака и бросаете замерзать на снегу — он и двадцати минут не протянет. Вы…

— Первого я мог бы пристрелить, — тихо ответил Рейнольдс. — У меня же глушитель. А этот тип с кишкой, думаете, не бросил бы меня замерзать, если бы заехал мне первый?

— Вы просто увиливаете… Ну а хуже всего история с этим бедным стариком. Вам ведь все равно, какими средствами вы заставите его вернуться в Англию. Он думает, что его жена умирает, но вы будете мучить его, пока он не свихнется от переживаний и горя. Вы уговариваете его поверить вам, заставляете поверить, что если она умрет, то это он будет ее убийцей. Зачем, мистер Рейнольдс, зачем?

— Вы знаете зачем. Затем, что я гадкий, безнравственный, бесчувственный чикагский гангстер-автомат, который просто делает, что ему велят. Как вы только что сказали.

— Я просто трачу время зря, да, мистер Рейнольдс? — ровным и скучным тоном спросила девушка.

— Ну что вы! — усмехнулся в темноте Рейнольдс. — Так бы и слушал всю ночь ваш голос, и, конечно, вы не стали бы так горячо мне проповедовать, если бы не верили, что есть какая-то надежда на мое обращение.

— Смеетесь надо мной?

— Это была отвратительная, самодовольная насмешка, — ответил Рейнольдс, потом схватил ее за руку и прошептал: — Тихо — и не шевелитесь!

— Что… — только и успела вымолвить Юля, но Рейнольдс зажал ей рот рукой.

Она начала было сопротивляться, но почти сразу расслабилась. Она тоже услышала этот звук — хруст шагов по снегу. Они сидели, не шевелясь и едва смея дышать, пока трое полицейских медленно не прошли мимо них, мимо пустынных террас кафе, и не исчезли за поворотом дорожки, петляющей под голыми, занесенными снегом буками, платанами и дубами, выстроившимися вокруг просторной лужайки.

— Вы же, кажется, сказали, что в этой части острова Маргит никогда никого не бывает, — резко прошептал он. — Что зимой сюда не ходят.

— Так всегда было раньше, — пробормотала она. — Я знала, что полицейские делают обход, но не думала, что они ходят этим маршрутом. Но

они вернутся не меньше чем через час, я в этом уверена. Остров Маргариты большой, они не скоро его обойдут.

Это Юля, стуча зубами от холода и горя желанием найти уголок, где они могли бы поговорить наедине, предложила пойти на остров Маргит после бесплодного блуждания по улицам — «Белый ангел» было единственным кафе в этом районе, все другие не работали. Некоторые части острова, по ее словам, были закрыты, там после определенного времени действовал комендантский час, но к комендантскому часу относились не слишком серьезно. Патрульные были сотрудниками обычной полиции, а не тайной, и отличались от ДГБ, как воск от сыра. Рейнольдс, сам замерзший, как и Юля, с готовностью согласился, и сторожка, окруженная брусками гранита, строительной крошкой и железными бочками с гудроном — все это оставили на месте дорожные рабочие, прекратившие работы с наступлением холодов, — показалась им идеальным местом.

Здесь, в сторожке, Юля рассказала Рейнольдсу о последних событиях в доме Янчи. Двое соглядатаев, что так усердно наблюдали за домом, допустили оплошность — единственную и последнюю. Они стали слишком самонадеянными

и завели манеру прохаживаться по той стороне улицы, где располагался гараж, а не по противоположной, и в один удачный момент, обнаружив, что дверь гаража открыта, поддались любопытству и заглянули внутрь. Это оказалось ошибкой: там их поджидал Шандор. Оставалось неизвестным, информаторы они были или сотрудники ДГБ, — Шандор перестарался и приложил их лбами друг к другу чуть сильнее, чем это было необходимо. Но главное в другом — теперь они оба под замком, и Рейнольдс может спокойно прийти в дом, чтобы составить окончательный план похищения профессора. Но не раньше полуночи — Янчи настаивает на этом.

Рейнольдс в свою очередь рассказал, что произошло с ним. Сейчас, когда полицейские удалились, он смотрел на Юлю в полумраке укрытия. Ее напряженная, негнущаяся, неподатливая рука оставалась в его руке, но девушка даже не отдавала себе в этом отчета.

— Мисс Иллюрина, вы ведь не созданы для всего этого, — тихо произнес он. — Мало кто готов к такому положению дел. Вы же не уезжаете и ведете такую жизнь не потому, что она вам нравится.

— «Нравится!» Боже правый, кому может нравиться такая жизнь? Ничего, кроме страха, голода

и репрессий, а для нас — постоянных переездов с места на место. Мы постоянно оглядываемся через плечо, нет ли там кого, оглядываемся и боимся при этом: вдруг там кто-нибудь есть? Сказать слово в неподходящем месте, улыбнуться, когда нельзя…

— Вы бы завтра уже уехали на Запад.

— Да. Нет-нет, я не могу. Не могу. Видите ли…

— Из-за мамы?

— Мама! — Он почувствовал, как она придвинулась к нему, повернувшись и вглядываясь в темноту. — Моей мамы нет в живых, мистер Рейнольдс.

— Нет в живых? — В его голосе прозвучало удивление. — Ваш отец говорит другое.

— Я знаю. — Ее голос смягчился. — Бедный, милый Янчи, он никогда не поверит, что мамы больше нет. Когда ее забирали, она уже умирала, от одного легкого почти ничего не оставалось, она не прожила бы еще и пары дней. Но Янчи никогда этому не поверит. Он перестанет надеяться, только когда перестанет дышать.

— Но вы говорите ему, что тоже верите в то, что она жива?

— Да. Я остаюсь здесь, потому что я — все, что у Янчи есть в этом мире, и я не могу его бросить.

Но если я скажу ему об этом, он завтра же переправит меня через австрийскую границу — он никогда не позволит мне рисковать жизнью ради него. Поэтому я говорю ему, что жду маму.

— Понятно, — единственное, что смог ответить на это Рейнольдс. И подумал: а сам он смог бы сделать подобный выбор, окажись в такой же ситуации, как она? Он вспомнил, как ему показалось, будто Янчи безразлична судьба его жены. — А ваш отец пробовал разыскать вашу маму?

— Вы ведь думаете, что нет, не пробовал? Он всегда производит такое впечатление — не знаю почему. — Она помолчала, потом продолжила: — Вы не поверите, никто не верит, но это правда: в Венгрии девять лагерей, и за последние полтора года Янчи побывал в пяти из них — маму искал. Побывал, и, как видите, вернулся. Что-то невозможное, правда?

— Что-то невозможное, — медленным эхом повторил Рейнольдс.

— И еще он прочесал тысячу, больше тысячи колхозов — или того, что было колхозами до октябрьского восстания. Он ее не нашел и никогда уже не найдет. И все равно ищет, все время будет ее искать — только не найдет никогда.

Что-то в ее голосе привлекло внимание Рейнольдса. Он осторожно протянул руку и коснулся ее лица: щеки были влажными, но Юля не отвернулась, не воспротивилась прикосновению.

— Я же сказал: это не для вас, мисс Иллюрина.

— Юля, называйте меня Юля. Не нужно произносить эту фамилию даже мысленно… Зачем я вам все это рассказываю?

— Кто знает? Но расскажите мне еще — расскажите про Янчи. Я немного слышал о нем, но совсем немного.

— Что я могу рассказать? Вы говорите «немного», но я и сама не так много знаю об отце. Он никогда не говорит о прошлом и даже не объясняет, почему не говорит. Наверное, потому, что сейчас он живет только ради мира, чтобы настал мир и чтобы помочь всем, кто не может помочь себе сам. Так он сказал однажды. Думаю, его мучают воспоминания. Он так много потерял и стольких убил. — Рейнольдс промолчал, и Юля продолжила: — Отец Янчи был одним из руководителей Коммунистической партии Украины. Он был хорошим коммунистом и при этом хорошим человеком — так бывает, мистер Рейнольдс. В тысяча девятьсот тридцать восьмом году он — как и почти все ведущие деятели украинской компар-

тии — погиб в застенках тайной полиции в Киеве. Тогда-то все и началось. Янчи казнил палачей и кое-кого из судей, но слишком многие были против него. Его увезли в Сибирь, и он провел полгода в пересыльном лагере во Владивостоке. Сидел там в подземной камере, дожидаясь, когда лед растает и за ними придет пароход. Полгода он не видел дневного света, других людей не видел полгода — объедки и помои, которые считались едой, ему спускали через люк. Все знали, кто он, и умирать ему предстояло долго. У него не было ни одеяла, ни кровати, температура была намного ниже нуля. В последний месяц Янчи перестали давать даже воду, но он выживал, слизывая иней с железной двери своей камеры. Все начинали понимать, что Янчи — неубиваемый.

— Продолжайте, продолжайте. — Рейнольдс все так же крепко держал руку девушки в своей руке, но ни он, ни она этого не замечали. — И что было потом?

— Потом пришел грузовой корабль и увез его на Колыму. С Колымы никто не возвращается, но Янчи вернулся. — В голосе девушки слышалось благоговение, хотя она повторяла это вслух или про себя, должно быть, в тысячный раз. — Это были худшие месяцы в его жизни. Не знаю, что

произошло в те дни, не думаю, что в живых остался хоть один человек, который знает, что тогда случилось. Знаю только, что он до сих пор иногда просыпается с посеревшим лицом и шепчет по-русски: «Давай, давай!» и «Быстрей, быстрей!». Наверное, это как-то связано с ездой на санях или управлением ими. Он и по сей день не выносит звук бубенцов. Вы видели, что у него на руке не хватает пальцев? Там это был любимый вид спорта: заключенных волокли за аэросанями энкавэдэшников — или тогда это были огэпэушники, — и те смотрели, как близко можно их подтянуть к винту… Иногда их подтаскивали слишком близко, и тогда лицо у человека… — На мгновение она замолчала, затем продолжила нетвердым голосом: — Наверное, можно сказать, что Янчи повезло. У него это были пальцы, только пальцы… и руки, вы видели эти шрамы у него на руках. Вы знаете, откуда они у него, мистер Рейнольдс?

Он покачал головой, и Юля, кажется, почувствовала это движение.

— Волки, мистер Рейнольдс. Волки, обезумевшие от голода. Охранники ловили их, морили голодом, а потом бросали человека и волка в одну яму. У человека, кроме своих рук, ничего не было,

и у Янчи были только его руки. И руки, и все его тело покрыты шрамами.

— Это что-то невозможное, все это — что-то невозможное, — негромко пробормотал Рейнольдс, словно пытаясь убедить себя в том, что услышанное — правда.

— На Колыме все возможно. Это еще было не самое худшее, это были пустяки. Было и другое — унижения, зверства, ужасные вещи, но он мне о них не рассказывает.

— А что это за следы распятия у него на ладонях?

— Это не следы распятия, на всех библейских картинках все изображено неправильно, невозможно распять человека за ладони… Янчи в чем-то сильно провинился, не знаю, в чем именно, и они посреди зимы повезли его в тайгу, в самую глушь, раздели догола, прибили к двум деревьям, которые росли близко друг к другу, и оставили там. Они знали, что в этом страшном холоде, окруженному волками, жить ему оставались считаные минуты… Но он спасся; бог знает, как ему это удалось, Янчи сам этого не помнит, но он спасся, нашел свою одежду там, где ее бросили, и бежал с Колымы. Тогда-то он и лишился части пальцев на руке, кончиков пальцев и ног-

тей, и всех пальцев на ногах… Вы видели, как он ходит?

— Да. — Рейнольдс вспомнил странную, скованную походку Янчи. Вспомнил его лицо, доброе, бесконечно кроткое, и попытался увидеть это лицо сквозь призму того, что с ним произошло, но несоответствие было слишком велико, и его воображение отказалось от этой попытки. — Юля, я бы не поверил, что такое могло хоть с кем-то случиться. Пройти через все это… Он точно неубиваемый.

— Я тоже так думаю. За четыре месяца он добрался до Транссибирской магистрали, того места, где она пересекает Лену. В совершенно невменяемом состоянии он остановил поезд. Долгое время он был не в своем уме, но в конце концов пришел в себя и вернулся на Украину. Это было в сорок первом году. Он пошел в армию и через год стал майором. Янчи пошел в армию по той же причине, что и большинство украинцев, — чтобы дождаться своего шанса, как они до сих пор ждут своего шанса, чтобы повернуть полки против Красной армии. И скоро этот шанс представился, когда на СССР напала Германия. — После долгой паузы Юля тихо продолжила: — Сейчас-то нам известно, но тогда мы не знали, что русские рас-

сказывают всему свету. Сейчас мы знаем, что они говорили о долгой, кровавой битве, когда войска отступали к Днепру и дальше, о выжженной земле, об отчаянной обороне Киева. Ложь, ложь, сплошная ложь — но люди по большей части до сих пор не знают, что это ложь. — Ее голос смягчился от воспоминаний. — Мы встретили немцев с распростертыми объятиями. Ни одну армию мира никогда не принимали так радушно, как мы принимали их. Мы угощали их едой и вином, украсили наши улицы, осыпали штурмовиков цветами. Ни единого выстрела не прозвучало, чтобы отстоять Киев. Украинские полки и дивизии массово дезертировали к немцам, Янчи говорит, что такого еще не было в истории, и скоро на стороне немцев уже сражалась миллионная армия русских под командованием советского генерала Андрея Власова. Янчи был в этой армии, дослужился до генерал-майора, стал одним из приближенных Власова и воевал в ее составе, пока немцы не отступили к его родному городу Виннице в сорок третьем году. — Она умолкла, потом, после длинной паузы, снова заговорила: — Вот после Винницы Янчи и изменился. Он поклялся, что больше никогда не будет воевать, что больше не будет никого убивать. И он держит

свое обещание.

— После Винницы? — Рейнольдс не понимал, о чем она говорит. — Что случилось в Виннице?

— Вы… вы ничего не знаете про Винницу?

— Ничего.

— Боже правый! — прошептала она. — Я думала, во всем мире знают о Виннице.

— Простите, но нет. Что там произошло?

— Не спрашивайте меня, не спрашивайте! — Рейнольдс услышал долгий, дрожащий вздох. — Пусть вам кто-нибудь другой расскажет, только не спрашивайте меня, пожалуйста.

— Хорошо, хорошо, — удивленно произнес Рейнольдс скороговоркой. Он чувствовал, как все ее тело сотрясается от беззвучных рыданий, и неловко похлопал ее по плечу. — Ничего не говорите. Это не важно.

— Спасибо. — Ее голос звучал приглушенно. — Это почти все, мистер Рейнольдс. Янчи пришел в свой старый дом в Виннице, а там его ждали русские — они его уже давно ждали. Его поставили командовать украинским полком, состоявшим из дезертиров, попавших в плен, дали устаревшее оружие, никак не обмундировали и отправили в бой с немцами на верную смерть. Такое происходило с десятками тысяч украинцев. Его взяли в

плен немцы, он бросил оружие и перешел на их сторону, его узнали, и остаток войны он прослужил у генерала Власова. После войны Украинская освободительная армия распалась на части — некоторые из них, хотите верьте, хотите нет, действуют до сих пор, — там он и познакомился с Графом. С тех пор они никогда не расставались.

— Он ведь поляк — Граф?

— Да, они в Польше и познакомились.

— А кто он на самом деле? Вы знаете?

Рейнольдс скорее почувствовал, чем увидел, как в темноте она покачала головой:

— Это знает Янчи, он один знает. Я знаю только, что, не считая моего отца, он самый замечательный человек, которого я когда-либо встречала. И между ними есть какая-то непонятная связь. Думаю, это потому, что у них обоих на руках столько крови, и еще потому, что оба они уже много лет никого не убивают. Это люди, преданные идее, мистер Рейнольдс.

— Он правда граф?

— Да. Насколько я знаю. Он владел огромными поместьями, озерами, лесами и обширными пастбищами в местечке под названием Августов, недалеко от границ с Восточной Пруссией и Литвой — или того, что раньше было этими

границами. В тысяча девятьсот тридцать девятом году он сражался с немцами, а затем ушел в подполье. Через некоторое время попал в плен, и немцы решили, что будет очень забавно заставить польского аристократа зарабатывать себе на жизнь принудительным трудом. Понимаете, что это за труд, мистер Рейнольдс, — убирать тысячи трупов из Варшавского гетто после того, как закончат свою работу «юнкерсы» и танки. Он с группой товарищей убил своих тюремщиков и вступил в Польскую армию сопротивления генерала Бура. Вы помните, что произошло — маршал Рокоссовский остановил свои русские войска под Варшавой и позволил немцам и польскому сопротивлению сражаться насмерть в подземных коммуникациях Варшавы.

— Помню. Люди говорят об этом сражении как о самом жестоком за всю войну. Многих поляков там зверски убили.

— Почти всех. Оставшихся, в том числе Графа, отправили в газовые камеры Освенцима. Немецкие охранники отпустили их почти всех, никто до сих пор не знает почему, но сначала поставили на каждом клеймо. Графу выжгли номер на предплечье, от запястья до локтя, вся рука у него в шишках и шрамах. — Она вздрогнула. — Это

ужасно.

— А потом он встретил вашего отца?

— Да. Они оба были у власовцев, но долго у них не задержались. Им обоим было тошно от бесконечных, бессмысленных убийств. Эти банды маскировались под русских, останавливали польские поезда, заставляли пассажиров выйти и расстреливали всех, у кого были билеты компартии, — а ведь многим приходилось вступать в партию только ради того, чтобы им и их семьям выжить; или же они входили в города, вылавливали там стахановцев или тех, кто собирался стать стахановцами, и бросали их среди ледяных глыб Вислы. И Граф с отцом ушли в Чехословакию, к словацким партизанам в Высоких Татрах.

— Я слышал про них, хоть и живу в Англии, — кивнул Рейнольдс. — Самые свирепые и независимые воины в Центральной Европе.

— Думаю, Янчи и Граф с этим согласились бы, — с чувством сказала Юля. — Но очень скоро они и от них ушли. Словаков не очень-то интересовала борьба за что-либо, им была интересна борьба сама по себе, а когда становилось скучно, они с таким же удовольствием дрались между собой. Так Янчи и Граф оказались в Венгрии — они здесь уже больше семи лет, и в основном не в Будапеште.

— А вы как давно здесь?

— Столько же. Первым делом Янчи и Граф отправились на Украину за нами и привезли нас с мамой через Карпаты и Высокие Татры сюда. Знаю, как это непривычно звучит, но путешествие было чудесное. Разгар лета, светило солнце, они всех знали, у них везде были друзья. Я никогда не видела маму такой счастливой.

— Да. — Рейнольдс решил сменить тему. — Остальное я знаю. Граф сообщает, кто следующий на очереди под топор, а Янчи их вытаскивает. В Англии я разговаривал не с одним десятком людей, которых вытащил Янчи, и вот что странно: ни у кого из них не было ненависти к русским. Они все хотят мира, Янчи убедил их всех проповедовать мир. Он даже меня пробовал убедить!

— Я же говорила, — тихо сказала девушка. — Он чудесный человек. — Минута прошла в молчании, две минуты, затем она неожиданно, к его удивлению, спросила: — Вы ведь не женаты, мистер Рейнольдс?

— Что-что, простите?

Рейнольдса ошарашил столь внезапный поворот.

— У вас ведь нет ни жены, ни возлюбленной, ни вообще каких-либо девушек? И пожалуйста,

не говорите: «Нет, и не трудитесь претендовать на вакансию», потому что это было бы грубо, жестоко и как-то пошло, а я вовсе не считаю, что в вас есть какие-либо из этих качеств.

— Я и рта не успел раскрыть, — запротестовал Рейнольдс. — Что касается вашего вопроса, то вы угадали ответ. Любой бы его угадал. Женщины и мой образ жизни исключают друг друга. Вы ведь сами это понимаете.

— Знаю, — почти прошептала она. — Я также знаю, что два или три раза за этот вечер вы меняли тему, если она была вам неприятна. Бесчеловечных монстров такие вещи не волнуют. Простите, что назвала вас так, но я рада, что сделала это, потому что поняла, что ошибалась, и это случилось раньше, чем то же самое поймут о себе Янчи и Граф. Вы не представляете, каково мне с ними, — они всегда правы, а я всегда не права. Но на этот раз я оказалась права раньше их.

— Не сомневаюсь, что вы знаете, о чем говорите… — вежливо начал Рейнольдс.

— Вы только представьте себе их лица, когда я расскажу им, что мистер Рейнольдс сидел со мной десять минут, приобняв меня. — Сквозь сдержанность в ее голосе пробивались искорки смеха. — Вы приобняли меня, когда подумали, что

я плачу, — ну, я и правда плакала, — призналась она. — Ваша волчья шкура немного протерлась, мистер Рейнольдс.

— Господи!

Рейнольдс искренне изумился. Он только сейчас заметил, что его ладонь лежит на плече девушки, чувствовал прикосновение ее волос к тыльной стороне его немного онемевшей руки. Пробормотав какие-то сбивчивые извинения, он уже начал отнимать руку, как вдруг застыл в неподвижности. Затем его рука медленно подалась обратно и крепко обхватила девушку за плечо, а губы Рейнольдса приблизились к ее уху.

— Юля, мы не одни, — прошептал он.

Краем глаза он заметил то, что уже успел уловить его чуткий слух. Снег перестал падать, и он отчетливо видел, что в их сторону почти бесшумно приближаются трое. Он приметил бы их за сотню футов, если бы не потерял бдительность. Второй раз за вечер Юля ошиблась насчет полицейских, и теперь встречи с ними было не избежать. Они подходили крадучись — значит, знали, что в сторожке кто-то укрылся.

Рейнольдс не стал раздумывать. Он поднял правую руку, обнял девушку за талию, наклонился и поцеловал ее. Сначала она машинально

попыталась его оттолкнуть, отпрянуть, тело ее напряглось. Но потом она вдруг расслабилась, поняв его уловку. Дочь своего отца, быстро все схватывает, подумал Рейнольдс. Ее рука обвилась вокруг его шеи.

Прошло десять секунд, потом еще столько же. Полицейские, кажется, не спешат дать о себе знать, подумалось Рейнольдсу; между тем ему становилось все труднее удерживать внимание на полицейских, — впрочем, то, что происходило в будке, трудно было назвать тяжелым испытанием, и он мог бы поклясться, что Юлина рука крепче обхватила его шею, когда, щелкнув, вспыхнул яркий фонарь и бодрый низкий голос произнес:

— Клянусь Небом, Штефан, пусть люди говорят что угодно, но с молодежью у нас все в порядке. На улице минус двадцать, а им хоть бы что — будто на балатонском пляже в жару лежат. Так-так, молодой человек, не спешите. — Из темноты за лучом фонаря показалась большая рука и толкнула Рейнольдса, попытавшегося встать, обратно на место. — Что вы здесь делаете? Разве вам не известно, что ночью сюда ходить запрещено?

— Известно, — пробормотал Рейнольдс. Лицо его выражало подобающую случаю смесь страха

и смущения. — Простите. Нам больше некуда было пойти.

— Ерунда! — ответил полицейский веселым голосом. — Когда мне было столько лет, сколько вам сейчас, юноша, зимой не было ничего лучше, чем отгороженные занавесками альковчики в «Белом ангеле». Всего-то сотня метров отсюда.

У Рейнольдса отлегло от сердца. Этого человека вряд ли стоит бояться.

— Мы были в «Белом ангеле»…

— Ваши документы, — потребовал другой голос — холодный, резкий и злой. — Они у вас есть?

— Конечно.

А вот этого человека сделали из другого теста. Рейнольдс сунул руку в карман пальто и нащупал рукоятку пистолета, когда первый полицейский заговорил снова:

— Не дури, Штефан. Начитался дурацких детективов. Или ты думаешь, что он шпион с Запада и его заслали будапештских барышень вербовать для следующего восстания? — Он разразился хохотом, согнулся и хлопнул себя по ляжке, довольный собственным остроумием, затем медленно выпрямился. — А потом, он же коренной будапештец, как и я сам. В «Белом ангеле», говоришь… — неожиданно задумчивым голосом

произнес он. — А ну-ка выходите, оба.

Они через силу поднялись, и фонарь оказался так близко к лицу Рейнольдса, что тот зажмурил глаза.

— Точно, это он, — жизнерадостно объявил полицейский. — Про которого рассказывали. Глянь, у него на щеке до сих пор от пальцев отметины. Понятно, почему ему туда неохота снова идти. Странно только, почему у него челюсть не свернута. — Он направил луч фонаря на хлопавшую глазами Юлю. — Да, эта могла ему заехать. Крепенькая, прям боксерша. — Он оставил без внимания возмущенный возглас, повернулся к Рейнольдсу, предостерегающе помахал указательным пальцем и торжественным голосом комика, наслаждающегося своей игрой, напутствовал: — Осторожней надо быть, юноша. Девушка она, конечно, красивая, но… ну, посуди сам. Раз она в свои двадцать лет такая пухленькая, то какой же она будет в сорок? Видел бы ты мою женушку! — Он снова рассмеялся своим раскатистым смехом и махнул рукой, давая понять, что они свободны. — Ступайте, детки. В следующий раз заточим вас в темницу.

Через пять минут они расстались у моста. Снова повалил снег. Рейнольдс взглянул на свои часы

со светящимся циферблатом:

— Начало десятого. Приду через три часа.

— Договорились. У меня будет достаточно времени, чтобы во всех подробностях рассказать, как я чуть не свернула вам челюсть и как холодный, расчетливый робот обнимал и целовал меня целую минуту, не отрываясь!

— Тридцать секунд, — возразил Рейнольдс.

— Полторы минуты, не меньше. И я не скажу им, почему так случилось. Мне не терпится увидеть их лица!

— Я в вашей власти, — усмехнулся Рейнольдс. — Только не забудьте им рассказать, как вы будете выглядеть к сорока годам.

— Не забуду, — пообещала она, стоя рядом с ним и глядя на него с озорным блеском в глазах. — После того, что между нами было, — торжественно продолжила она, — это будет значить даже меньше, чем рукопожатие.

Она привстала на цыпочки, слегка коснулась губами его щеки и быстро зашагала прочь, в темноту. Целую минуту, даже когда девушка уже скрылась из виду, Рейнольдс стоял и смотрел ей вслед, задумчиво потирая щеку, потом тихонько чертыхнулся и двинулся в противоположном направлении, наклонив голову вперед и надвинув

шляпу на глаза, чтобы в них не попадал снег.

Когда Рейнольдс незамеченным по пожарной лестнице пробрался в свой номер, было без двадцати десять. Он замерз и был очень голоден. Включив отопление, он убедился, что за время его отсутствия в номере никто не побывал, затем позвонил по телефону управляющему. Сообщений не было, никто не звонил и не приходил. Да, он с радостью попотчует его ужином даже в столь поздний час: шеф-повар уже собирался ложиться спать, но сочтет за честь показать мистеру Ракоши свое мастерство в приготовлении импровизированных блюд. Рейнольдс довольно бесцеремонно заявил, что важнее всего быстрота, а кулинарные шедевры могут подождать до другого раза.

Было начало двенадцатого, когда он покончил с прекрасным ужином и почти допил бутылку «Шопрони». До назначенной встречи оставалось чуть меньше часа, но на дорогу, которая заняла шесть-семь минут в «мерседесе» Графа, пешком уйдет времени много больше, тем более что идти придется кружными, окольными путями. Он сменил влажную рубашку, галстук и носки, аккуратно сложил все это (Рейнольдс еще не знал, что больше никогда не увидит ни этого номера,

ни всего, что в нем находится), вставил ключ в дверь, оделся так, чтобы не замерзнуть холодной ночью, и покинул номер все по той же пожарной лестнице. Оказавшись на улице, он услышал, как слабо, но настойчиво зазвонил телефон, но оставил это без внимания — звук мог доноситься из сотни других номеров.

Когда Рейнольдс добрался до улицы, на которой стоял дом Янчи, было уже начало первого. Он все время шел быстрым шагом, но промерз почти до костей. Несмотря на это, он был вполне доволен: с момента выхода из гостиницы его никто не преследовал и никто за ним не следил. Хорошо бы у Графа осталось хоть немного того барацка…

Улица была безлюдна. Он подошел к двери гаража — она, как они и договаривались, была не заперта. Не сбавляя шага, он нырнул внутрь, в темноту, уверенно направился к двери, которая вела в коридор, и успел сделать шага четыре, как вдруг со щелчком выключателя гараж окатило светом, а железные двери с лязгом захлопнулись.

Рейнольдс застыл на месте, отставив обе руки подальше от одежды, затем медленно огляделся вокруг. По углам гаража стояло по парню из ДГБ, они смотрели на Рейнольдса и улыбались,

каждый из них держал в руке пистолет-пулемет. Все они были в фуражках с высокой тульей и в длинных широких шинелях, перетянутых ремнем. Этих людей ни с кем не спутаешь, уныло подумал Рейнольдс, в ком еще увидишь подобную грубую жестокость и эту зловещую ухмылку предвкушающего развлечение садиста из подонков общества, непременно попадающих в тайную полицию коммунистических стран по всему миру?

Но его внимание привлек к себе пятый — низенький человек, стоявший у двери, что вела в коридор, со смуглым, худым, еврейским умным лицом. Под взглядом Рейнольдса он спрятал свой пистолет в кобуру, застегнул ее, сделал два шага вперед, улыбнулся и поклонился с издевкой:

— Полагаю, капитан Майкл Рейнольдс из секретной службы Великобритании? Вы очень пунктуальны, и мы это очень ценим. В ДГБ не любят, когда нас заставляют ждать.

Глава 6

Рейнольдс молча, не двигаясь, стоял на середине гаража. Ему казалось, что он стоит так целую вечность. Его разум уже справился с шоком, и пришло горькое осознание произошедшего; Рейнольдс судорожно искал причину, почему здесь дэгэбэшники, а его друзей нет. На самом деле прошла не вечность, а секунд пятнадцать, не больше, и, пока шли эти секунды, Рейнольдс позволил своей челюсти опускаться от потрясения все ниже и ниже, а глазам медленно расширяться от страха.

— Рейнольдс? — прошептал он, неуклюже, с трудом, как и положено венгру, произнося эту фамилию. — Майкл Рейнольдс? Не… не понимаю, о чем вы, товарищ. Что… что случилось? Зачем оружие?.. Клянусь, товарищ, я ничего не сделал, ничего-ничего! Я клянусь! — Он сцепил руки, ломая их так, что побелели костяшки пальцев, его голос дрожал от страха.

Двое конвоиров, тех, что были у него перед глазами, наморщили свои массивные лбы и в тупом недоумении, озадаченно уставились друг

на друга, но в довольном взгляде темных глаз маленького еврея не было и тени сомнения.

— Амнезия, — любезно подсказал он. — Шок, друг мой, вот почему вы забыли собственное имя. Но работа проделана выдающаяся, и если бы я не знал наверняка, кто вы такой, я бы тоже — как сейчас мои люди — почти готов был вам поверить. Британская шпионская служба оказывает нам большую честь, посылая сюда только лучших из лучших. Но я-то и ожидал самого лучшего, когда речь идет о… скажем так, возвращении профессора Гарольда Дженнингса.

У Рейнольдса засосало под ложечкой, во рту он почувствовал горький привкус отчаяния. Боже, это даже хуже того, чего он опасался: если им известно и это, значит всему конец. Но глупое, испуганное выражение не сходило с его лица, оно как будто застыло на нем. Он встряхнулся, как человек, сбрасывающий с себя темный ужас кошмара, и дико огляделся вокруг.

— Отпустите меня, отпустите! — заговорил он фальцетом, почти крича. — Я же ничего не сделал, говорю вам, ничего, ничего! Я честный коммунист, член партии… — Его губы неудержимо шевелились, лицо было напряжено. — Товарищ, я живу в Будапеште, у меня есть документы, парт-

билет есть! Я вам сейчас покажу, я покажу!

Его рука уже потянулась вверх, к внутреннему карману пальто, но вдруг он замер от единственного слова, сказанного офицером ДГБ негромко, но холодно, сухо и резко и прозвучавшего как удар хлыстом:

— Стоп!

Рейнольдс остановил руку у отворота пальто и медленно опустил ее. Маленький еврей улыбнулся:

— Жаль, что вам не придется дожить до ухода на пенсию из секретной службы вашей страны, капитан Рейнольдс. Жаль, что вы вообще в нее пошли, — я убежден, что из-за этого театральные подмостки и киноэкран лишились выдающегося актера-трагика. — Он посмотрел через плечо Рейнольдса на человека, стоявшего у двери гаража. — Коко, капитан Рейнольдс собирался достать пистолет или какое-то другое оружие с целью нападения. Избавь его от этого искушения.

Рейнольдс услышал, как сзади по бетонному полу загремели тяжелые ботинки, и крякнул, когда ему в поясницу, чуть повыше почки с размаху врезался приклад карабина. Он покачнулся, голова закружилась, и сквозь красную пелену боли Рейнольдс почувствовал, как натренированные

руки обыскивают его, и услышал, как маленький еврей бормочет, якобы извиняясь:

— Капитан Рейнольдс, вы уж простите Коко. У парня очень простой подход к подобным делам, он всегда так действует. Однако опыт научил его, что во время обыска вести себя немного невежливо бывает гораздо эффективнее и результативнее даже самых страшных угроз. — Его голос чуть изменился. — Ага, вот и вещественное доказательство, и весьма интересное. Бельгийский автоматический пистолет калибра шесть и тридцать пять миллиметров — с глушителем. Ни такого пистолета, ни тем более такого глушителя у нас в стране не достать. Конечно же, вы нашли все на улице… А это кто-нибудь узнаёт?

Рейнольдс с трудом сосредоточил взгляд. Офицер ДГБ подбрасывал в руке ту самую кишку с дробью, которую Рейнольдс отобрал вечером у напавшего на него типа.

— Кажется, да, кажется, узнаю, полковник Хидаш. — Дэгэбэшник, которого его начальник назвал Коко, переместился в поле зрения Рейнольдса, и тот увидел перед собой человека-гору ростом не меньше двух метров, соответствующего телосложения, со сломанным носом на покрытым шрамами звероподобном лице. Коко

взял кишку у полковника, и та почти утонула в его огромной лапище, поросшей черными волосами. — Это Херпеда вещь, полковник. Точно. Видите, на конце буковки. Моего друга Херпеда. Ты где это взял? — прорычал он Рейнольдсу.

— Нашел вместе с пистолетом, — ответил Рейнольдс угрюмо. — В свертке, на углу улиц Шандора Броди и…

Он увидел, как кишка летит в его сторону, но увернуться не успел. Рейнольдса отбросило назад, к стене, потом он сполз на пол, затем, как пьяный, кое-как поднялся на ноги. В тишине ему было слышно, как из разбитых губ капает на пол кровь, и он чувствовал, что шатаются передние зубы.

— Так-так, Коко, — успокаивающе и укоризненно произнес Хидаш. — Отдай это мне, Коко. Спасибо. Капитан Рейнольдс, винить вы должны только себя — мы пока не знаем, все ли еще Херпед друг Коко или он *был* другом Коко: когда его нашли на трамвайной остановке, где вы его оставили, он был на волосок от смерти. — Хидаш поднял руку и похлопал по плечу хмурого великана, стоявшего рядом с ним. — Не судите о нашем друге превратно, мистер Рейнольдс. Он не всегда такой, и об этом говорит его имя — оно не его собственное, это имя знаменитого клоуна, о

котором вы, несомненно, слышали. Уверяю вас, Коко бывает очень забавным, я видел, как он доводил до конвульсий своих коллег в подвалах на улице Сталина интересными вариациями своих… хм… приемов.

Рейнольдс ничего не ответил. Упоминание о пыточных камерах ДГБ и свобода действий, которую полковник Хидаш предоставляет этому скотине-садисту, не случайны и связаны между собой. Хидаш прощупывает почву, искусно пытаясь оценить реакцию Рейнольдса и его сопротивление такому подходу. Хидаша интересуют только конкретные результаты, и получить их он хочет как можно быстрее. Если он убедится, что с таким человеком, как Рейнольдс, жестокость и насилие — пустая трата времени, он отступит и начнет искать более элегантные способы. Похоже, это опасный человек, хитрый и злой, но тонкие черты его смуглого лица не говорят о садизме. Хидаш сделал знак рукой одному из своих людей:

— Сходи в конец улицы — там есть телефон. Пусть немедленно пришлют сюда фургон. Они знают, где мы. — Он улыбнулся Рейнольдсу. — К сожалению, мы не могли припарковать машину у входа. Это могло вызвать у вас подозрения,

правда, капитан Рейнольдс? — Он взглянул на часы. — Фургон приедет через десять минут, не позже, но эти десять минут можно провести с пользой. Возможно, капитану Рейнольдсу будет интересно написать — и подписать — рассказ о своей деятельности за последнее время. Разумеется, не в художественной форме. Отведите его в дом.

Рейнольдса отвели внутрь и поставили лицом к столу. Хидаш сел за него и лампу повернул так, чтобы она с расстояния чуть больше полуметра ярко светила Рейнольдсу в лицо.

— Спойте мне соловьем, капитан Рейнольдс, а потом мы запишем слова вашей песенки для благодарного потомства или, по крайней мере, для Народного суда. Вас ждет справедливое разбирательство. Уклончивые ответы, откровенная ложь или просто промедление вам не помогут. Быстрое подтверждение того, что нам уже известно, может сохранить вам жизнь — мы предпочли бы обойтись без того, что неизбежно превратилось бы в международный инцидент. А мы знаем все, капитан Рейнольдс, все! — Он покачал головой, как положено человеку, который вспоминает и удивляется. — Кто бы мог подумать, что у вашего друга, — он щелкнул пальцами, — забыл, как

его, приземистый такой, плечи прямо как ворота амбара, окажется такой красивый певучий голосок? — Он достал из ящика стола исписанный лист бумаги. — Почерк не очень твердый, что вполне объяснимо в сложившихся обстоятельствах, но сойдет: думаю, судье не составит труда его разобрать.

Несмотря на глубоко засевшую в боку, раздирающую на части боль и мучительное пульсирование в разбитых губах, Рейнольдс почувствовал, как на него накатывает волна радости; он сплюнул на пол кровь, чтобы не выдать этого лицом. Теперь он знал: никто не заговорил, потому что дэгэбэшники никого не схватили. Какой-нибудь осведомитель мог мельком увидеть, как Шандор работает в гараже, — ближе они не могли подобраться к Янчи и его людям… Хидаш врет, как сивый мерин.

Рейнольдс был уверен: Шандор знает недостаточно, чтобы рассказать Хидашу все, что тот хотел бы узнать. Да они и не начали бы с Шандора, когда рядом есть Имре и девушка. К тому же Хидаш не тот человек, который забудет чье-либо имя, тем более если он узнал это имя только сегодня вечером. Кроме того, невозможно представить себе, чтобы Шандор заговорил под

пытками, — на другое у дэгэбэшников не хватило бы пока времени. Хидаш не успел испытать на себе железную хватку Шандора и этот спокойный, неумолимый взгляд с расстояния шести дюймов, мрачно подумал Рейнольдс. Он отвел глаза от бумаги и медленно огляделся. Если бы Шандора попробовали пытать в этой комнате, тут вряд ли бы устояли даже стены.

— Давайте вы расскажете для начала, как проникли в нашу страну, — предложил Хидаш. — По замерзшим каналам, да, мистер Рейнольдс?

— Проник в страну? По каналам? — охрипшим невнятным голосом переспросил Рейнольдс, едва шевеля распухшими губами, и медленно покачал головой. — Боюсь, я не понимаю…

Он резко замолк, отпрыгнул в сторону и одним судорожным движением развернулся, отчего бок и спину с новой силой пронзила боль. Перед этим, даже сквозь скрывавший Хидаша полумрак, Рейнольдс успел заметить, как тот внезапно перевел взгляд и легонько кивнул Коко. Он понял, что значили эти взгляд и кивок. Кулак Коко, обрушившийся на него, не достиг цели — лишь зазубренный край перстня прожег тонкую царапину от челюсти до виска, а когда великан-конвоир потерял равновесие, Рейнольдс

не допустил ошибки.

Хидаш выхватил пистолет и вскочил на ноги, озирая взглядом драматическую сцену: два других конвоира бежали с карабинами наготове, Рейнольдс стоял, тяжело опираясь на одну ногу — ощущение было такое, будто другая сломана, — а Коко катался по полу, корчась в беззвучной муке. Хидаш улыбнулся, не открывая зубов.

— Вы сами себя приговорили, капитан Рейнольдс. Безобидный будапештец валялся бы сейчас там, где лежит бедный Коко: в здешних школах французскому боксу не учат. — (Рейнольдс с леденящим душу изумлением понял, что Хидаш намеренно спровоцировал то, что произошло, и ему безразличны последствия для его подчиненного.) — Я знаю все, что мне нужно, и польщу вам: я понимаю, что ломать вам кости будет пустой тратой времени. У нас есть улица Сталина, капитан Рейнольдс, и более деликатные формы убеждения.

Через три минуты все они уже сидели в грузовике, подъехавшем к дверям гаража. Великан Коко с серым лицом, по-прежнему тяжело дыша, лежал, вытянувшись во весь рост на скамье, стоявшей вдоль борта, полковник Хидаш и двое конвоиров расположились на противополож-

ной скамье. Рейнольдс сидел на полу спиной к кабине, а четвертый дэгэбэшник сел в кабину к водителю.

Примерно через двадцать секунд после того, как фургон тронулся с места, когда они огибали первый поворот, раздался грохот и скрежет, и все, кто находился в кузове, слетели с мест, а один из конвоиров оказался на Рейнольдсе. Это произошло совершенно неожиданно и всех застало врасплох: завизжали тормоза, громыхнул металл, шины грузовика заскользили по укатанному снегу проезжей части и мягко ударились о противоположный поребрик.

Они еще лежали, распластавшись на полу фургона и приходя в себя, когда двери сзади распахнулись и погас свет. Через мгновение погрузившийся в темноту кузов озарился белым, слепящим светом пары мощных фонарей. В узкие дуги, описываемые их лучами, зловеще поблескивая, выдвинулись длинные и тонкие рыльца двух пистолетных стволов, и низкий, хриплый голос приказал:

— Сцепить руки над головами!

Затем снаружи послышалось какое-то бормотание, два фонаря и пистолеты раздвинулись, и в пятне света, спотыкаясь, возник человек

— Рейнольдс узнал в нем четвертого дэгэбэшника, а почти сразу за ним в кузов бесцеремонно затолкнули кого-то, находящегося без сознания. Задняя дверь фургона захлопнулась, двигатель грузовика яростно взревел на задней передаче, раздался тонкий скрипящий звук, как будто фургон освобождался от какого-то металлического препятствия, и через секунду они снова были в пути. Вся операция от начала до конца не заняла двадцати секунд, и Рейнольдс мысленно отдал должное ее стремительности и отлаженной работе людей, знающих свое дело.

Он ни секунды не сомневался в том, кто эти люди, но только когда мельком увидел руку, державшую один из стволов, — узловатую, покрытую шрамами руку со странной синевато-фиолетовой отметиной посередине, руку, которая, не успев появиться, тут же была отдернута, — почувствовал огромное облегчение и уверенность, как будто его омыла теплая, освобождающая волна. Только после этого он понял, как был напряжен и взвинчен, как каждый его нерв и каждая мысль готовились к неописуемым ужасам, ожидающим всех несчастных, которых допрашивают в подвалах на улице Сталина.

Теперь, когда ужас перед будущим отступил и

он снова мог думать о настоящем, мучительная боль в боку и губах вернулась с удвоенной силой. Его захлестывали волны тошноты, он чувствовал, как кровь стучит в плывущей, кружащейся голове, но Рейнольдс понимал, что стоит хоть ненамного ослабить волю — и он погрузится в блаженное забытье. Но это он сделать еще успеет.

С серым от боли лицом и стиснутыми зубами, сдерживая рвущийся стон, Рейнольдс сбросил с себя конвоира, навалившегося на него сверху, нагнулся, забрал его карабин, положил оружие на скамью слева и толкнул по скамье назад, где невидимая рука утащила карабин в темноту. Два других карабина последовали тем же маршрутом, а за ними и пистолет Хидаша. Из кармана кителя полковника Рейнольдс извлек свой пистолет, сунул себе под пальто и уселся на скамью напротив Коко.

Через несколько минут они услышали, как двигатель сбавил обороты, машина затормозила и встала. Оружейные стволы в задней части кузова многозначительно выдвинулись вперед, и хриплый голос предупредил: «Пожалуйста, ни звука». Рейнольдс достал свой автоматический пистолет, прикрутил глушитель и не очень-то

ласково приставил ствол к затылку Хидаша. Захватившие фургон шепотом поблагодарили его, и в этот момент двигатель затих.

Остановка оказалась короткой. Кто-то спросил о чем-то, ему быстро и строго ответили властным голосом. Изнутри грузовика можно было различить только интонацию, слов было не разобрать. Что-то вроде бы подтвердили, потом зашипели, выпуская воздух, пневматические тормоза, и машина тронулась снова. Рейнольдс с долгим, беззвучным вздохом откинулся на своем сиденье и убрал пистолет в карман. На шее у Хидаша остался глубокий красный отпечаток от глушителя — момент был напряженный, нервы взведены до предела.

Они снова остановились, и вновь Рейнольдс прижал дуло к тому же месту на офицерской шее. На этот раз стояли еще меньше, чем в предыдущий. Дальше ехали без остановок. Дорога полого уходила теперь то чуть вверх, то немного вниз, повороты стали более плавными, а эхо выхлопных газов уже не отскакивало от стен. Рейнольдс из этого сделал вывод, что они выехали за пределы пригородов столицы. Он не давал себе уснуть, упорно цепляясь за нить сознания, и для этого непрерывно обводил взглядом пространство. Его

глаза успели привыкнуть к темноте, и сквозь мрак он смог различить в дальней части фургона две неподвижные сгорбленные фигуры в надвинутых на глаза шляпах; они сидели с пистолетами и фонарями в руках, застывшие в одном положении. В этой их неусыпной бдительности, неослабевающем внимании к обстановке было что-то нечеловеческое, и Рейнольдс, кажется, начинал понимать, как Янчи и его друзьям удается так долго выживать. Время от времени взгляд Рейнольдса возвращался к сидящим у его ног, и он видел на их лицах то непонимание, то страх, видел, как дрожат их руки — мышцы плеч болели от того, что руки так долго приходится держать сцепленными над головой. Один лишь Хидаш сохранял полную неподвижность, его лицо было спокойно и ничего не выражало. Несмотря на то что этот человек был так хладнокровно безразличен к страданиям других, Рейнольдс не мог не признать, что в нем есть нечто достойное восхищения: без малейшего страха и жалости к себе он принимает поражение с той же отстраненностью, что и победу.

Один из сидевших в конце грузовика посветил фонарем себе на запястье — наверное, на часы, хотя Рейнольдсу с такого расстояния было не

разглядеть, — а затем заговорил. Густой сиплый голос, приглушенный приложенным носовым платком, мог принадлежать кому угодно.

— Снять сапоги и ботинки — всем, но по одному. Положить на скамью справа.

Какое-то мгновение казалось, что полковник Хидаш собирается отказаться — и нет сомнений, что у него для этого хватило бы мужества, — но когда Рейнольдс, подгоняя его, ткнул ему в затылок стволом, бесполезность любого сопротивления стала слишком очевидной. Даже Коко, уже достаточно пришедший в себя, чтобы опереться на локоть и что-либо предпринять, за полминуты снял с себя обувь.

— Отлично, — бесстрастно произнес голос из задней части фургона. — Теперь шинели, господа, и на этом все. — Последовала пауза. — Спасибо. Теперь слушайте внимательно. Сейчас мы едем по очень тихой, пустой дороге и скоро остановимся у маленького домика на обочине. Ближайший дом в любую сторону — я не скажу вам в какую — больше чем в трех милях от него. Если вы попытаетесь сегодня ночью, в темноте, в одних носках, найти какое-нибудь жилье, то, скорее всего, замерзнете раньше, чем до него доберетесь, и вам почти наверняка придется ампутировать себе ноги. Это

не угроза, это предупреждение. Хотите убедиться в этом на собственном опыте — пожалуйста, дело ваше. С другой стороны, — продолжал голос, — в домике сухо, он не продувается ветром, дров там достаточно. Вы в нем не замерзнете, а утром мимо вас обязательно проедет какая-нибудь телега или грузовик.

— Зачем вам все это? — тихим, почти скучающим голосом спросил Хидаш.

— Зачем оставляем вас в этой глуши или почему не лишаем вас вашей никчемной жизни?

— И то, и другое.

— Вы сами должны легко догадаться. Никто не знает, что мы захватили грузовик ДГБ, и если вас отрезать от телефонной будки, никто и не узнает об этом, пока мы едем к австрийской границе, — к тому же эта машина сама по себе обеспечит нам безопасный проезд на всем пути. Что касается вашей жизни, то вы правильно задаете вопрос: поднявший меч от меча и погибнет. Но мы не убийцы.

Почти сразу после того, как человек с фонарем закончил говорить, фургон остановился. Несколько секунд прошло в полной тишине, затем послышался хруст снега под ногами, и задние двери распахнулись. Рейнольдс увидел двух че-

ловек, стоящих на дороге, позади которых видны были заснеженные стены маленького домика. Повинуясь резко произнесенному приказу, Хидаш и его люди друг за другом вышли, один из них помогал до сих пор не оправившемуся Коко. Раздался негромкий щелчок, и открылся смотровой люк за кабиной водителя, но лица человека, заглянувшего в него, Рейнольдс не разглядел, во мраке лишь расплывалось серое пятно. Он снова бросил взгляд на то, что было видно сквозь открытые двери грузовика. В домик затолкнули последнего дэгэбэшника и закрыли за ним дверь. Снова послышался щелчок — на этот раз люк закрылся, и почти сразу же в кузов забрались трое, двери захлопнулись, и фургон снова поехал.

Зажегся свет, три пары рук энергично возились с платками, убирая их с лиц, затем послышался испуганный вскрик девушки. Вполне объяснимая реакция, с иронией подумал Рейнольдс, если его лицо выглядит так, как он себя чувствует. Но первым заговорил Граф.

— Мистер Рейнольдс, вас как будто автобус переехал. Или же вы весело провели время с нашим добрым другом Коко.

— Вы его знаете? — хрипло и невнятно спросил Рейнольдс.

— В ДГБ его знают все — и, на свое горе, половина Будапешта. Он заводит друзей везде, где бы ни оказался. Да, а что случилось с нашим большим другом? Он вроде бы был не в своем обычном приподнятом настроении.

— Я ему врезал.

— Вы ему врезали! — Граф приподнял бровь — у него это было равнозначно тому, что у любого другого выражало бы крайнее изумление. — Даже пальцем задеть Коко — уже подвиг, а уж вывести его из строя…

— Хватит болтать! — В голосе Юли прозвучали раздражение и смятение. — Посмотрите на его лицо! Нужно что-то делать.

— Да, красавцем его не назовешь, — признал Граф и потянулся к своей фляжке. — Универсальное средство.

— Скажи Имре, чтобы остановился. — Это тихим, низким и властным голосом произнес Янчи. Он внимательно смотрел на Рейнольдса. Тот закашлялся, захлебываясь от обжигающей нёбо и горло огненной жидкости, и, очередной раз кашлянув, закрывал глаза. — Вам сильно досталось, мистер Рейнольдс. По какому месту?

Рейнольдс сказал, и Граф выругался.

— Простите меня, старина. Я должен был сам

сообразить. Чертов Коко… Давайте, глотните еще барацка. Это больно, но помогает.

Грузовик остановился, Янчи спрыгнул на землю и через минуту вернулся с шинелью одного из дэгэбэшников, наполненной снегом.

— Работа для женщины, моя дорогая. — Он протянул Юле шинель и носовой платок. — Ну что, сможешь привести нашего друга в более порядочный вид?

Она взяла у Янчи платок, повернулась к Рейнольдсу и очень осторожно прикоснулась к его лицу, чтобы смыть запекшуюся кровь, но все равно смерзшийся снег жестоко жалил открытые раны на щеке и губах, и Рейнольдс невольно морщился. Граф еще раз прочистил горло.

— Юля, может, стоит применить более действенный метод? — предложил он. — Ну как сегодня вечером на Маргите, когда на вас пялился полицейский. Почти три минуты, мистер Рейнольдс, — она нам рассказала…

— Ври да не завирайся. — Рейнольдс попробовал улыбнуться, но было очень уж больно. — Тридцать секунд, и то лишь в целях самообороны… — Он посмотрел на Янчи. — Что случилось сегодня вечером? Что пошло не так?

— Хороший вопрос, — тихо ответил Янчи. —

Что пошло не так? Всё, дружище, просто всё. Прокололись все и везде — вы, мы, ДГБ. Сначала ошиблись мы. Вы знаете, что за домом следили и мы думали, что следят обычные осведомители. Это было серьезной ошибкой с моей стороны — никакими осведомителями они не были. Это были люди из ДГБ, и Граф узнал тех двоих, которых застал Шандор, когда пришел сегодня вечером в дом после дежурства. К тому времени Юля уже пошла встречаться с вами, мы не смогли передать вам эту новость с ней, а потом решили, что вообще не стоит беспокоиться: Графу известны приемы ДГБ, и он был уверен, что если они и собираются за нами прийти, то сделают это только рано утром… Так они действуют всегда. Мы собирались уйти посреди ночи.

— Значит, человек, который шел за Юлей до «Белого ангела», скорее всего, следил за ней от самого дома?

— Да. Между прочим, вы хорошо сработали, когда вывели его из игры, я именно такого от вас и ожидал… Но грубейшая ошибка этого вечера была допущена раньше, когда вы разговаривали с доктором Дженнингсом.

— Когда я… Не понимаю.

— Я точно так же виноват, как и он, — с усили-

ем произнес Граф. — Я знал — я должен был его предупредить.

— О чем вы? — резко спросил Рейнольдс.

— Вот о чем. — Янчи опустил взгляд на свои руки, затем медленно поднял глаза. — Вы обыскали его номер на предмет наличия микрофонов?

— Да, обыскал. И нашел — за вентиляционной решеткой.

— А ванную?

— Там ничего не было.

— К сожалению, было. Микрофон был вмонтирован в душ. Граф говорит, что в «Трех коронах» в каждой ванной в душе установлено по микрофону. Ни один душ там не работает — вам нужно было попробовать его включить.

— В душе! — Забыв о дергающей боли в спине, Рейнольдс рывком поднялся на ноги, не обращая внимания на испуганную девушку. — Микрофон! О господи!

— Именно так, — тяжело проговорил Янчи.

— Значит, каждое слово, все, что я сказал профессору…

Рейнольдс замолк и прислонился спиной к борту фургона, подавленный чудовищностью последствий и, без сомнения, фатальной оплошностью, которую он допустил. Неудивительно,

что Хидаш знал, кто он и зачем он здесь. Теперь Хидаш знает все. Что касается хоть какой-то еще надежды на вызволение профессора, то Рейнольдс мог бы с тем же успехом оставаться в Лондоне. Он подозревал, почти знал это из того, что сказал ему Хидаш в гараже Янчи, но теперь, когда подтвердилось, что Хидаш знает, когда стало известно, откуда он это знает и как добыл сведения, на все как будто окончательно легла печать обреченности и поражения.

— Это сильный удар, — мягко подтвердил Янчи.

— Вы сделали все, что смогли, — пробормотала Юля. Она снова придвинула к себе его голову, чтобы обтереть щеку, и он не стал сопротивляться. — Вам не нужно себя винить.

Минута прошла в молчании. Грузовик тряс по изрезанной снежными колеями дороге, подпрыгивая на ухабах. Боль в боку и голове Рейнольдса затихала, притупляясь до ноющего, пульсирующего ощущения, и в первый раз после того, как Коко нанес ему тот удар, мысль его обрела ясность.

— Охранника повесят на Дженнингса, — возможно, он уже на пути обратно в Россию, — сказал он Янчи. — Я говорил с Дженнингсом о Брай-

ане, так что в Щецине уже знают, что его надо остановить. Мы проиграли. — Он сделал паузу и пощупал языком два шатающихся нижних зуба. Мы проиграли, но в остальном, кажется, обошлось без серьезных последствий. Я не упоминал ни имен, ни рода деятельности кого-либо из обитателей вашего дома, правда дал профессору адрес. Это ничего им не даст — они и так его знали. Но что касается лично вас, то в ДГБ не знают о вашем существовании. Кое-что, правда, меня беспокоит.

— Да?

— Да. Во-первых, если они прослушивали номер в отеле, то почему не взяли меня там и тогда?

— Все просто. Почти каждый микрофон там подключен к магнитофонам. — Граф усмехнулся. — Я бы состояние отдал, чтобы увидеть их лица, когда они прокручивали эту пленку.

— Почему вы не позвонили и не остановили меня? Вы должны были знать от Юли, что дэгэбэшники сразу же придут к вам.

— Они и пришли — почти сразу. Мы вышли из дома всего за десять минут до их появления. И мы вам звонили, но вы не ответили.

— Я раньше ушел из номера. — Рейнольдс вспомнил, как зазвонил телефон, когда он уже

спустился по пожарной лестнице. — Но вы могли остановить меня на улице.

— Могли, — ответил Янчи. — Граф, лучше ты объясни.

— Ну хорошо.

На мгновение Графу как будто стало почти неловко — Рейнольдс настолько не ожидал увидеть такое выражение на лице этого человека, что даже усомнился: не обманывает ли его зрение? Но оно не обманывало.

— Сегодня вечером вы познакомились с моим другом полковником Хидашем, — уклончиво начал Граф. — Он второй человек в ДГБ, опасный и умный — более опасного и умного человека нет во всем Будапеште. Он предан своему делу, мистер Рейнольдс, и добился большего и куда более поразительного успеха, чем любой офицер полиции в Венгрии. Я сказал, что он умен, — но он не просто умен, это блестящий, изобретательный, находчивый человек, совершенно лишенный эмоций, и он никогда не сдается. Разумеется, я испытываю к нему глубочайшее уважение — вы заметили, что я приложил этой ночью немало усилий, чтобы он меня не увидел, хотя моя маскировка была более чем надежная. И что Янчи приложил еще больше усилий, чтобы направить

ход его мыслей к австрийской границе, куда, уверяю вас, мы ехать не собираемся.

— Ближе к делу, — нетерпеливо произнес Рейнольдс.

— Уже. В течение нескольких лет наша деятельность была для него самой большой занозой, а в последнее время у меня стало возникать некоторое подозрение, что Хидаш проявляет ко мне чуть более пристальный интерес, чем раньше. — Он примирительно махнул рукой. — Конечно, мы, офицеры ДГБ, всегда ждем, что время от времени нас будут проверять и следить за нами, но, может быть, я стал чересчур чувствителен к таким вещам. Я тут подумал, что мои походы на полицейские блокпосты были не такими уж незаметными, как мне хотелось бы, и что Хидаш нарочно подсадил вас ко мне, чтобы расколоть нас. — Он едва заметно улыбнулся, не обращая внимания на изумление, появившееся на лицах Рейнольдса и Юли. — Мы выживаем благодаря тому, что никогда не полагаемся на удачу, мистер Рейнольдс, а готовенький шпион с Запада — это было как-то уж очень кстати. Мы подумали, как я сказал, что вы — подсадная утка. Тот факт, что вы знали — или сказали, что полковник Макинтош знает, — что Дженнингс в Будапеште, в то

время как мы этого не знали, стал еще одним аргументом против вас. И все вопросы, которые вы задавали Юле сегодня вечером про нас и про нашу организацию, могли быть вызваны дружеским интересом — но с тем же успехом они могли быть заданы и из более низких побуждений, и полицейские могли не тронуть вас потому, что знали, кто вы, а не из-за того, чем вы… гм… были заняты в сторожке.

— Вы ничего этого мне не рассказывали! — Лицо Юли раскраснелось, голубые глаза стали холодными и злыми.

— Мы стараемся, — галантно ответил Граф, — ограждать тебя от слишком суровых проявлений действительности… И когда, мистер Рейнольдс, вы не ответили на наш телефонный звонок, мы заподозрили, что вы можете быть где-то в другом месте — например, на проспекте Андраши. Мы, конечно, совсем не были в этом уверены, но все-таки из-за этих подозрений решили не рисковать. Поэтому мы позволили вам попасть в эту паутину, — должен признаться, мы даже видели, как вы в нее угодили. Мы были не дальше чем в ста метрах от вас, в машине прятались — хорошо, не в моей, — Имре потом врезался на ней в фургон. — Он с сожалением посмотрел

Рейнольдсу в лицо. — Мы не ожидали, что вас сразу же разделают по полной программе.

— Главное, чтобы вы не ожидали, что я пройду через все это снова. — Рейнольдс потянул шатающийся зуб, поморщился, вытащил его и бросил на пол. — Надеюсь, теперь вы удовлетворены.

— И это все, что вы им скажете? — возмутилась Юля. — Ее враждебный взгляд, переходивший с Графа на Янчи и обратно, смягчился, когда она посмотрела на разбитые губы Рейнольдса. — После всего, что с вами сделали?

— А что я должен сделать? — спокойно спросил Рейнольдс. — Выбить зубы Графу? Я бы на его месте поступил так же.

— Профессионалы понимают друг друга, моя дорогая, — пробормотал Янчи. — Тем не менее мы очень сожалеем о случившемся. И каков будет следующий шаг, мистер Рейнольдс, — теперь, когда из-за этой магнитофонной записи начнется самая большая охота на человека за последние несколько месяцев? Я так понимаю, к австрийской границе, и как можно быстрее?

— Да, к австрийской границе. Насколько быстро получится — не знаю. — Глядя на этих двух мужчин, сидящих перед ним, Рейнольдс вспомнил их фантастические истории, рассказанные ему

Юлей, и понял, что на вопрос Янчи есть только один возможный ответ. Он осторожно потянул за второй зуб, с облегчением вздохнул, вытащив его, и посмотрел на Янчи. — Все зависит от того, сколько времени у меня уйдет на поиски профессора Дженнингса.

Прошло десять секунд, двадцать, полминуты, слышны были лишь шум колес по покрытой снегом дороге да негромкое бормотание Шандора и Имре в кабине на фоне ровного шума двигателя. Наконец девушка протянула руку, повернула голову Рейнольдса и легонько прикоснулась кончиками пальцев к его рассеченному, распухшему лицу.

— Вы с ума сошли. — Она внимательно смотрела на него, не в силах поверить. — Вы, должно быть, сошли с ума.

— Вне всяких сомнений. — Граф откупорил свою фляжку, отхлебнул из нее и снова закупорил. — Сегодня ему пришлось многое пережить.

— Это безумие, — согласился Янчи. Он опустил взгляд на свои покрытые шрамами руки и очень тихо сказал: — Самая заразная болезнь на свете.

— И поражающая человека внезапно. — Граф с грустью посмотрел на свою плоскую фляжку. — Универсальное средство, но на этот раз я с ним

запоздал.

Девушка долго смотрела на троих мужчин, на ее лице отражались растерянность и недоумение, затем пришло понимание, а вместе с ним — несомненность предвидения, какое-то недоброе предчувствие, и от него с ее щек сошла краска, потемнела васильковая синева глаз, и они наполнились слезами. Она не стала протестовать, никак не выразила своего несогласия — как будто то же самое предвидение говорило ей, что спорить бесполезно, — и когда первые слезы потекли по ее щекам, она отвернулась, чтобы ее лица не было видно.

Рейнольдс протянул руку, чтобы утешить девушку, поколебался, поймал на себе встревоженный взгляд Янчи и, увидев, как он медленно покачал седой головой, кивнул и убрал руку.

Он достал пачку сигарет, вставил одну между разбитыми губами и закурил. Во рту был привкус жженой бумаги.

Глава 7

Когда Рейнольдс проснулся, было еще темно, но первые серые краски рассвета уже начали пробиваться сквозь крошечное окно, выходящее на восток. Рейнольдс знал, что в комнате есть окно, но до этого момента не мог определить, где оно: когда они прошлой ночью — или ранним утром, — протащившись километра полтора по морозу и снегу, добрались до заброшенного фермерского дома, было почти два часа, и Янчи запретил зажигать свет в комнатах, где не было ставней, а в комнате Рейнольдса их не было.

Оттуда, где он лежал, ему была видна вся комната целиком — не нужно было даже поворачивать голову: кровать занимала добрую половину площади, да, собственно, и не кровать это была, а узкая раскладушка. Стул, умывальник и заплесневелое зеркало составляли всю обстановку комнаты: для большего не оставалось места.

Сквозь единственное окно, расположенное над умывальником, просачивалось все больше света, и Рейнольдс разглядел вдалеке, на расстоянии, может быть, в четверть мили, ветви

сосен, согнувшиеся под тяжестью снега. Деревья, видимо, стояли далеко внизу, их белые пушистые верхушки находились почти на уровне его глаз. Воздух был таким прозрачным, что можно было различить мельчайшие детали веток. Небо из серенького становилось бледно-голубоватым, бесснежным и безоблачным — в первый раз с тех пор, как Рейнольдс приехал в Венгрию, он увидел голубое небо без облаков. Может быть, это хороший знак, а ему сейчас очень нужны хорошие знаки. Ветер утих, над огромными равнинами не было заметно ни малейшего дуновения, и повсюду царили полнейшая тишина и ледяная неподвижность — так бывает только на морозном рассвете, когда землю покрывает глубокий слой снега.

Тишина была нарушена — не окончательно, потому что потом она как будто стала еще полнее, — тонким, похожим на удар кнута треском, словно бы вдалеке раздался выстрел из винтовки, и Рейнольдс, порывшись в памяти, понял, что точно такой же звук его и разбудил. Он подождал, прислушиваясь, и примерно через минуту прозвучал еще один выстрел, на этот раз вроде бы ближе. Через еще более короткое время выстрелили в третий раз, и он решил разузнать, что

происходит. Рейнольдс откинул одеяло и свесил ноги с раскладушки.

Уже через несколько секунд он решил, что не будет ничего выяснять и вообще не стоило, не подумав, перекидывать ноги через край раскладушки: от резкого движения он почувствовал себя так, словно в спину воткнули огромный крюк и со страшной силой потянули его. Он осторожно положил ноги обратно на раскладушку и со вздохом лег. Больше всего, похоже, пострадал обширный участок тела, расположенный чуть выше лопаток — в нем чувствовалось онемение, и резкое движение закоченевших мышц вызвало мучительную боль. Звуки снаружи подождут. Больше вроде бы никто не проявляет излишнего беспокойства, а даже короткая вылазка из-под одеяла (на нем были только выданные ему штаны от пижамы) убедила его, что дальнейшее знакомство с атмосферой этого помещения следует отложить на более долгий срок: отопления тут не было никакого, и в комнатке было жутко холодно.

Он лежал, уставившись в потолок, и думал, как там сейчас Имре и Граф — удалось ли им ночью благополучно доехать до Будапешта, после того как они высадили здесь остальных. Грузовик

необходимо было бросить где-нибудь посреди города — просто припарковать на какой-нибудь безлюдной дороге неподалеку означало неминуемо навлечь на себя беду. Как сказал Янчи, сегодня утром за этим фургоном будут охотиться по всей Западной Венгрии, и лучшим местом для него будет какой-нибудь безлюдный городской переулок.

Кроме того, важно было, чтобы и сам Граф вернулся тоже. Теперь он практически был уверен, что на него не пало никаких подозрений, и если они хотят узнать, куда увезли доктора Дженнингса — вряд ли русские рискнут держать его в гостинице, какую бы усиленную охрану они ни выставили, — ему придется явиться в контору ДГБ, где он в любом случае должен дежурить после обеда. Другого способа узнать нет. Конечно, возвращаться туда рискованно, но к риску ему было не привыкать.

Рейнольдс не обманывал себя. Даже с самой лучшей помощью в мире — а с Янчи и Графом именно так и было — шансы на конечный успех все равно очень невелики. Предупрежден — значит вооружен, а коммунисты — с глубокой досадой, которую еще долго будет переживать, он вспомнил о магнитофоне — получили прекрас-

ное предупреждение. Они могут перекрыть все дороги, остановить все движение в Будапеште и из него. Они могут упрятать профессора в неприступную тюрьму где-нибудь в глуши или в лагерь, а могут даже отправить его обратно в Россию. И, помимо прочего, остается краеугольный камень всей этой гипотетической конструкции, главный вопрос: что случилось с юным Брайаном Дженнингсом в Щецине. Балтийский порт, мрачно думал Рейнольдс, будут прочесывать в этот день, как редко когда прочесывали раньше, и достаточно будет малейшего просчета двух агентов, отвечающих за безопасность юноши, достаточно будет им чуть ослабить бдительность, и все будет потеряно, а им ведь неоткуда узнать, что объявлена тревога и сотни агентов польского Управления безопасности будут обыскивать каждую дыру в городе, каждый закоулок. Было досадно, невыносимо лежать вот так и беспомощно ждать, когда за тысячу миль отсюда стянется сеть.

Огонь, пылавший в спине, постепенно утих, острая, колющая боль совсем прекратилась. Чего нельзя было сказать о звуках, похожих на удары кнута, доносившихся из-за окна: с каждой минутой звуки делались всё чаще и отчетливее. Настал момент, когда Рейнольдс больше не мог

сдерживать любопытство, к тому же срочно нужно было помыться — по приезде ночью он, обессилев, просто рухнул в постель и мгновенно уснул. Со всей осторожностью он медленно перенес ноги через край раскладушки, сел, натянул брюки от своего серого костюма — теперь гораздо менее безупречного, чем когда он три дня назад покидал Лондон, — с опаской и усилием поднялся на ноги и, ковыляя, подошел к крошечному окошку над умывальником.

Глазам Рейнольдса предстало удивительное зрелище — вернее, поразительной была его центральная фигура. Человек, которого он увидел из окна, — какой-то незнакомый юнец — имел такой вид, словно сошел прямо со сцены, где играли какую-нибудь руританскую[8] музыкальную комедию: его бархатная шляпа с пышными перьями, длинный, ниспадающий свободными складками плащ из желтого полотна и великолепно расшитые высокие сапоги со

[8] Notes: 8

Определение происходит от слова «Руритания» (Ruritania), распространенного в англоязычном мире нарицательного обозначения типичной центральноевропейской страны с монархической формой правления. В этой вымышленной стране происходит действие романа Энтони Хоупа «Узник Зенды», опубликованного в 1894 году и неоднократно экранизировавшегося. Руритания дала название явлению «руританских романов» (ruritanian romances) — направлению в приключенческой литературе конца XIX — начале XX века.

сверкающими серебряными шпорами — все это резко выделялось на ослепительно-белом снегу, подчеркивающем красочность его образа, явившегося в этой унылой, серой коммунистической стране, — красочность и фантастичность.

Его времяпрепровождение было не менее своеобразным, чем внешность. В затянутой перчаткой руке юноша держал серую роговую рукоять длинного, тонкого кнута. Он непринужденно и легко взмахнул запястьем, и лежавшая на снегу в пятнадцати футах от него пробка отскочила на десять футов в сторону. Со следующим взмахом она вернулась ровно на прежнее место. Это повторилось раз десять, но Рейнольдс ни единожды не увидел, чтобы кнут коснулся пробки или лег рядом с ней — удары были такими быстрыми, что за ними невозможно было уследить. Юноша действовал кнутом невероятно точно и был сосредоточен на все сто процентов.

Рейнольдс тоже с головой ушел в это зрелище и так увлекся, что не услышал, как дверь за его спиной тихо отворилась. Но, услышав испуганное «Ой!», он отвернулся от окна, и от резкого движения его лицо исказилось: спину, будто ножом, пронзила острая боль.

— Простите, — смущенно сказала Юля. — Я не

знала…

Рейнольдс с усмешкой прервал ее:

— Входите. Все в порядке — я вполне в норме. Кроме того, вам должно быть известно, что мы, агенты, привычны к тому, чтобы принимать у себя в спальне представительниц женского пола. — Он взглянул на поднос, который она поставила на его постель. — Пропитание для инвалида? Очень любезно с вашей стороны.

— Да, для инвалида, хоть он и не признается в том, что он инвалид. — Юля была одета в синее шерстяное платье с поясом и белыми оборками у шеи и на запястьях. Ее золотистые волосы были расчесаны до блеска, а лицо и глаза словно только что омыли в снегу. Кончики пальцев девушки, коснувшиеся припухлости на его спине, были такими же свежими и прохладными, как и ее лицо. Он услышал быстрый, затаенный вздох. — Мистер Рейнольдс, нужно позвать врача. Тут у вас полное разноцветье: красный, синий, фиолетовый. Нельзя так это оставлять — выглядит ужасно. — Она осторожно повернула Рейнольдса к себе и посмотрела в его небритое лицо. — Вам лучше снова лечь. Очень больно, да?

— Только когда смеюсь, как сказал один малый, которого проткнул гарпун. — Он отошел от умы-

вальника и кивнул на окно. — Кто этот циркач?

— Мне и смотреть не надо, — рассмеялась она. — Я его слышу. Это Казак — один из людей моего отца.

— Казак?

— Так он себя называет. Его настоящее имя Александр Мориц — он думает, что нам это неизвестно, но мой отец знает о нем все, так же как знает все почти обо всех. Парень считает, что Александр — имя для маменькиного сынка, поэтому дал себе имя Казак. Ему всего восемнадцать.

— А зачем этот опереточный наряд?

— Поразительное невежество, — с упреком сказала Юля. — В этом нет ничего опереточного. Наш Казак — настоящий чикош, ковбой, по-вашему, он из Пусты — степей на востоке, это, где город Дебрецен, они все так одеваются. И даже кнут у всех одинаковый. Казак представляет еще одну сторону деятельности Янчи, о которой вы пока не знаете, — кормить голодающих. — Она заговорила тише. — Зимой, мистер Рейнольдс, многие в Венгрии голодают. Правительство забирает у фермеров слишком много мяса и картошки — им приходится выполнять страшно высокие нормы на сдачу, — хуже всего дело обстоит в областях,

где выращивают пшеницу, там правительство забирает все. Одно время было так плохо, что будапештцы отправляли хлеб в деревню. И Янчи кормит этих голодных. Он решает, с какой государственной фермы взять скот и куда его отвести, — Казак гонит его туда. Он пересек границу только вчера вечером.

— Так просто?

— Для Казака — да: у него удивительный дар управляться со скотом. Большая часть скота — из Чехословакии: граница всего в двадцати километрах отсюда. Казак просто одурманивает животных хлороформом или хорошенько поит пойлом из отрубей с дешевым бренди. И потом полупьяных или наполовину под наркозом перегоняет через границу так же легко, как вы или я переходим улицу.

— Жаль, что вы не умеете так же управляться с людьми, — сухо произнес Рейнольдс.

— Это как раз то, чего хочет Казак, — помогать Янчи и Графу с людьми, то есть, конечно, не дурманить их хлороформом. Скоро он этим займется. — Она потеряла интерес к теме, связанной с Казаком, несколько секунд невидящим взглядом смотрела в окно, затем подняла свои удивительные голубые глаза на Рейнольдса

— они были серьезны и неподвижны. Потом нерешительно сказала: — Мистер Рейнольдс, я…

Рейнольдс знал, что сейчас будет, и поспешил опередить ее. Не нужно быть особенно проницательным, чтобы понять: вчера вечером она приняла их решение не отказываться от поисков Дженнингса лишь для вида и только на время. Он ожидал этого неизбежного разговора, знал, что у нее на уме, с того самого момента, как она вошла в комнату.

— Попробуйте называть меня Майкл, — предложил он. — Трудно держаться официально и сохранять достоинство, когда ты раздет до пояса.

— Михаил, — медленно произнесла она его имя по-своему. — Майк?

— Я вас убью, — пригрозил он.

— Ну ладно. Михаил.

— Микхаил, — передразнил он и улыбнулся, глядя на нее сверху вниз. — Вы хотели что-то сказать?

На мгновение черные и голубые глаза встретились, и в обоих взглядах отразилось понимание, не требующее слов. Девушка знала ответ на свой вопрос, который не нужно было задавать, она сокрушенно отвернулась, ее стройные плечи чуть опустились.

— Ничего. — Ее голос стал безжизненным. — Попробую найти врача. Янчи сказал, чтобы вы через двадцать минут спустились вниз.

— Господи, точно! — воскликнул Рейнольдс. — Радио. Я совсем забыл.

— Ну, хоть что-то.

Она едва заметно улыбнулась и закрыла за собой дверь.

Янчи медленно поднялся на ноги, выключил радио и посмотрел на Рейнольдса.

— Думаете, все плохо?

— Да, нехорошо. — Рейнольдс поерзал на стуле, пытаясь унять боль в спине: он всего-то только умылся, оделся и спустился по лестнице, но и это отняло у него больше сил, чем хотелось бы признать, и теперь боль не отпускала. — Условное слово точно было обещано на сегодня.

— Может, они прибыли в Швецию и пока еще не успели связаться с вашими людьми? — предположил Янчи.

— Не думаю. — Рейнольдс очень рассчитывал на то, что условное слово будет передано этим утром, и был сильно раздосадован. — Все было предусмотрено: связной из консульства в Хельсингборге постоянно ждет.

— А-а… Но если эти агенты так хороши, как

вы говорите, они могли что-то заподозрить и на пару дней залечь на дно в Щецине. Пока — как это говорится? — не спадет жара.

— На что еще мы можем надеяться?.. Боже мой, подумать только, как я влип с этим микрофоном в душе! — с горечью сказал он. — Что же теперь делать?

— Ничего, просто запастись терпением, — посоветовал Янчи. — То есть нам. А вам — постельный режим, — и не спорьте. Я достаточно в своей жизни насмотрелся на хворых, чтобы отличить больного от здорового. За доктором мы послали. Это мой давний друг, — улыбнулся он, увидев вопросительное выражение на лице Рейнольдса. — Мы можем полностью ему доверять.

Врач поднялся в комнату Рейнольдса вместе с Янчи через двадцать минут. Это был крупный, грузный, краснолицый человек с подстриженными усами. В его голосе звучала та профессиональная бодрость, которая неизменно заставляет пациентов подозревать самое худшее. Он излучал завидную уверенность в себе. В сущности, врачи во всем мире такие, сухо подумал Рейнольдс. Как и многие другие доктора, этот придерживался твердых взглядов и не стеснялся их высказывать: войдя в комнату, он в первую же минуту с

полдюжины раз в открытую выругал проклятых коммунистов.

— Как вам удается до сих пор оставаться в живых? — улыбнулся Рейнольдс. — Ну, то есть вы так открыто говорите…

— Пф! Все знают, что я думаю об этих треклятых коммунистах. Нас, знахарей, дружище, трогать не смеют. Без нас ведь никак. Особенно без хороших. — Он надел стетоскоп. — Не то чтобы я был такой уж хороший. Весь фокус в том, чтобы заставить их думать, что ты такой.

Доктор был к себе несправедлив. Он осмотрел пациента квалифицированно, тщательно и быстро.

— Жить будете, — объявил он. — Возможно внутреннее кровотечение, но очень незначительное. А вот воспаление серьезное, и кровоподтеки бесподобные. Янчи, наволочку, будьте добры. Эффективность этого средства, — продолжал он, — прямо пропорциональна боли, которую оно причиняет. Вам, вероятно, захочется выпрыгнуть сквозь крышу, но завтра вы почувствуете себя лучше. — Он выложил ложкой на наволочку изрядное количество сероватой пасты и равномерно ее размазал. — Лошадиная мазь, — пояснил он. — Рецепт многовековой давности. Я

использую ее везде. Во-первых, врачу, который придерживается старых добрых методов лечения, доверяют пациенты, а во-вторых, это позволяет мне избавиться от утомительной и трудоемкой необходимости быть в курсе всех новейших достижений медицины. Кроме того, это почти все, что нам оставили эти чертовы коммуняки.

Мазь стала жечь кожу, и Рейнольдс поморщился. На лбу у него выступил пот. Доктор выглядел довольным.

— Что я вам говорил? Завтра будете как новенький! Старина, выпьете пару вот этих белых таблеток — они от боли внутри — и вот эту синюю. Поможет уснуть. Если не заснете, то через десять минут снимете припарку. Таблетки действуют быстро, я вас уверяю.

Подействовали они действительно быстро, и последним, что запомнил Рейнольдс, были громкие ругательства доктора в адрес коммуняк, доносившиеся, когда он спускался по лестнице. Что происходило в течение следующих двенадцати часов, он не помнил.

Проснулся он вечером, но теперь окно было занавешено, и в комнате горела маленькая масляная лампа. Он проснулся сразу и полностью, не пошевелившись и не изменив частоты дыха-

ния — к этому он приучил себя давно. На целую секунду его взгляд задержался на лице Юли — такого выражения он раньше на нем не видел. Она знала, что он проснулся и смотрит на нее. Тусклый свет падал на ее шею и лицо. Она медленно убрала с плеча Рейнольдса руку, которой будила его, но он повернул запястье и взглянул на часы, как человек, не заметивший ничего необычного.

— Восемь часов!

Он резко сел в постели и только после этого вспомнил о муках, последовавших за его предыдущим неосмотрительным движением. На его лице отразилось удивление.

— Как вы? — улыбнулась она. — Лучше?

— Лучше? Это просто чудо!

Его спина словно горела, но боль совсем прошла.

— Восемь часов! — не веря своим глазам, повторил он. — Я проспал двенадцать часов?

— Да. Вы и выглядите лучше. — Она снова была само спокойствие. — Ужин готов. Вам принести?

— Я через пару минут спущусь, — пообещал Рейнольдс.

Он сдержал свое обещание. В маленькой кухне весело потрескивали в печке дрова, напротив нее стоял стол, накрытый на пятерых. Шандор и Янчи

поприветствовали его, порадовались успехам в выздоровлении и представили Казаку. Казак быстро пожал ему руку, кивнул, нахмурился, сел за свою похлебку и за весь ужин не проронил ни слова: он все время держал голову опущенной, так что, хотя Рейнольдсу были отлично видны его густые черные мадьярские волосы, зачесанные со лба назад, только после того, как Казак, доев, поднялся и ушел, что-то пробормотав Янчи, Рейнольдс смог наконец разглядеть открытое, красивое мальчишеское лицо, на котором застыло плохо скрываемое выражение враждебности. В том, что это выражение предназначалось ему, Рейнольдс не сомневался. Через несколько секунд после того, как захлопнулась дверь, они услышали рев, очевидно, мощного мотоцикла, который пронесся мимо дома и стремительно скрылся вдали, вскоре растворившись в тишине. Рейнольдс обвел взглядом сидящих за столом:

— Кто-нибудь скажет мне, что такого я сделал? Ваш юный друг только что пытался испепелить меня одной лишь силой воли.

Он смотрел на Янчи, но тот был занят раскуриванием своей трубки, которая все никак не раскуривалась. Шандор уставился на огонь, по-видимому погрузившись в свои мысли. Наконец

последовало объяснение. Заговорила Юля, и в ее голосе прозвучали раздражение и досада — это было настолько не похоже на нее, что Рейнольдс вскинул удивленные глаза.

— Ну что ж, если эти два труса не хотят вам рассказать, то, наверное, придется рассказать мне. Единственное, что Казака в вас раздражает, — это сам факт вашего здесь присутствия. Видите ли, он… в общем, он вообразил, что влюблен в меня — в меня, которая на шесть лет его старше.

— Ну, что такое шесть лет? — рассудительно начал Рейнольдс. — Если вы…

— Да помолчите же вы! Однажды вечером он нашел оставленную Графом бутылку с остатками сливовицы и все мне рассказал. Я удивилась и смутилась, но он такой милый мальчик, и мне хотелось быть доброй, ну, и я, как дура, сказала что-то про то, что надо подождать, пока он вырастет. Он был в ярости…

Рейнольдс наморщил лоб:

— А как все это…

— Как же вы непонятливы! Он думает, что вы… в общем, что вы ему соперник в борьбе за мое расположение!

— Пусть победит сильнейший, — торжественно произнес Рейнольдс.

Янчи поперхнулся, затягиваясь трубкой, Шандор закрыл лицо массивной ладонью, и каменное молчание сидящих во главе стола заставило Рейнольдса подумать, что ему тоже лучше посмотреть куда-нибудь в сторону. Но молчание затянулось, он почувствовал, что нужно в конце концов поднять взгляд, и когда он его поднял, то не обнаружил ни гнева, ни краски замешательства, которых ожидал, а увидел спокойную Юлю, поддерживающую подбородок рукой и задумчиво глядящую на него — возможно, с едва заметной насмешкой, вызвавшей у него смутное беспокойство. Уже не в первый раз ему пришлось напомнить себе, что недооценивать дочь такого человека, как Янчи, может быть в высшей степени глупо.

Наконец она поднялась, чтобы убрать посуду, и Рейнольдс повернулся к Янчи:

— Я так понимаю, это мы слышали, как отъезжает Казак. И куда же он отправился?

— В Будапешт. У него назначена на окраине города встреча с Графом.

— Что? На большом мощном мотоцикле, который слышно за много миль, да еще в одежде, которую видно примерно с такого же расстояния?

— Мотоцикл небольшой — Казак некоторое время назад снял глушитель, потому что не всем было слышно, как он подъезжает… Он очень юн и потому тщеславен. Но рев мотоцикла и яркая одежда — его самая надежная защита. Он настолько заметен, что никому и в голову не придет его заподозрить.

— Как долго он проездит?

— По хорошим дорогам доедет туда и обратно чуть больше чем за полчаса — мы всего в пятнадцати километрах от города. Но сегодня… — Янчи подумал. — Может быть, часа полтора.

На самом деле поездка заняла два часа — два самых незабываемых часа в жизни Рейнольдса. Почти все время говорил Янчи, и Рейнольдс слушал его с вниманием человека, понимающего, что ему предоставлена редкая привилегия, которая, возможно, никогда больше не выпадет на его долю. Рейнольдс догадывался, что такая откровенность — нечастое состояние у этого человека, пожалуй самого замечательного, самого необыкновенного из всех, кого Рейнольдсу довелось встретить за всю свою пеструю, полную опасностей жизнь, так что все остальные, за исключением разве что альтер-эго Янчи, Графа, казались малозначительными личностями.

И Юля два часа подряд просидела на подушке рядом с ним. Обычное озорное, смешливое выражение ее глаз исчезло, словно его никогда и не было, она стала серьезной и неулыбчивой — до этого момента Рейнольдс не мог себе ее такой представить. Все эти два часа взор девушки если и отрывался от лица Янчи, то лишь для того, чтобы опуститься на его покрытые шрамами, искалеченные руки, а потом снова устремиться на его лицо. У нее, как и у Рейнольдса, как будто тоже было иррациональное предчувствие, что такой возможности больше никогда не представится, как будто она хотела во всех подробностях запомнить лицо и руки отца, чтобы никогда их не забыть, и Рейнольдс, вспомнив странный, полный обреченности взгляд ее глаз, когда они сидели в грузовике прошлой ночью, почувствовал, как откуда-то вдруг словно повеяло холодом. Ему стоило почти физических усилий избавиться от этого ненормального чувства, выбросить из головы то, что, как он знал, могло быть лишь первыми признаками нарождающегося суеверного бреда.

О себе Янчи не говорил вообще, а о своей организации и о том, как она работает, — только когда это было необходимо. Единственным кон-

кретным фактом, который Рейнольдс узнал за этот вечер, было то, что их штаб-квартира находится не здесь, а на ферме, расположенной в холмистой местности между Сомбатхеем и Нойзидлер-Зе, недалеко от австрийской границы — единственной границы, представлявшей интерес для подавляющего большинства бежавших на Запад. Говорил он о людях, о сотнях людей, которым он, Граф и Шандор помогли спастись, об их надеждах и страхах и об ужасах, творящихся на нашей планете. Он говорил о мире, о том, чего он хочет для всех людей, о своей убежденности в том, что этот мир в конце концов наступит, если хотя бы один хороший человек из тысячи будет прилагать для этого усилия, говорил, что глупо думать, будто на свете есть что-то еще, за что стоит бороться, — даже полный покой можно обрести только после достижения этой цели. Он говорил о коммунистах и некоммунистах, о различиях между ними, существовавших только в головах людей, о нетерпимости и бесконечной ограниченности умов, не сомневающихся в том, что все люди обязательно отличаются друг от друга в силу своего происхождения и убеждений, веры и религии и что Бог, сказавший, что каждый человек — брат любому другому человеку,

на самом деле очень плохо разбирается в таких вопросах. Он говорил о трагедии представителей различных вероисповеданий, которые точно знают, что только их путь — правильный, о религиозных сектах, узурпировавших врата рая, о трагедии его собственного, русского народа, который рад позволить другим заниматься этим, потому что никаких врат якобы все равно нет.

Янчи переходил от одной темы к другой, при этом он не спорил, и от собственного народа перешел к своей юности, проведенной среди него. Поначалу этот переход мог показаться бессмысленным, нелогичным, но непоследовательность Янчи имела под собой определенную цель: почти все, что он делал, говорил или думал, было направлено на то, чтобы укрепить, упрочить как в себе, так и в тех, кто его слушал, свою веру в единство человечества, граничащую с одержимостью. Рассказ о его детстве и юности, прошедших на родине, мог быть рассказом человека любого вероисповедания, с нежной ностальгией вспоминающего о самом счастливом времени, проведенном на счастливой земле. Нарисованная им картина Украины, возможно, была проникнута сентиментальным чувством к тому, что безвозвратно потеряно, но Рейнольдсу

она показалась правдивой: грусть воспоминаний о былых радостных днях, отражающаяся в этих усталых кротких глазах, не могла быть порождена самообманом, пусть даже неосознанным. Янчи не забывал о тяготах жизни, о долгих часах работы в поле, о голоде, нападающем время от времени на народ, о палящем летнем зное и лютом холоде, когда сибирский ветер долетал до степей. Но по преимуществу это была картина счастливой земли, золотой земли, не тронутой ни страхом, ни репрессиями, картина далеких горизонтов, где золотистые пшеничные колосья покачиваются на фоне туманящейся дали и закатного солнца, картина смеха, песен и танцев, троек, звенящих бубенцами и везущих людей в меховых шубах под звездным морозным небом, парохода, тихо плывущего по Днепру в теплую летнюю ночь, и мягкой музыки, замирающей над водой. И вот в ту минуту, когда Янчи с грустью говорил о ночных запахах жимолости и пшеницы, жасмина и свежескошенного сена, доносящихся из-за реки, Юля быстро поднялась на ноги, пробормотала что-то про кофе и поспешила выйти. Рейнольдс успел лишь мельком увидеть ее лицо — в ее глазах стояли слезы.

Чары были разрушены, но их магия исчезла

не совсем. Рейнольдс все понимал. При всей кажущейся бесцельности своих обобщений, Янчи обращался напрямую к нему, пытаясь развенчать убеждения и предрассудки, заставить его увидеть вопиющий, трагический контраст между счастливыми людьми, чей портрет он только что нарисовал, и темными апостолами мировой революции, заставляя его усомниться в правдоподобности и даже возможности столь полного поворота к противоположному, и не случайно, не без иронии подумал Рейнольдс, первая часть рассуждений Янчи была посвящена нетерпимости и сознательной слепоте человечества. Янчи хотел, чтобы Рейнольдс увидел в себе микрокосм всего человечества, и Рейнольдс с неловкостью сознавал, что Янчи это в некоторой степени удалось. Ему не нравились начинавшие тревожить его вопросы и зарождавшиеся сомнения, и он старался отбросить их в сторону. Несмотря на всю свою многолетнюю дружбу с Янчи, полковник Макинтош не одобрил бы сегодняшнего представления, мрачно подумал Рейнольдс. Полковник Макинтош не любил, когда его агентов начинало что-то тревожить, они должны были думать только о результате и о текущей задаче, только об этом, а не о побочных проблемах. Побочные проблемы,

скептически подумал Рейнольдс, но тут же выкинул это из головы.

Теперь говорили Янчи и Шандор, и, слушая их негромкие дружеские голоса, Рейнольдс понял, что неправильно оценил характер отношений между этими двумя людьми. В них не было ничего от отношений господина и слуги, хозяина и работника — их беседа была свободной и непринужденной, и Янчи слушал Шандора так же внимательно и заинтересованно, как и Шандор его. Рейнольдс понял, что между ними существует связь, невидимая, но от этого не менее сильная. Их соединяла преданность общему идеалу, и Шандор не делал различия между самим идеалом и человеком, который был его вдохновителем. Янчи, как постепенно становилось понятно Рейнольдсу, обладал даром невольно внушать преданность, иногда граничащую с поклонением, и даже сам Рейнольдс, убежденный индивидуалист, каким его не могли не сделать прирожденные качества и воспитание, ощущал на себе магнетизм этого неуловимого притяжения.

Было ровно одиннадцать часов, когда дверь открылась и в комнату вошел Казак, впустив с собой напитанный снежным запахом поток

морозного воздуха. Он бросил в угол большой бумажный сверток и с силой похлопал перчатками. Его лицо и руки посинели от холода, но он словно не замечал этого, даже не погрел их у огня. Казак сел за стол, зажег сигарету и воткнул ее в уголок рта — так, как будто хотел оставить ее там навсегда. Рейнольдс с тайной усмешкой отметил, что, хотя дым поднимался вверх и у Казака начал слезиться глаз, тот не сделал ни малейшей попытки переместить сигарету: куда сунул, там пусть и торчит.

Он отчитался коротко, по существу. Встретились с Графом, как и договорились. Дженнингса в гостинице нет, и предусмотрительно пущен слух, что ему нездоровится. Граф не знает, где он находится, — его точно не увезли в штаб-квартиру ДГБ или в какой-нибудь из их известных центров в Будапеште. Граф думает, что его или отправили сразу в Россию, или спрятали где-нибудь за городом — он постарается это выяснить, но надежды мало. Граф почти уверен, что Дженнингса не повезут сразу домой: он слишком важная фигура для конференции. Скорее всего, его где-то прячут под усиленной охраной до получения известий из Щецина, и если Брайан еще там, русские все-таки разрешат профессору участвовать в конференции

— после того, как дадут услышать по телефону голос сына. Но если сыну Дженнингса удалось уехать, то профессора почти наверняка немедленно отправят в Россию. Будапешт расположен слишком близко к границе, и русские не могут допустить того колоссального урона, который будет нанесен их престижу в случае его побега… Было и еще одно очень тревожное известие. Исчез Имре, и Граф нигде не может его найти.

Следующий день — нескончаемое дивное безветренное воскресенье, когда в безоблачном лазурном небе ослепительно сияло белое солнце, превращавшее волнистые равнины с заснеженными сосновыми рощами в неправдоподобно красивую рождественскую открытку, — об этом дне Рейнольдс впоследствии никогда не сможет вспомнить реально. Как будто все, что происходило тогда, виделось сквозь дымку или в смутно припоминаемом сне, словно это был день, прожитый кем-то другим, — таким далеким он казался и оторванным от действительности, когда бы он позже ни пытался снова прокрутить его в голове.

И дело было вовсе не в здоровье и не в полученных травмах: мазь доктора действительно оказалась эффективной, и хотя спину Рейнольдсу

до сих пор было не согнуть, боль прошла; губы и челюсть тоже быстро заживали, лишь изредка пульсируя и напоминая о том, где у него до столкновения с великаном Коко были зубы. Он понимал и признавался себе в том, что причина всего этого — раздирающая душу тревога, жуткое беспокойство, которое не давало ему ни минуты усидеть на месте, заставляя расхаживать то по дому, то по утоптанному смерзшемуся снегу возле крыльца, пока даже флегматичный Шандор не попросил его передохнуть.

В то утро они вновь прослушали Би-би-си, передачу, начинавшуюся в семь часов, и опять нужного сообщения не было. Брайан Дженнингс не смог прибыть в Швецию, и Рейнольдс понимал, что надежды почти не осталось, но ему и раньше доводилось участвовать в миссиях, заканчивавшихся провалом, и неудачи его не волновали. Беспокоил его Янчи. Рейнольдс знал: этот человек чести, если пообещал помочь, будет стремиться выполнить свое обещание во что бы то ни стало, хотя он и должен знать, даже лучше, чем Рейнольдс, во что почти неизбежно обойдется попытка спасти самого охраняемого человека в коммунистической Венгрии. И, кроме того, он понимал, что беспокоится не только из-за

Янчи — как бы он ни восхищался этим человеком и как бы ни уважал его — и не столько из-за него, а больше из-за его дочери, боготворившей отца, которая будет убита горем и безутешна, если потеряет последнего из оставшихся в живых близких людей. И что еще хуже, она будет считать Рейнольдса единственным виновником смерти отца, между ними навсегда встанет стена, и, в сотый раз глядя на изгиб улыбающихся губ и в серьезные глаза, смотревшие так тревожно, вразрез с этой улыбкой, он с плохо скрываемым удивлением и сильным потрясением понял, что больше всего боится именно этого. Почти весь день они провели вместе, и Рейнольдсу полюбилась ее спокойная улыбка и то, как диковинно она произносила его имя. Но один раз, когда она назвала его «Михаил» и улыбнулась не только губами, но и глазами, он ответил ей резко, даже грубо, и увидел в ее непонимающих глазах боль. Улыбка померкла и сошла с ее лица. Ему стало тошно, и он почувствовал себя еще более растерянным, чем за весь этот день… Оставалось лишь искренне благодарить Бога за то, что полковник Макинтош не видит сейчас человека, которого он рассматривал как своего наиболее вероятного преемника; впрочем, полковник все равно, ско-

рее всего, не поверил бы своим глазам.

Нескончаемый день медленно приближался к своему завершению. Солнце, заходящее за дальние западные холмы, окрашивало покрытые снегом верхушки сосен в огненно-золотистые тона, на землю стремительно опускалась темнота, а на застывшем небе проступали белые звезды. Ужин прошел в тишине, затем Янчи и Рейнольдс с Юлиной помощью примерили и подшили содержимое свертка, который Казак принес домой накануне вечером, — два комплекта формы ДГБ. Посылая их, Граф не сомневался, что они пригодятся, и был совершенно прав: где бы ни был сейчас старый Дженнингс, они будут просто необходимы, ведь это — «сезам, откройся» для любой двери в Венгрии. И они предназначались только Янчи и Рейнольдсу. На плечи Шандора никакая стандартная форма бы не налезла.

Вскоре после девяти Казак уехал на своем мотоцикле. Он был в своей неизменной экстравагантной одежде, за каждое ухо была заложена сигарета, и еще одна, незажженная, торчала в уголке рта. Парень был в приподнятом настроении: невозможно было не заметить возникшего вечером напряжения между Юлей и Рейнольдсом, поэтому у него была причина весело улы-

баться.

Вернуться он должен был к одиннадцати часам, самое позднее — к полуночи. Наступила и прошла полночь, но Казак все не возвращался. Пробило час, половину второго, тревога у всех росла и начинала переходить в отчаяние, и вот почти в два часа он появился. Приехал он не на своем мотоцикле, а за рулем большого серого «опель-капитана», затормозил, заглушил мотор и вышел с невозмутимостью человека, которому подобные вещи привычны до скуки. Только позже они узнали, что этой ночью Казак впервые в жизни сел за руль автомобиля, — это полностью объясняло его позднее возвращение.

Казак привез с собой новости — хорошие и плохие, — а еще бумаги и документы. Хорошая новость заключалась в том, что Графу до смешного легко удалось выяснить местонахождение Дженнингса: Фурминт, начальник ДГБ, сам выболтал ему это. Плохих новостей было две. Профессора увезли в печально известную тюрьму «Сархаза», находящуюся километрах в ста к югу от Будапешта и считающуюся самой неприступной крепостью в Венгрии, — там обычно содержались враги государства, которых было решено упрятать навечно. Граф, к сожалению, тут ничем не

может помочь: полковник Хидаш лично поручил ему расследование дела о положении в городке Гёдёллё, где недовольные элементы уже некоторое время доставляют властям неприятности. Второй плохой новостью было то, что Имре до сих пор не нашелся. Граф опасался, что у него совсем сдали нервы и он сбежал.

Граф сожалеет, что не может сообщить им практически ничего о «Сархазе», потому что сам там никогда не бывал: сфера его деятельности ограничивалась Будапештом и северо-западной Венгрией. Граф также сказал, что план тюрьмы и ее внутренний распорядок в любом случае не имеют большого значения: тут может помочь только откровенный и наглый блеф. Поэтому и присланы документы. Бумаги предназначались Янчи и Рейнольдсу — это были в своем роде шедевры: заполненные удостоверения сотрудников ДГБ для обоих, а также документ на официальном бланке Управления государственной безопасности, подписанный Фурминтом, а также профильным министром, с соответствующими печатями ведомств, уполномочивающий коменданта тюрьмы «Сархаза» передать профессора Гарольда Дженнингса предъявителям этого документа.

По мнению Графа, если спасение профессора все еще возможно, то у них есть неплохие шансы: для освобождения заключенного нельзя предъявить более веских оснований, чем документ, который он передал, при этом идея решиться добровольно проникнуть на территорию этой вселяющей ужас «Сархазы» настолько фантастична, что ожидать такого можно только от сумасшедшего.

Еще Граф предлагал, чтобы Казак и Шандор сопроводили их до трактира в Петоли, небольшой деревушке километрах в восьми к северу от тюрьмы, и там ждали бы у телефона: таким образом, все члены организации смогли бы оставаться на связи друг с другом. И в завершение трудов этого великолепного дня Граф предоставил им необходимое средство передвижения. Он не сообщил, где его раздобыл.

Рейнольдс удивленно покачал головой:

— Он просто чудо! Одному богу известно, как ему удалось сделать все это за один день. Он, что, взял отпуск, чтобы сосредоточиться на наших делах? — Рейнольдс взглянул на Янчи, стараясь не допустить, чтобы на его лице отразилось хоть какое-то чувство. — Что вы думаете?

— Мы туда поедем, — тихо ответил Янчи. Он

смотрел на Рейнольдса, но тот знал, что Янчи обращается к Юле. — Если есть еще хоть какая-то надежда на хорошие новости из Швеции, мы поедем туда. Он старый человек, и будет бесчеловечно, если он умрет вдали от своей жены, от родины. Если мы не поедем… — Он замолк и улыбнулся. — Знаете, что скажет мне Господь — или, может, я удостоюсь увидеть только апостола Петра, — знаете, что скажет мне апостол Петр? Он скажет: «Янчи, у нас нет для тебя места. Ты не можешь ждать от нас доброты и милосердия — разве ты был добр и милосерден к Гарольду Дженнингсу?»

Рейнольдс смотрел на него и думал о том, как он раскрыл себя прошлым вечером — человек, для которого сочувствие к ближнему и вера во всеобъемлющее неземное сострадание являются краеугольными камнями существования. Он знал, что Янчи пытается кого-то обмануть. Он бросил взгляд на Юлю. Она понимающе улыбалась, а потом он увидел под сложенной козырьком рукой ее взгляд и понял, что она тоже не поддалась обману: глаза ее были темны, в них застыла печаль и какое-то оцепенение.

«…по окончании конференции в Париже сегодня вечером будет опубликовано официальное

заявление. Ожидается, что министр иностранных дел вылетит на родину сегодня вечером — прошу прощения, *завтра* вечером — и доложит о результатах кабинету министров. Пока неизвестно…»

Щелкнул выключатель радиоприемника, голос диктора смолк. Некоторое время никто не смотрел друг на друга. Наконец тишину нарушила Юля, ее голос был неестественно спокоен и даже безразличен:

— Ну вот, это оно, правда? Это же условные слова, которых так долго ждали. «Сегодня вечером — завтра вечером». Парень свободен, он в Швеции, в безопасности. Так что сразу же и поезжайте.

— Да. — Рейнольдс поднялся. Теперь, когда им наконец дали зеленый свет, он не почувствовал ни облегчения, ни душевного подъема, которых ожидал, — только некое оцепенение, как в глазах у Юли в ту ночь, и странную тяжесть на сердце. — Если мы об этом знаем, то и коммунисты тоже наверняка знают. Его могут в любой момент отправить в Россию. Мы не можем терять время.

— Вы правы. — Янчи надел шинель — как и на Рейнольдсе, на нем уже была форма, та, что прислал Граф, — и натянул перчатки. — Милая, пожалуйста, не беспокойся о нас. Просто сутки по-

будь в нашем штабе — и не езди через Будапешт.

Он поцеловал дочь и вышел в темное, холодное утро. Рейнольдс замешкался, полуобернулся к Юле, увидел, как она отворачивается и смотрит в огонь, и ушел, не сказав ни слова. Забираясь на заднее сиденье «опеля», он мельком увидел лицо Казака, садившегося в машину следом за ним: тот сиял улыбкой от уха до уха.

Три часа спустя под темным, низко нависшим небом, отяжелевшим от снежных туч, Шандора и Казака высадили на обочине дороги, неподалеку от трактира в деревне Петоли. Доехали они сюда без происшествий. Блокпостов, мимо которых они рассчитывали проезжать, на дорогах не было. Коммунисты очень уверены в себе, и у них есть для этого основания.

Через десять минут впереди показалась зловещая серая громада «Сархазы» — старое здание с неприступными стенами, окруженное тремя концентрическими кольцами колючей проволоки со вспаханной землей между ними; проволока, несомненно, была под напряжением, а земля — густо усеяна осколочными минами. Внутреннее и внешнее кольца прерывались пулеметными вышками, стоящими на высоких деревянных опорах. На каждой было по часовому. Увидев

это, Рейнольдс в первый раз почувствовал страх, понимая все безумие того, на что они идут.

Янчи, видимо, догадался о его чувствах: он не стал ничего говорить, на последней половине километра прибавил скорость и остановился перед огромной аркой ворот. Один из охранников бросился к ним с пистолетом в руке, потребовал представиться и предъявить документы, но почтительно отступил назад, когда из машины вышел Янчи в форме ДГБ, презрительным взглядом заставил его замереть и приказал ему проводить их к коменданту. Уже через пять минут Янчи и Рейнольдс были в кабинете коменданта — такой ужас внушала эта форма даже тем, у кого не было видимых причин ее бояться. Комендантом оказался человек, которого Рейнольдс меньше всего ожидал увидеть на этой должности. Это был высокий, слегка сутулый человек в хорошо сшитом темном костюме, с высоким лбом и тонким, умным лицом. На лице пенсне, руки худые, ловкие, — он походил скорее на какого-нибудь известного хирурга или ученого. На самом деле он был и тем, и другим и прослыл крупнейшим специалистом по методам психологического и физиологического воздействия за пределами Советского Союза.

У коменданта, по всей видимости, не возникло подозрений по поводу того, за кого они себя выдают. Он предложил им выпить, улыбнулся, когда они отказались, жестом пригласил прибывших сесть и взял документ о передаче профессора, протянутый ему Янчи.

— Хм! Документ, несомненно, подлинный, не так ли, господа? — «Господа», — отметил про себя Рейнольдс. Человек должен быть очень уверен в себе, используя это слово вместо общепринятого «товарищ». — Я ждал этого от моего доброго друга Фурминта. Ведь конференция начинается сегодня? Мы не можем допустить, чтобы профессор Дженнингс там не присутствовал. Это самый великолепный бриллиант в нашей короне, если можно употребить такое несколько… э-э-э… устаревшее выражение. Свои документы у вас есть, господа?

— Разумеется. — Янчи достал свое удостоверение, Рейнольдс — свое, и комендант, очевидно удовлетворившись, кивнул.

Он посмотрел на Янчи, затем кивнул на телефон:

— Вы, конечно, знаете, что у меня прямая линия с проспектом Андраши. Я не могу рисковать, когда речь идет об арестанте такого… э-э-э… уровня,

как Дженнингс. Вы не обидитесь, если я позвоню и попрошу подтвердить передачу арестанта — и ваши документы?

У Рейнольдса замерло сердце, а кожа на лице натянулась, став похожей на вощеную бумагу. Боже, как они могли не учесть столь очевидной меры предосторожности? Остается только извлечь пистолеты и взять коменданта в заложники… Его рука уже потянулась к оружию, когда заговорил Янчи. Это была превосходная игра: его голос звучал абсолютно уверенно, а на лице невозможно было разглядеть ни малейших признаков беспокойства.

— Ну конечно, комендант! Когда дело касается такого важного арестанта, как Дженнингс… Это совершенно естественно.

— В таком случае в этом нет необходимости.

Комендант улыбнулся и подвинул к ним лежащие на столе бумаги. Рейнольдс почувствовал, как у него расслабились мышцы и по телу разлилось облегчение, омывшее его, как волна. Он только начинал хоть в какой-то степени понимать, что за человек Янчи: по сравнению с ним ему самому еще учиться и учиться.

Комендант взял лист бумаги, быстро что-то на нем написал и поставил печать. Потом позвонил,

передал документ надзирателю и жестом велел ему идти.

— Господа, три минуты, не больше. Он тут, рядом.

Но комендант преувеличил. Прошло не три минуты, а менее тридцати секунд, открылась дверь, и в нее вместо Дженнингса стремительно ввалилось полдюжины вооруженных людей. Они прижали Янчи и Рейнольдса к спинкам стульев, прежде чем те успели понять, что рано почувствовали себя в безопасности, и начали понимать происходящее. Комендант покачал головой и грустно улыбнулся:

— Простите меня, господа. К сожалению, пришлось прибегнуть к неприятной хитрости. Все такие хитрости неприятны — но они необходимы. Бумага, которую я подписал, — не о передаче вам профессора, это распоряжение арестовать вас. — Он снял пенсне, протер его и вздохнул. — Капитан Рейнольдс, вы удивительно упорный молодой человек.

Глава 8

В первые минуты после полученного удара Рейнольдс мало что чувствовал, как будто прикосновение железных оков к его запястьям и лодыжкам лишило его способности реагировать. Но после этого на него медленно накатилась первая волна одеревенелого недоумения, затем потрясения, невозможности поверить в происходящее и досады от того, что это случилось вновь, а потом пришло горькое, невыносимое осознание, что их так легко поймали в эту ловушку и что комендант играл с ними и жестоко их обманул и вот теперь они пленники, заточенные в страшной «Сархазе», и если они когда-нибудь и выйдут отсюда, то только полностью подконтрольными существами, сломанными, пустыми оболочками людей, которыми были когда-то.

Он покосился на Янчи, чтобы увидеть, как старший товарищ воспринял этот сокрушительный удар, окончательный крах всех их планов, фактически смертный приговор. Но Янчи, похоже, никак не реагировал. Его лицо было спокойно, он смотрел на коменданта задумчивым, оцени-

вающим взглядом — Рейнольдс подумал еще, что удивительным образом этот взгляд похож на тот, которым комендант смотрит на Янчи.

Когда последняя из железных оков застегнулась на ножке стула, начальник стражи вопросительно посмотрел на коменданта. Тот махнул рукой, отпуская его.

— Они хорошо прикованы?

— Абсолютно надежно.

— Ну что ж, хорошо. Можете идти.

Начальник стражи колебался.

— Это опасные люди…

— Знаю, — терпеливо сказал комендант. — Как вы думаете, зачем я счел нужным вызвать целый отряд? Теперь им не оторваться от стульев, а стулья привинчены к полу. Вряд ли они просто возьмут и испарятся.

Он подождал, пока закроется дверь, сложил тонкие пальцы домиком и продолжил говорить тихим и четким голосом:

— Сейчас, господа, самый подходящий момент позлорадствовать: признающийся во всем британский шпион — эта запись, мистер Рейнольдс, произведет международную сенсацию, когда ее будут слушать в Народном суде, — и доблестный руководитель самой организованной в Венгрии

группы по вывозу людей и антикоммунистической шайки — оба накрыты одним махом. Но обойдемся без злорадства: оно бесполезно и отнимает время, оставим это удовольствие дуракам и кретинам. — Он слегка улыбнулся. — Кстати, раз уж зашла речь о кретинах, приятно все-таки иметь дело с людьми умными, принимающими неизбежное и имеющими достаточно здравого смысла, чтобы обойтись без обычного битья себя в грудь, причитаний, отрицания очевидного и гневных попыток убедить меня в своей невиновности.

Мне также не нужны театральность, затяжные кульминации, нагнетание напряжения и излишняя скрытность, — продолжил он. — Время — самый наш ценный дар, и тратить его впустую — непростительное преступление… Наверняка вы думаете сейчас — мистер Рейнольдс, будьте добры, последуйте примеру вашего друга и воздержитесь от того, чтобы зря причинить себе травму, испытывая на прочность эти оковы, — вы сейчас думаете, говорю я, о том, как так получилось, что вы оказались в таком плачевном положении. Нет причин, по которым вы не должны это узнать, причем сейчас же. — Он посмотрел на Янчи. — С сожалением сообщаю вам, что ваш

блестяще одаренный и невероятно смелый друг, который так долго и с таким фантастическим успехом маскировался под майора органов государственной безопасности, наконец выдал вас.

Наступило продолжительное молчание. Рейнольдс без всякого выражения смотрел на коменданта, потом перевел взгляд на Янчи. Лицо Янчи было совершенно спокойно.

— Такое может случиться в любой момент. — Он помолчал. — Конечно, непреднамеренно. Абсолютно.

— Так и было, — кивнул комендант. — У полковника Йозефа Хидаша, с которым капитан Рейнольдс уже успел познакомиться, с некоторых пор возникло какое-то чувство — он не мог назвать это иначе, это было даже не подозрение — по отношению к майору Ховарту. — (Рейнольдс впервые услышал имя, под которым Граф был известен в ДГБ.) — Вчера это чувство переросло в подозрение и уверенность, и он с моим добрым другом Фурминтом приготовил ловушку, где приманкой послужило название этой тюрьмы и возможность доступа в кабинет Фурминта на время, достаточное для того, чтобы завладеть некоторыми документами и печатями, — эти бумаги сейчас лежат передо мной на столе. При

всей своей несомненной гениальности ваш друг угодил в эту ловушку. Все мы люди.

— Его уже нет в живых?

— Он жив, в добром здравии и пока еще в блаженном неведении о том, что нам все известно. Его отправили на охоту за призраками, чтобы он сегодня не мешался под ногами. Я полагаю, что полковник Хидаш желает лично произвести арест. Я ожидаю, что он приедет сюда сегодня утром — потом, в течение дня Ховарт будет схвачен, в полночь отдан под военный трибунал на проспекте Андраши и казнен — но, боюсь, не быстро.

— Ну конечно. — Янчи мрачно кивнул. — Он будет умирать постепенно в присутствии всех офицеров и сотрудников ДГБ, работающих в городе, чтобы ни у кого больше не возникло искушения подражать ему. Глупцы, слепые, набитые дураки! Неужели они не понимают, что другого такого не будет?

— Боюсь, я с вами согласен. Но это не моя прямая забота. Как вас зовут, друг мой?

— Зовите меня Янчи.

— Угу, пока так. — Он снял пенсне и задумчиво постучал им по столу. — Скажите, Янчи, что вы знаете о нас, сотрудниках политической поли-

ции, — о том, кто мы и какие мы есть?

— Это вы мне расскажите. Вам же этого самому хочется.

— Хорошо, я вам расскажу, хотя, думаю, вы и так знаете. Наши сотрудники, за исключением малой части, — властолюбцы, болваны, для которых служба у нас хороша тем, что не требует умственных усилий, конечно же, садисты, чьей натуре претит любая нормальная человеческая работа, профессионалы со стажем — те же самые ребята, что тащили кричащих людей из постелей, служа в гестапо, они и сейчас делают то же самое для нас, — а также те, кого разъедает обида на общество. К последней категории принадлежит полковник Хидаш, еврей, чей народ прошел в Центральной Европе через немыслимые страдания, сегодня он — один из ярчайших представителей ДГБ. Есть, разумеется, и такие, кто верит в коммунизм, — их ничтожное меньшинство, но тем не менее они, безусловно, самые страшные и опасные из всех, потому что это автоматы, одержимые идеей государства, а их моральные качества или заморожены, или совершенно атрофировались. Фурминт — один из таких. И Хидаш, как это ни странно.

— Вы, должно быть, ужасно уверены в себе, — в

первый раз заговорил Рейнольдс, медленно выдавливая слова.

— Он же комендант тюрьмы «Сархаза», — сказал Янчи, и это стало ответом на реплику Рейнольдса. — Зачем вы нам это рассказываете? Вы же сказали, что пустая трата времени вам отвратительна.

— Так и есть, уверяю вас. Позвольте мне продолжить. Когда дело касается деликатного вопроса, как завоевать чье-либо доверие, у представителей всех этих категорий в приведенном мной списке есть одна общая черта. Все они, за исключением Хидаша, — жертвы навязчивой идеи, закостенелого консерватизма — и несколько предвзятого догматизма — их непоколебимой убежденности в том, что путь к сердцу человека…

— Избавьте нас от вычурных фраз, — буркнул Рейнольдс. — Вы хотите сказать, что, если им нужно что-то узнать от человека, они это из него выколачивают.

— Грубовато, но восхитительно кратко, — пробормотал комендант. — Ценный урок экономии времени. Продолжая в том же духе лаконизма, скажу, что мне поручено завоевать ваше доверие, господа, точнее, получить чистосердечное признание от капитана Рейнольдса, а у Янчи

узнать его настоящее имя, а также масштаб и методы работы его организации. Вы ведь и сами знаете о почти неизменных методах, применяемых упомянутыми мной… э-э-э… коллегами. Беленые стены, слепящий свет, бесконечные, повторяющиеся, изматывающие вопросы — все это продуманно чередуется с битьем по почкам, вырыванием зубов и ногтей, выкручиванием больших пальцев и другими отвратительными методами средневековой камеры пыток с использованием соответствующих приспособлений.

— Отвратительными? — тихо переспросил Янчи.

— Для меня — да. Мне, бывшему профессору нейрохирургии, работавшему в Будапештском университете и лучших больницах, крайне неприятен весь этот средневековый подход к процедурам ведения допроса. Вообще-то, любые допросы неприятны, но в этой тюрьме я получил уникальные возможности для наблюдения за нервными расстройствами и более глубокого, чем когда-либо, проникновения в сложнейшие механизмы работы нервной системы человека. В наше время меня могут порицать, будущие же поколения, возможно, оценят меня иначе… Уверяю вас, я не единственный медик, руководя-

щий тюрьмой или лагерем. Мы очень помогаем властям, а они не меньше помогают нам.

Он помолчал, затем почти застенчиво улыбнулся:

— Простите меня, господа. Я с таким энтузиазмом отношусь к своей работе, что порой слишком увлекаюсь. К делу. У вас есть информация, которую вы должны нам сообщить, и она не будет добываться из вас средневековыми методами. От полковника Хидаша я уже узнал, что капитан Рейнольдс бурно реагирует на причиненную ему боль и с ним, вероятно, будет трудновато. Что касается вас… — Он медленно оглядел Янчи. — Мне кажется, я никогда не видел на человеческом лице следов и теней стольких страданий — теперь страдания для вас сами могут быть лишь тенью. Не пытаясь польстить вам, скажу, что я не могу представить себе физическую пытку, которая могла бы вас хоть в какой-то степени сломить.

Он откинулся на спинку кресла, зажег длинную тонкую сигарету и устремил на них испытующий взгляд. Так прошло больше двух минут, и он снова подался вперед:

— Что ж, господа, я, пожалуй, вызову стенографиста?

— Как вам будет угодно, — учтиво сказал Ян-

чи. — Но нам не хотелось бы и дальше впустую тратить ваше время, мы и так уже достаточно его потратили.

— Другого ответа я и не ожидал. — Он нажал на кнопку, быстро сказал несколько слов в микрофон, спрятанный в ящичек, и опять откинулся на спинку кресла. — Вы, конечно, слышали о русском физиологе Павлове?

— Видимо, это святой покровитель ДГБ, — съязвил Янчи.

— Увы, в нашей марксистской философии нет святых, и Павлов, к сожалению, не был ее поклонником. Но, по сути, вы правы. Путаник, грубый первопроходец во многих направлениях, но все же это человек, которому более продвинутые из нас… э-э-э… дознавателей, многим обязаны и…

— Мы прекрасно знаем, кто такой Павлов, знаем про его собачек и условные рефлексы, — резко оборвал его Рейнольдс. — Это тюрьма «Сархаза», а не Будапештский университет. Избавьте нас от лекций по истории промывания мозгов.

В первый раз за все это время деланое спокойствие коменданта дало трещину, и его широкие скулы тронул румянец, но он тут же снова взял себя в руки.

— Вы, конечно же, правы, капитан Рейнольдс.

Нужно обладать определенной, скажем так, философской отстраненностью, чтобы оценить… Но я опять за свое. Я просто хотел сказать, что сочетание наших передовых разработок, основанных на физиологических методах Павлова, и некоторых… э-э… психологических процессов, с которыми вы скоро познакомитесь, позволяет добиться совершенно невероятных результатов. — Было что-то леденящее, пугающее в отстраненном энтузиазме этого человека. — Мы способны сломать абсолютно любого человека — и сломать так, что не останется ни малейшей царапины. Если не принимать во внимание неизлечимых умалишенных, которые и так уже сломлены, исключений не бывает. Ваш англичанин с истинно английской выдержкой из художественной литературы — и, насколько я знаю, из реальной жизни тоже — в конце концов ломается, как и все остальные. Старания американцев обучить своих военнослужащих противостоять тому, что западный мир так грубо называет промывкой мозгов — давайте лучше будем называть это реинтеграцией личности, — оказались настолько же жалкими, сколько и безнадежными. Мы сломали кардинала Миндсенти за восемьдесят четыре часа и можем сломать любого.

Он замолчал, когда в комнату вошли трое в белых халатах с флягой, чашками и небольшой металлической коробкой, и подождал, пока они нальют из фляги в две чашки, — очевидно, это был кофе.

— Господа, это мои ассистенты. Извините за белые халаты — грубый психологический прием, который мы находим эффективным при работе с большинством наших… э-э-э… пациентов. Кофе, господа. Пейте.

— Будь я проклят, если я его выпью, — холодно сказал Рейнольдс.

— Если не выпьете, к вам придется применить унизительную процедуру зажимания носа и принудительного кормления через трубку, — устало произнес комендант. — Не будьте ребенком.

Рейнольдс выпил поданный ему напиток, Янчи тоже. На вкус он был как обычный кофе, но как будто крепче и горче.

— Это настоящий кофе, — улыбнулся комендант. — Но в него добавлено химическое вещество, известное под названием актедрон. Пусть вас не обманывает его действие, господа. В первые минуты вы почувствуете возбуждение, решимость сопротивляться, какой раньше никогда не испытывали, но затем начнутся довольно

сильные головные боли, вы почувствуете головокружение, тошноту, неспособность расслабиться и войдете в состояние некоторой спутанности сознания — дозу, разумеется, придется повторить. — Он посмотрел на одного из ассистентов, жестом показал на шприц, который тот держал в руке, и продолжил свое объяснение. — Мескалин вызывает психическое состояние, очень похожее на шизофрению, это вещество, как мне кажется, становится все более популярным среди писателей и других деятелей искусства в западном мире. Я не рекомендовал бы им принимать его вместе с актедроном.

Рейнольдс пристально смотрел на него, и ему стоило некоторых усилий не содрогнуться. Было что-то дьявольское, что-то ненормальное, дурное и бесчеловечное в том, как спокойно, с мягким профессорским юмором комендант говорит об этом, и тем более дьявольское и бесчеловечное, что он не вкладывал намеренно в свои слова такого смысла — в них было только леденящее душу полное безразличие человека, чье беспредельное, всепоглощающее, ненасытное желание продолжать дело своей жизни не оставляло места для простого человеческого сочувствия… Комендант заговорил снова:

— Позже я введу новое вещество — моей собственной разработки, — оно открыто совсем недавно, и я еще не успел дать ему название. Может быть, «Сархазазин», господа — или это будет чересчур вычурно? Уверяю вас: если бы мы получили его несколько лет назад, добрый кардинал не продержался бы и двадцати четырех часов, не то что восьмидесяти четырех. Совместное действие этих трех препаратов, после того как, возможно, будет введено по две дозы каждого, доведет вас до состояния абсолютного умственного истощения и упадка сил. Тогда неизбежно наступит время правды, и мы добавим в ваши умы то, что сочтем нужным, — это и будет для вас правдой.

— И вы нам все это рассказываете? — медленно проговорил Янчи.

— А почему бы и нет? В данном случае предупрежден не значит вооружен: процесс необратим. — Спокойная уверенность, звучавшая в его голосе, не оставляла места для сомнений. Он сделал знак санитарам в белых халатах удалиться и нажал кнопку у себя на столе. — Идемте, господа, пора показать вам ваши покои.

Почти сразу же в кабинете вновь появилась стража, отстегнула по очереди ноги и руки за-

держанных от подлокотников и ножек стульев, затем сковала арестантам запястья и лодыжки — и все это с быстротой и ловкостью профессионалов, исключающей даже саму идею побега. Янчи и Рейнольдс встали, и комендант повел их из кабинета. По сторонам шагали два надзирателя, и еще по одному, с пистолетами наготове, — позади каждого из двух арестантов. Строже мер предосторожности нельзя было бы придумать.

Комендант провел их по утоптанному снегу внутреннего двора, потом через охраняемый вход в здание с массивными стенами и зарешеченными окнами, а затем они двинулись по узкому, тускло освещенному коридору. Пройдя половину его длины, у каменных ступеней, ведущих вниз, во мрак, комендант остановился перед какой-то дверью, дал знак одному из надзирателей и повернулся к двум арестантам:

— Последняя мысль, господа, последнее впечатление, которые вы возьмете с собой в подземелье, пока еще проводите свои последние часы на земле как люди, которыми всегда себя считали. — Щелкнул ключ в замке, и комендант распахнул дверь ногой. — После вас, господа.

Ковыляя в кандалах и спотыкаясь, Рейнольдс и Янчи вошли в камеру и, чтобы не упасть, ухвати-

лись за спинку старомодной железной кровати. На ней лежал и дремал человек, и Рейнольдс, почти не удивившись — он ожидал этого с того момента, когда комендант остановился за дверью, — увидел, что это Дженнингс. Изможденный, исхудавший, постаревший на несколько лет по сравнению с тем, каким он предстал Рейнольдсу три дня назад, он дремал на грязном соломенном тюфяке, но почти сразу же проснулся, и Рейнольдс невольно почувствовал что-то вроде удовлетворения, когда убедился в том, что если старик и утратил что-то, то уж точно не свою непреклонность: Дженнингс с трудом поднялся, но в его выцветших глазах снова пылал огонь.

— Что это, черт возьми, за вторжение? — Он говорил по-английски, на единственном языке, который знал, но Рейнольдс видел, что комендант понимает его. — Что, негодяи проклятые, недостаточно намучили меня, чтобы выходные без… — Он осекся, узнав Рейнольдса, и уставился на него. — Значит, и вас изверги сцапали?

— Это было неизбежно, — на правильном английском сказал комендант. Он повернулся к Рейнольдсу. — Вы проделали весь этот путь из Англии, чтобы встретиться с профессором. Вы с ним встретились. Теперь можете попрощаться.

Он уезжает сегодня после обеда — точнее, через три часа — в Россию. — Комендант обратился к Дженнингсу: — Условия в дороге чрезвычайно неважные — мы договорились, чтобы к поезду на Печ[9] прицепили специальный вагон. Он довольно комфортабельный.

— На Печ? — Дженнингс сверкнул на него глазами. — И где, черт возьми, находится этот Печ?

— В ста километрах к югу отсюда, мой дорогой Дженнингс. Аэропорт Будапешта временно закрыт из-за снегопада и обледенения, но, по последним данным, аэропорт Печа пока открыт. Специальным рейсом вы и… э-э-э… еще несколько особых персон вылетите оттуда.

Дженнингс оставил его слова без ответа, повернулся и вперил взгляд в Рейнольдса:

— Насколько я понимаю, мой сын Брайан прибыл в Англию?

Рейнольдс молча кивнул.

— А я по-прежнему здесь! Великолепно же вы справились со своим заданием, молодой человек, ничего не скажешь. Что, черт возьми, теперь будет, одному богу известно.

— Сэр, я не могу передать, как мне жаль. — Рей-

---

[9] Notes: 9

Печ — пятый по величине город Венгрии, расположенный на юго-западе страны.

нольдс поколебался, потом решился. — Но вы должны знать. Мне запрещено говорить это вам, но в этот раз — и только в этот — к черту запреты. Ваша жена… Операция вашей жены прошла на сто процентов успешно, и она уже практически здорова.

— Что! Что вы такое говорите? — Дженнингс схватил Рейнольдса за лацканы кителя и, хотя был на двадцать килограммов легче своего младшего визави, стал ощутимо трясти его. — Вы лжете, я знаю, вы лжете! Хирург сказал…

— Хирург сказал то, что мы велели ему сказать, — невозмутимо оборвал его Рейнольдс. — Знаю, что это непростительно, но было важно вернуть вас домой, и нужно было использовать все возможные рычаги. Но теперь это уже не имеет никакого значения, так что вам можно знать об этом.

— Боже мой, боже мой! — Реакции, которой ожидал Рейнольдс от такого человека, как профессор с его репутацией, — почти неистового гнева по поводу того, что его так долго и так жестоко дурачили, — не последовало. Вместо этого он рухнул на кровать, словно вес тела стал непосильным для его старых ног, и счастливо заморгал, роняя слезы. — Это чудесно, я не могу

передать словами, как это хорошо… А ведь всего несколько часов назад я был уверен, что никогда больше не смогу быть счастлив!

— Весьма интересно, все это весьма интересно, — пробормотал комендант. — И после этого Запад имеет наглость обвинять нас в бесчеловечности.

— Верно, верно, — тихо отозвался Янчи. — Но Запад, по крайней мере, не накачивает своих жертв актедроном и мескалином.

— Что? О чем это вы? — Дженнингс поднял глаза. — Кого это накачали?..

— Нас, — мягко прервал его Янчи. — Нас ждет справедливый суд и потом расстрел на рассвете, но сначала нас подвергнут современному эквиваленту колесования.

Дженнингс вытаращил глаза на Янчи и Рейнольдса, и недоверие на его лице постепенно сменилось ужасом. Он встал и посмотрел на коменданта:

— Это правда? То, что говорит этот человек?

— Он, конечно, преувеличивает, но… — Комендант пожал плечами.

— Значит, правда, — тихо произнес Дженнингс. — Мистер Рейнольдс, хорошо, что вы сказали мне про жену: теперь этот рычаг уже не

нужен. Но сейчас уже слишком поздно, я понимаю это, как начинаю понимать и многое другое — и узнавать новое. Но кого-то и чего-то мне уже никогда не увидеть.

— Вашу жену. — Слова Янчи были не вопросом, а утверждением.

— Мою жену, — кивнул Дженнингс. — И моего мальчика.

— Вы увидите их, — тихо сказал Янчи. В его тоне была такая неколебимая уверенность, что все уставились на него, наполовину убежденные в том, что он обладает каким-то знанием, недоступным им, а наполовину — в том, что он сумасшедший. — Обещаю вам, доктор Дженнингс.

Старик пристально смотрел на него, затем надежда в его глазах угасла.

— Вы очень добры, мой друг. Религиозная вера — опора…

— Вы увидите их на этом свете, — перебил его Янчи. — И скоро.

— Уведите его, — коротко приказал комендант. — Он уже сходит с ума.

Майкл Рейнольдс лишался рассудка, медленно, но неотвратимо сходил с ума, и самым ужасным было, что он знал об этом. Но с момента последней принудительной инъекции, последовавшей

вскоре после того, как их привязали ремнями к стульям в подвале, он ничего не мог поделать с безжалостным нарастанием этого безумия, и чем больше он с ним боролся, чем решительнее старался не обращать внимания на симптомы, боль, мучительное давление на мозг и тело, тем острее чувствовал эти признаки, тем глубже впивались в его разум дьявольские химические когти, раздиравшие его разум на части.

Руки и ноги Майкла были пристегнуты к стулу с высокой спинкой поясным ремнем и ремнем для бедер, и он отдал бы все, чем когда-либо владел или мог бы владеть, за благословенное высвобождение из этих уз, за то, чтобы броситься на пол или на стену, корчиться и биться в конвульсиях, сгибать и разгибать, и снова сгибать и разгибать каждый мускул тела — все, что угодно, в отчаянной попытке ослабить этот нестерпимый зуд и пугающее напряжение, создаваемое десятью тысячами прыгающих, звенящих нервных окончаний по всему телу. Это была старая китайская пытка щекотанием подошв, только усиленная во сто крат, и здесь были задействованы не перья, а бесчисленные коварные прощупывающие иглы актедрона, вонзающиеся в каждое нервное окончание, доводя его до неистового исступления, до

немыслимого уровня бешеного возбуждения.

По всему организму прокатывались волны тошноты, внутри словно свили гнездо осы, сотни жужжащих крыльев бились о стенки желудка, было трудно дышать, и горло все чаще и чаще страшно сдавливало, он задыхался, не хватало воздуха, волнами поднималась паника, а потом в последний момент наступало освобождение, он хватал ртом воздух, впуская его поток в изголодавшиеся легкие. Но хуже всего дело обстояло с головой, с разумом. В голове было темно и сумбурно, края сознания стали рваными и шерстистыми, все больше терялась связь с реальностью, несмотря на все его сознательные, отчаянные попытки уцепиться за те крупицы рассудка, которые еще оставляли ему актедрон и мескалин. Затылок словно сдавило тисками, глаза ужасно болели. Он стал слышать голоса, они звали издалека, и, когда последние остатки рассудка выскользнули из его совсем ослабевшей хватки и погрузились во тьму, он знал — хотя и способность хоть что-то знать уже покидала его, — что темная пелена безумия полностью окутала его своими плотными, удушающими складками…

Но голоса все равно звучали — они пробива-

лись даже в эти черные глубины. Что-то как будто говорило ему, что теперь это не голоса, а лишь один голос, и этот голос не говорил с ним, не шептал что-то безумное в темных закоулках сознания, как все предыдущие голоса, а кричал, звал его с силой, проникавшей даже сквозь складки сумасшествия, с отчаянной, неотразимой настоятельностью, которую не может пропустить мимо ушей человек, в ком осталась хоть капля жизни. Он с упрямой настойчивостью звучал раз за разом, с каждым мгновением делаясь все громче и громче, пока наконец что-то не проникло во тьму, окутывавшую Рейнольдса. Оно приподняло самый уголок этого савана и позволило ему на мгновение узнать голос. Это был хорошо знакомый ему голос, но таким он его никогда не слышал. До него смутно дошло, что это голос Янчи, и Янчи что-то кричал ему снова и снова.

— Держите голову выше! Ради бога, не опускайте голову! Держите голову выше, не опускайте голову! — повторял и повторял он, словно это были слова какой-нибудь безумной молитвы.

Не размыкая век, медленно, трудно, один мучительный сантиметр за другим, Рейнольдс поднял голову с груди, словно это был страшно огромный груз, пока затылок не уперся в высокую спинку

кресла. Некоторое время он оставался в этом положении, пытаясь отдышаться, как бегун на длинную дистанцию в конце изнурительного забега, а затем его голова снова стала клониться вниз.

— Держите голову! Я же сказал, не опускайте ее! — Слова Янчи звучали как команда, и Рейнольдс вдруг ясно и отчетливо понял, что Янчи хочет передать ему, поделиться с ним той фантастической силой воли, которая позволила ему выбраться с Колымы и вернуться живым через нехоженые морозные пустынные пространства Сибири. — Говорю вам, держите ее! Вот так лучше, так лучше! А теперь откройте глаза и посмотрите на меня!

Рейнольдс открыл глаза и посмотрел на него. Казалось, кто-то накрыл глаза Рейнольдса толстой свинцовой оболочкой — такое усилие пришлось ему приложить, но он все-таки разомкнул веки и рассеянным взглядом окинул погруженный во мрак подвал. Сначала он ничего не увидел и подумал, что ослеп, перед глазами лишь плыл какой-то мутный туман, а потом вдруг понял, что это и есть мутный туман, вспомнив, что каменный пол на пятнадцать сантиметров залит водой и весь подвал обвит паровыми трубами: парная,

влажная жара, хуже любой турецкой бани, в которой ему когда-либо пришлось побывать, была частью применяемых к ним методов.

Наконец, как будто сквозь запотевшее матовое стекло, он увидел Янчи. Тот сидел метрах в двух с половиной от него на точно таком же стуле, как и Рейнольдс. Голова Янчи непрерывно качалась из стороны в сторону, челюсти все время двигались, кисти связанных рук то судорожно разжимались, то сжимались — так Янчи пытался снять накопившееся напряжение, изощренно нагнетаемое мучительное возбуждение своей взвинченной нервной системы.

— Михаил, не давайте голове снова упасть, — настоятельно посоветовал он. Даже в этом тяжелом состоянии Рейнольдса поразило, что Янчи назвал его по имени — впервые за все время, — произнеся его так же, как дочь. — И ради всего святого, не закрывайте глаза. Не позволяйте себе расслабиться, делайте что угодно, не давайте себе расслабляться! У действия этих чертовых химикатов есть свой пик, переломный момент, и если вы его выдержите… Не расслабляйтесь! — вдруг закричал он.

Рейнольдс снова открыл глаза: на этот раз пришлось приложить чуть меньше усилий.

— Вот так, вот так! — Голос Янчи теперь было слышно отчетливее. — Я только что чувствовал себя точно так же, но если расслабиться, поддаться действию препаратов, то уже будет не спастись. Просто держись, парень, просто держись. Я уже чувствую: проходит.

Рейнольдс тоже почувствовал, как ослабевает хватка химикатов. Безумное желание вырваться из пут, дергаться каждой мышцей пока не исчезло, но в голове прояснялось, и боль позади глаз начала утихать. Янчи все время разговаривал с ним, подбадривал его, отвлекал, и постепенно его конечности и все тело стали успокаиваться, в нестерпимой тропической жаре подвала ему стало холодно, и неконтролируемая дрожь приступами сотрясала его с головы до ног. Затем дрожь постепенно унялась, и он начал потеть и изнемогать от возрастающей с каждым мгновением влажности и жары, идущей от паровых труб. Он уже снова был на грани обморока — на этот раз в ясном уме и здравом рассудке, — когда дверь распахнулась и по воде зашлепали надзиратели в резиновых сапогах. В считаные секунды надзиратели отвязали их и вытолкали через открытую дверь на чистый ледяной воздух, и Рейнольдс впервые в жизни понял, каким бывает

вкус воды для человека, умиравшего от жажды в пустыне.

Рейнольдс увидел, как идущий впереди Янчи стряхивает с себя руки надзирателей, поддерживающие его с обеих сторон, и, хоть и чувствовал себя как после долгой и изнурительной лихорадки, сделал то же самое. Он пошатнулся, чуть не упал, когда руки были убраны, но, удержавшись, собрался с силами и вышел вслед за Янчи на снег и лютый холод тюремного двора, держась прямо и высоко подняв голову.

Ожидавший их комендант, увидев, как они выходят, сначала не поверил своим глазам. На несколько мгновений он растерялся, и приготовленные им слова так и остались несказанными. Но он быстро пришел в себя и без усилий снова надел свою профессорскую маску.

— Честно говоря, джентльмены, если бы кто-то из моих коллег-врачей сообщил мне об этом, я бы назвал его лжецом. Я бы не поверил, я бы не смог этому поверить. Из клинического интереса спрошу, как вы себя чувствуете?

— Холодно. И ноги мерзнут — может, вы не заметили, но у нас промокли ноги, они у нас последние два часа были в воде.

Рейнольдс сказал это, небрежно прислонив-

шись к стене, но не потому, что эта поза отражала его чувства: без опоры он рухнул бы на снег. Но поддержку и ободрение дала ему не столько стена, сколько одобрительный блеск в глазах Янчи.

— Всему свое время. Периодическая смена температур — часть… э-э-э… процесса. Поздравляю вас, господа. Ваш случай обещает быть необычайно интересным. — Он повернулся к одному из надзирателей. — Часы в подвал, туда, где они оба смогут их видеть. Следующую инъекцию актедрона — так, сейчас полдень — сделаем ровно в два часа дня. Мы не должны держать их в ненужном состоянии неопределенности.

Десять минут спустя, задыхаясь от резкого возвращения в удушающую жару подвала после пребывания на холоде во дворе, Рейнольдс посмотрел на тикающие часы, затем на Янчи.

— Он в своих пытках не упускает даже малейших изощрений.

— Он пришел бы в ужас, да искренне ужаснулся бы, услышав от вас слово «пытка», — с задумчивым видом заметил Янчи. — Комендант считает себя просто ученым, проводящим эксперимент, и все, чего он хочет, — это добиться максимальной эффективности с точки зрения результатов. Разумеется, он совершенно безумен, это слепое

помешательство, свойственное всем фанатикам. Если бы он это от вас услышал, тоже был бы шокирован.

— Безумен? — Рейнольдс выругался. — Это бесчеловечное чудовище. Скажите, Янчи, а такого человека вы тоже считаете своим братом? Вы все так же верите в единство человечества?

— Бесчеловечное чудовище? — глухо произнес Янчи. — Хорошо, давайте признаем это. Но в то же время не будем забывать, что бесчеловечность не знает границ — ни во времени, ни в пространстве. Это ведь не исключительная привилегия русских. Одному богу известно, сколько тысяч венгров казнено своими же соотечественниками, сколько ими замучено до смерти, ставшей для них желанным освобождением. Чехословацкая СГБ — их тайная полиция — не уступала НКВД, а польское УБ, состоявшее почти полностью из поляков, ответственно за такие зверства, какие русским и не снились.

— Даже хуже, чем в Виннице?

Янчи долго и внимательно смотрел на него, потом поднес тыльную сторону ладони ко лбу, как будто чтобы вытереть пот.

— В Виннице? — Он опустил руку и устремил невидящий взгляд в дальний угол, окутанный

мраком. — Дружище, почему вы спрашиваете про Винницу?

— Не знаю. Юля упоминала об этом, — наверное, мне не следовало спрашивать. Простите, Янчи, забудьте.

— Не стоит извиняться — мне никогда об этом не забыть. — Он долго молчал, затем медленно продолжил: — Я никогда не смогу этого забыть. В сорок третьем году я был с немцами. Мы провели раскопки во фруктовом саду, огороженном высоким забором, возле штаба НКВД. В том саду мы обнаружили в братской могиле десять тысяч трупов. Мы нашли там мою мать, мою дочь, сестру — старшую сестру Юли — и моего единственного сына. Дочь и сына похоронили заживо: это было нетрудно установить.

В последовавшие за этим минуты для Рейнольдса перестал существовать темный, жаркий подвал, в котором они сидели глубоко под мерзлой землей «Сархазы». Он забыл об их ужасном положении, забыл о преследующей его мысли о международном скандале, к которому приведет суд над ним, забыл о человеке, решительно настроенном их уничтожить, он даже не слышал тиканья часов. Он мог думать только о нем, о том, кто спокойно сидел напротив, об ужасающей про-

стоте его истории, о страшном травмирующем потрясении, которое должно было последовать за его открытием, о чуде, позволившем ему не только сохранить рассудок, но и суметь стать тем добрым, мудрым и благородным человеком, каким он был, не испытывая в сердце ненависти ни к кому из живущих. Потерять стольких людей, которых любил, потерять большую часть того, ради чего жил, а потом называть их убийц братьями… Рейнольдс смотрел на него и понимал, что совсем не знает этого человека и никогда его не узнает…

— Нетрудно прочитать ваши мысли, — спокойно заговорил Янчи. — Я потерял многих, кого любил, и на какое-то время почти лишился рассудка. Граф — я когда-нибудь расскажу вам его историю — потерял еще больше: у меня, по крайней мере, осталась Юля и, я верю в это всем сердцем, моя жена. А он потерял все на свете. Но мы оба знаем это. Мы знаем, что именно кровопролитие и насилие отняли у нас наших любимых, но мы также знаем, что никакая кровь, которая может пролиться отныне и до скончания веков, не вернет их нам. Месть — для безумцев этого мира и полевых зверюшек. Местью не создать мира, в котором кровопролитие и насилие

больше не смогут отнимать у нас наших любимых. Наверное, возможен лучший мир, ради которого стоит жить, к построению которого стоит стремиться, которому стоит посвятить свою жизнь, но я человек простой и не могу его себе даже представить. — Он помолчал, потом улыбнулся. — Ну, мы говорим о бесчеловечности вообще. Давайте не будем забывать и об этом конкретном случае.

— Нет-нет! — Рейнольдс энергично потряс головой. — Давайте забудем про него, давайте совсем про него забудем.

— Именно это и говорят во всем мире — давайте забудем. Давайте не будем думать об этом — размышлять об этом слишком страшно, невыносимо. Давайте не будем отягощать наши сердца, умы и нашу совесть, потому что тогда добро, которое в нас есть, добро, которое есть в каждом человеке, может побудить нас что-нибудь с этим сделать. Но мы ничего не можем с этим сделать, скажут во всем мире, потому что мы даже не знаем, с чего начать и как начать. А начать нужно вот с чего: перестать думать, что бесчеловечность присуща только какой-то отдельной части нашего страдающего мира.

Я уже упомянул венгров, поляков, чехов и сло-

ваков. Могу также назвать Болгарию и Румынию, где совершаются чудовищные зверства, о которых мир еще не слышал — и, возможно, никогда не услышит. Еще можно сказать о семи миллионах бездомных беженцев в Корее. И на все это вы можете ответить: это все одно, это коммунизм. И вы будете правы, дружище.

Но что вы скажете, если я напомню вам о бесчинствах в фалангистской Испании, о Бухенвальде и Бельзене, о газовых камерах Освенцима, о японских лагерях, о железных дорогах смерти, существовавших в не столь давние времена? И снова у вас будет готовый ответ. Все это расцветает при тоталитарных режимах. Но я также сказал, что бесчеловечность не имеет границ во времени. Давайте вернемся на столетие или два назад. Вернемся в те времена, когда два великих оплота демократии еще не были столь зрелыми, как сейчас. Вернемся в те дни, когда британцы создавали свою империю, когда они проводили самую безжалостную колонизацию, которую когда-либо видел мир, вернемся в те дни, когда они отправляли рабов, упакованных, как сардины в консервной банке, через океан, в Америку, а сами американцы изгоняли индейцев с земель их родного континента. И что же, мой друг?

— Вы сами дали ответ: мы тогда были молоды.

— Вот и русские сегодня тоже молоды. Но и сегодня, даже в нашем двадцатом веке, происходят вещи, за которые должно быть стыдно любому уважающему себя человеку. Михаил, вы помните Ялту, помните соглашения между Сталиным и Рузвельтом, помните великую репатриацию людей, бежавших с востока на запад?

— Помню.

— Помните. Но вы не помните того, чего никогда не видели, но что видели и никогда не забудем мы с Графом: бесчисленные тысячи русских, эстонцев, латышей и литовцев, насильно репатриированных на родину, где, как они знали, их ожидало одно и только одно — смерть. Вы не видели того, что видели мы: тысячи обезумевших от страха людей, которые вешались на любом выступе, падали на перочинные ножи, бросались под колеса поезда и перерезали себе горло ржавым бритвенным лезвием — шли на все, что угодно, на любое самоубийство, мучительное, с криками и воплями, лишь бы не возвращаться в лагерь на пытки и смерть. Но мы видели это и видели, как тысячи людей, которым не посчастливилось покончить с собой, отправляли туда: их загоняли в грузовики и вагоны для скота

— их самих гнали, как скот, — и гнали британскими и американскими штыками… Никогда не забывайте про это, Михаил: британскими и американскими штыками… «Кто из вас без греха, пусть…»

Янчи потряс головой, пытаясь смахнуть бисеринки пота, выступившие из-за нарастающей влажности. Они оба начинали задыхаться от жары, приходилось отвоевывать каждый вдох. Но Янчи еще не закончил.

— Друг мой, я могу бесконечно долго говорить о вашей стране и той стране, которая сейчас считает себя истинным хранителем демократии, — Америке. Если ваш народ и американцы и не самые великие в мире защитники демократии, то уж точно самые громкие. Я мог бы говорить о нетерпимости и жестокости, сопровождающих проживание в Америке рядом друг с другом людей с разным цветом кожи, о возникновении ку-клукс-клана в Англии, твердо, но безосновательно считавшей когда-то, что она намного выше Америки в вопросах расовой терпимости. Но это бесполезно, а ваши страны достаточно велики и обеспечены, чтобы разобраться с собственными нетерпимыми меньшинствами, и достаточно свободны, чтобы рассказать о них

всему миру. Я просто хочу сказать, что жестокость, ненависть и нетерпимость не являются монополией какой-либо одной расы, религии или эпохи. Они никуда не делись с самого начала существования мира, это и сейчас есть в любой стране. В Лондоне и Нью-Йорке столько же злых, подлых людей и садистов, сколько и в Москве, но западные демократии защищают свои свободы, как орел охраняет своих птенцов, и отбросы общества не могут подняться наверх; здесь же, при такой политической системе, которая в конечном счете может существовать только благодаря репрессиям, необходима полиция, обладающая абсолютной властью, созданная в соответствии с законом, но по своей природе практикующая беззаконие, произвол и беспредельный деспотизм. Такая полиция — центр притяжения для подонков нашего общества, которые сначала вливаются в нее, потом главенствуют в ней, а затем управляют страной. Полиция не должна быть монстром, но неизбежно, из-за входящих в нее элементов, становится им, а Франкенштейн, создавший ее, делается ее рабом.

— А уничтожить монстра нельзя?

— Это самовоспроизводящаяся многоголовая гидра. Уничтожить ее невозможно. Нельзя уни-

чтожить и Франкенштейна, который ее создал. Мы должны уничтожить систему, те убеждения, которыми живет Франкенштейн, и самый верный путь к ее уничтожению — это устранить необходимость ее существования. Она не может существовать в вакууме. И я уже сказал вам, почему она существует. — Янчи грустно улыбнулся. — Это было три ночи или три года назад?

— Боюсь, в данный момент мои память и мышление не в лучшем состоянии, — извинился Рейнольдс. Он смотрел на капли пота, беспрерывно стекающего с его лба, — они с брызгами падали в воду, затопившую пол. — Как вы думаете, наш друг намерен нас расплавить?

— Похоже на то. Что касается того, что я сказал, боюсь, я говорю слишком много и не вовремя. Вы не почувствовали хоть чуточку доброты к нашему замечательному коменданту?

— Нет!

— Ну что ж, — философски заметил Янчи, — наверное, человек, понявший причины схода лавины, не станет благодарным за то, что оказался под ней. — Он резко замолчал и лицом повернулся к двери. — Боюсь, — пробормотал он, — в нашу частную жизнь снова собираются вторгнуться.

Вошли необщительные надзиратели, с присущей им ловкостью отвязали их, поставили на ноги, вытолкали за дверь и повели сначала наверх, а потом через двор. Главный постучался к коменданту, дождался команды, затем широко распахнул дверь и втолкнул арестантов в кабинет. Комендант был не один, и Рейнольдс сразу узнал гостя: это был Йозеф Хидаш, полковник, заместитель начальника ДГБ. Когда они вошли, Хидаш встал и подошел к Рейнольдсу, пытавшемуся не стучать зубами и не дрожать всем телом, — даже без препаратов мгновенные перепады температуры в сто градусов начинали оказывать странное ослабляющее и изнуряющее действие. Хидаш улыбнулся ему.

— Что ж, капитан Рейнольдс, вот, как говорится, и свиделись. Обстоятельства, боюсь, в этот раз еще менее счастливые, чем в прошлый. Кстати, вам будет приятно узнать, что ваш друг Коко поправился и вернулся на службу, хотя все еще сильно хромает.

— Я очень огорчен этим известием, — коротко ответил Рейнольдс. — Значит, слабовато я ему врезал.

Хидаш поднял бровь и, повернув голову, посмотрел на коменданта:

— Утром они прошли всю процедуру целиком?

— Да, полковник. Необычайно высокая степень сопротивления — но такой клинический вызов мне интересен. Не беспокойтесь, до полуночи заговорят.

— Уверен, что так и будет. — Хидаш опять повернулся к Рейнольдсу. — Вы предстанете перед Народным судом в четверг. Об этом будет объявлено завтра, и мы предложим немедленное предоставление виз и проживание в первоклассном отеле каждому западному журналисту, который пожелает присутствовать на заседании.

— Значит, для остальных мест не будет, — пробормотал Рейнольдс.

— Что нас вполне устраивает… Впрочем, это меня мало интересует по сравнению с другим, несколько менее публичным процессом, который состоится на этой неделе раньше. — Хидаш прошел через кабинет и встал перед Янчи. — Наконец-то свершилось то, что, признаюсь честно, стало всепоглощающим желанием, главной задачей моей жизни, — встреча с человеком, который доставил мне больше неприятностей, бед и бессонных ночей, чем все остальные… э-э-э… враги государства, которых я когда-либо знал. Да, я это признаю. Вот уже семь лет вы почти непрерывно

переходите мне дорогу, прикрываете и выкрадываете сотни предателей и врагов коммунизма, вмешиваетесь в законы правосудия и нарушаете их. За последние полтора года вашу деятельность, осуществляемую при содействии потерпевшего неудачу, но блестящего майора Ховарта, стало невозможно терпеть. Но сколько веревочке не виться, а конец будет. Мне не терпится услышать, как вы заговорите… Как вас зовут, друг мой?

— Янчи. У меня только это имя.

— Ну конечно! Я и не ожидал ничего… — Хидаш запнулся на полуслове, глаза его расширились, лицо побледнело. Он отступил на шаг, потом еще на один. — Как, вы сказали, вас зовут?

Его голос перешел в хриплый шепот. Рейнольдс изумленно посмотрел на него.

— Янчи. Просто Янчи.

Секунд десять прошло в полной тишине. Все смотрели на полковника ДГБ. Затем Хидаш облизал губы и просипел:

— Повернитесь!

Янчи выполнил приказание, и Хидаш уставился на его закованные руки. Послышался быстрый вздох, затем Янчи без команды повернулся обратно.

— Вы же умерли! — все тем же хриплым шепо-

том произнес Хидаш. Его лицо перекосилось от потрясения. — Вы умерли два года назад. Когда мы забрали вашу жену…

— Я не умер, мой дорогой Хидаш, — прервал его Янчи. — Умер другой человек — в ту неделю, когда ваши коричневые грузовики были так загружены, было несколько десятков самоубийств. Мы просто взяли человека, больше всего похожего на меня внешностью и телосложением. Мы отвезли его в нашу квартиру, загримировали, переодели и хорошенько покрасили ему руки, чтобы при любом осмотре, кроме медицинского, никто ничего не заметил. Майор Ховарт, как вы, наверное, уже знаете, гений по части изменения внешности. — Янчи пожал плечами. — Неприятно так поступать, но человек был уже мертв. Моя жена была жива, и мы решили, что она может остаться в живых, если будут думать, что я умер.

— Понятно, да-да, понятно. — Полковник Хидаш успел прийти в себя, но в его голосе все же отразилось волнение. — Неудивительно, что вы так долго бросали нам вызов! Неудивительно, что мы так и не смогли уничтожить вашу организацию. Если бы я знал, если б я только знал! Для меня большая честь, что вы были моим противником.

— Полковник Хидаш! — умоляющим голосом произнес комендант. — Кто этот человек?

— Это человек, который, увы, не предстанет перед судом в Будапеште. В Киеве — да, возможно, в Москве, но не в Будапеште. Комендант, позвольте представить вам. Генерал-майор Алексей Иллюрин, второй после генерала Власова командующий Украинской национальной армией.

— Иллюрин! — Комендант уставился на него. — Иллюрин! Здесь, в моем кабинете? Не может быть!

— Да, знаю, что не может быть, но на свете есть только один человек с такими руками! Он еще не заговорил? Нет? Заговорит — мы должны получить полное признание прежде, чем он отправится в Россию. — Хидаш взглянул на часы. — Столько всего нужно сделать, мой комендант, и так мало времени. Мой автомобиль, и немедленно. Хорошо охраняйте моего друга до моего возвращения. Я вернусь через два часа, максимум через три. Иллюрин? Клянусь всеми богами, Иллюрин!

Когда Янчи и Рейнольдс снова оказались в каменной душегубке, им почти нечего было сказать друг другу. Даже обычный оптимизм Янчи, похоже, перестал ему помогать, но лицо его

оставалось таким же невозмутимым, как всегда. Но Рейнольдс знал, что все кончено — для Янчи даже в большей степени, чем для него самого, — и что последняя карта разыграна. Он подумал, что в человеке, который тихо сидит напротив, великане, низвергнутом в прах, но спокойном, неподвластном страху, есть что-то трагическое, не поддающееся описанию.

И, глядя на него, Рейнольдс был почти рад, что сам тоже умрет, и не мог не сознавать горькой иронии своего мужества, потому что эту мысль породила не смелость, а трусость: когда Янчи погибнет — и погибнет благодаря ему, Рейнольдсу, он не сможет снова посмотреть в глаза его дочери. Еще хуже было от мысли о том, что неизбежно должно произойти с ней, когда Графа, Янчи и его самого не станет, но не успела эта мысль прийти ему в голову, как он решительно, безжалостно отогнал ее: настал момент, когда нужно изгнать из сознания любую слабость, а вспоминать о Юлином смехе и грустном выражении подвижного, нежного лица, которое слишком легко возникало в его воображении, — иначе неминуемо охватит отчаяние…

Пар с шипением вырывался из труб, воздух становился все более влажным, температура

неуклонно ползла вверх: 120, 130, 140 градусов[10], их тела обливались потом, глаза от него слепли, а в легкие словно врывался огонь. Дважды, трижды Рейнольдс терял сознание и, если бы не удерживающий тело ремень, упал бы и утонул в воде, пусть глубина и составляла всего несколько дюймов.

Когда он в очередной раз выходил из бессознательного состояния, по застежкам ремней стали шарить руки надзирателей, и, прежде чем он успел сообразить, что происходит, его и Янчи в третий раз за это утро вывели из камеры во двор, на морозный воздух. Голова у Рейнольдса шла кругом, его шатало. Он видел, что Янчи, как и его, поддерживают руки надзирателей. Вдруг сквозь туман в голове что-то вспомнилось, и он посмотрел на часы. Было ровно два часа. Он поймал на себе взгляд Янчи, и тот мрачно кивнул, принимая неизбежное. Два часа, комендант ждет их, он будет так же пунктуален и аккуратен, как и во всем остальном, что делает. Два часа, комендант ждет их, как и шприцы, и кофе, мескалин и актедрон ждут их, чтобы ввергнуть в полное безумие.

Да, комендант ждал их, но ждал не один. Сна-

---

[10] Notes: 10
По Фаренгейту.

чала взгляд Рейнольдса упал на конвоира из ДГБ, потом в поле его зрения попали еще двое, затем великан Коко, глядевший на него с широкой предвкушающей злобной ухмылкой на покрытом шрамами звероподобном лице. И только потом он увидел спину человека, небрежно прислонившегося к оконной раме и курившего черную русскую сигарету в мундштуке конической формы, а когда тот повернулся, Рейнольдс увидел, что это Граф.

Глава 9

Рейнольдс был уверен, что глаза и рассудок обманывают его. Он знал, что Графа убрали из игры и начальство ДГБ, державшее его на прицеле, не позволило бы ему и на дюйм сдвинуться с места. Он знал также, что последние полтора часа в этом подземелье, превращенном в паровую печь, оказали на него крайне ослабляющее действие и что его сознание, погруженное во тьму, по-прежнему шерстистое, спутанное, играет с ним всякие шутки. Но вот человек у окна неспешно отделился от стены и легкой ленивой походкой пересек кабинет. В одной руке он держал мундштук с сигаретой, другая рука помахивала парой тяжелых кожаных перчаток, и у Рейнольдса больше не осталось сомнений. Это действительно Граф, живой, совершенно невредимый, все тот же насмешливый Граф. В первый ошеломляющий момент у Рейнольдса приоткрылся рот, глаза расширились, а потом на бледном, изможденном лице начала проступать улыбка.

— Откуда, черт возьми… — начал он и тут же отшатнулся к стене — Граф ударил его своими

тяжелыми перчатками по лицу и губам.

Он почувствовал, как из недавно зажившей верхней губы потекла кровь, и после всего, что он уже пережил, от этой новой боли и шока его охватила слабость, голова закружилась, и Графа он видел лишь смутно, как будто сквозь дымку.

— Урок номер один, малыш, — небрежно объявил Граф. Он с явным отвращением посмотрел на пятнышко крови на своей перчатке. — В дальнейшем будешь говорить только тогда, когда к тебе обратятся. — Он перевел брезгливый взгляд с перчаток на двух арестантов. — Комендант, этих людей вытащили из реки?

— Нет-нет, вовсе нет. — Комендант выглядел сильно расстроенным. — Они просто проходили курс процедур в одной из наших паровых камер… Это очень досадно, капитан Жольт, очень некстати. Это нарушает всю последовательность работы.

— Я бы не стал так беспокоиться, комендант, — успокаивающе сказал Граф. — Это неофициально, и, пожалуйста, не ссылайтесь на меня, но, насколько я понимаю, их привезут обратно сюда или сегодня поздно вечером, или завтра рано утром. Товарищ Фурминт очень на вас надеется и видит в вас выдающегося… мм… психолога.

— Вы уверены, что все будет хорошо? Уверены, капитан? — Комендант был встревожен.

— Абсолютно. — Граф посмотрел на часы. — Мы не можем медлить, комендант. Вы знаете, что нужно спешить. Да и потом, — улыбнулся он, — чем быстрее их увезут, тем быстрее они вернутся.

— Тогда не буду вас задерживать. — Комендант теперь был сама любезность. — Я смирился с необходимостью их временного отсутствия. Мне не терпится завершить мой эксперимент, особенно с такой знаменитой личностью, как генерал-майор Иллюрин.

— Такого шанса вам больше не представится, — согласился Граф. Он повернулся к четырем сотрудникам ДГБ. — Так, в грузовик их, живо… Коко, дитя мое, боюсь, ты теряешь свою хватку. Они же не из стекла сделаны.

Коко ухмыльнулся и принял эту информацию к сведению. Он с силой ударил Рейнольдса своей мощной ладонью по лицу, и тот отлетел к стене. Двое других схватили Янчи и грубо выволокли его из кабинета. Комендант в ужасе вскинул руки:

— Капитан Жольт. Необходимо ли… Я хочу сказать, нужно, чтобы они вернулись сюда в хорошем виде, чтобы…

— Не бойтесь, комендант, — усмехнулся Граф. — Мы тоже в своем роде специалисты, хоть и ведем себя грубовато. Объясните все, пожалуйста, полковнику Хидашу, когда он вернется, и попросите его позвонить шефу. Скажите ему, что мне очень жаль, что я разминулся с ним, но ждать некогда. Хорошо. Еще раз спасибо, комендант, и до свидания.

Сильно дрожащих в промокшей одежде Янчи и Рейнольдса погнали через двор к кузову ожидавшего их грузовика. Один из конвоиров сел в кабину с водителем, а Граф, Коко и еще один конвоир забрались в кузов и положили оружие на колени, не спуская глаз с двух арестантов. Мгновение спустя мотор завелся, грузовик тронулся с места и уже через несколько секунд проехал мимо отдающего честь часового у ворот.

Почти сразу же Граф достал из кармана карту, бегло посмотрел на нее и сунул обратно. Через пять минут он прошел мимо Янчи и Рейнольдса, откинул смотровой люк и заговорил с водителем.

— Через полкилометра отсюда влево отходит проселочная дорога. Езжайте по ней, пока я не прикажу остановиться.

Спустя минуту грузовик замедлил ход, затем

свернул с трассы и, трясясь и подпрыгивая, понесся по узкой неровной дороге. Сплошь в рытвинах, дорога была покрыта глубоким слоем смерзшегося снега, и грузовик постоянно съезжал с одной стороны на другую, так что водителю с огромным трудом удавалось удерживать его на дороге, но ехали хоть и медленно, но уверенно. Через десять минут Граф переместился в заднюю часть грузовика и высунул голову в дверь, словно высматривая знакомый ориентир. Спустя несколько минут он, кажется, нашел, что искал. По его команде водитель остановил машину, и Граф спрыгнул на снег. За ним последовали Коко и второй конвоир. Повинуясь движению рук, которые держали оружие, Янчи и Рейнольдс спрыгнули тоже.

Граф остановил машину посреди густого леса. В стороне от дороги виднелась поляна. Граф снова скомандовал, и водитель выехал на поляну, чтобы развернуть грузовик. Машину занесло, она заскользила по заснеженной траве, но, подставляя плечи и бросив под задние колеса несколько веток, они вскоре снова смогли вытолкать ее на дорогу и поставить в направлении, противоположном тому, в котором ехали сюда. Водитель заглушил двигатель и вылез, но Граф заставил

его вновь завести машину и оставить работать на холостом ходу. Он сказал, что не собирается рисковать в такой мороз и позволить двигателю замерзнуть.

Холод действительно стоял лютый. Янчи и Рейнольдс, на которых по-прежнему была все та же мокрая одежда, дрожали как в лихорадке. Ледяной воздух окрасил подбородки, уши и кончики носов в красный, синий и белый цвета, а пар от дыхания тяжело и медленно, словно дым, поднимался в неподвижном морозном воздухе.

— Всем действовать быстро! — приказал Граф. — Или хотите замерзнуть до смерти? Коко, будешь смотреть за этими. Я могу тебе это доверить?

— По гроб жизни, — усмехнулся тот злобно. — Малейшее движение — и они трупы.

— Я в этом не сомневаюсь. — Граф задумчиво посмотрел на него. — Сколько человек ты убил, Коко?

— Товарищ, я потерял счет много лет назад, — простодушно ответил Коко.

Рейнольдс, глядя на него, был уверен, что он говорит правду.

— Совсем скоро ты получишь свою награду, — загадочно произнес Граф. — Остальным взять по

лопате. Есть работа, от которой вы согреетесь.

Один из конвоиров, моргая, тупо уставился на него:

— Лопаты, товарищ? Для арестантов?

— А ты думал, я тут решил огород разбить? — холодно отозвался Граф.

— Нет-нет. Просто вы коменданту сказали… Ну, я думал, мы в Будапешт едем…

Его голос умолк.

— Вот именно, товарищ, — сухо ответил Граф. — Ты вовремя понял свою ошибку — вовремя, и хватит. Думать сейчас некогда. Давайте, или мы все тут замерзнем. И не бойтесь. Землю копать не придется, все равно не получится, она как железо. Найдите в лесу какую-нибудь ложбинку, где снега нанесло, впадинку какую-нибудь, снегом засыпанную, — и… Ладно, главное, Коко понял.

— Да, понял. — Коко, ухмыляясь, облизнул губы. — Может, товарищ позволит мне…

— Положить конец их страданиям? — подхватил Граф и безразлично пожал плечами. — Можно. Двумя больше, не все ли равно, когда ты уже потерял счет?

Он скрылся в лесу за поляной вместе с тремя другими конвоирами, и даже в этом кристально чистом, звонком воздухе оставшимся было

слышно, как их голоса становятся все тише и тише и превращаются в отдаленное бормотание: должно быть, Граф ведет их вглубь леса, в самую чащу. Тем временем Коко не сводил с Янчи и Рейнольдса немигающих, ядовитых маленьких глаз, и они прекрасно понимали, что он ждет малейшего повода, чтобы нажать на спусковой крючок карабина, который его огромные руки бережно держали, словно игрушку. Но они не давали ему никакого повода — если не считать неудержимую дрожь, Янчи с Рейнольдсом застыли как статуи.

Минут через пять Граф вышел из леса, похлопывая перчаткой по высоким начищенным сапогам и полам длинной шинели, стряхивая с них снег.

— Работа идет полным ходом, — объявил он. — Еще две минуты — и мы присоединимся к нашим товарищам. Они хорошо себя вели, Коко?

— Хорошо, — явно разочарованно ответил Коко.

— Не бери в голову, товарищ, — утешил его Граф. Он вышагивал взад-вперед за спиной Коко и хлопал себя по рукам, чтобы согреться. — Ждать осталось недолго. Не спускай с них глаз ни на секунду… Как… как сегодня, боль еще не прошла? — мягко поинтересовался он.

— До сих пор больно. — Коко свирепо глянул на Рейнольдса и выругался. — Я весь черный и синий!

— Мой бедный Коко, в последние дни очень уж непросто тебе приходится, — нежно произнес Граф.

В тишине леса словно бы прозвучал выстрел, когда яростный удар рукояткой револьвера с чудовищной силой пришелся прямо над ухом Коко. Карабин выпал из его рук, он покачнулся, вскинул глаза и рухнул на землю, как поваленное дерево. Граф почтительно сделал шаг в сторону, чтобы дать великану возможность упасть. Двадцать секунд спустя грузовик уже ехал по дороге, а лесная поляна скрылась из виду за поворотом.

Первые три или четыре минуты в кабине грузовика не раздалось ни звука, слышен был только низкий ровный шум двигателя. Янчи и Рейнольдсу хотелось спросить Графа о многом и много чего сказать, но они не знали, с чего начать, и тень кошмара, из которого они только что вырвались, еще слишком сильно сковывала их сознание. Но вот Граф сбавил скорость и остановился. Слабая улыбка озарила его тонкое аристократическое лицо, когда он полез во вместительный задний карман и достал фляжку.

— Сливовое бренди, друзья мои, — нетвердым голосом произнес он. — Сливовое бренди, и, бог свидетель, никому оно сегодня не нужно так сильно, как нам троим. Мне — потому что сегодня я умер тысячу раз подряд, особенно когда наш друг чуть все не испортил, когда увидел меня в кабинете у коменданта, а вам — потому что вы мокрые и замерзаете и легко можете слечь с пневмонией. И еще, я подозреваю, из-за того, что они не слишком хорошо с вами обращались. Я прав?

— Прав. — Это ответил Янчи, потому что Рейнольдс закашлялся и поперхнулся, когда благодатное, живительное тепло обожгло ему горло. — Обычные препараты, чтобы расколоть человека, плюс еще один, особый, который он сам только что разработал. Ну и известная тебе обработка паром.

— Догадаться было нетрудно, — кивнул Граф. — Счастливыми вы не выглядели. На самом деле странно, что вы вообще смогли стоять на ногах, но, несомненно, вас поддерживала уверенность в том, что мое появление на сцене — лишь вопрос времени.

— Несомненно, — сдержанно подтвердил Янчи. Он отпил приличную порцию, глаза его наполнились слезами, и он стал хватать ртом воздух. — Яд,

чистейший яд, но я никогда не пробовал ничего даже наполовину такого хорошего!

— Бывают времена, когда от критических суждений лучше воздержаться, — признал Граф. Он приставил флягу ко рту, сделал большой глоток, как другой отпил бы воды, и сунул флягу в карман. — Очень важная остановка, но нужно двигаться: время не на нашей стороне.

Он выжал сцепление, и грузовик двинулся вперед. Рейнольдс громко запротестовал, пытаясь перекричать пронзительный рев двигателя, работающего на первой передаче:

— Но вы же расскажете нам…

— Конечно, — сказал Граф. — Но только по пути, если не возражаете. Позже объясню почему. Однако — к событиям сегодняшнего дня… Прежде всего, должен сообщить вам, что я ухожу из ДГБ, подал в отставку. Сделал это, разумеется, с неохотой.

— Разумеется, — пробормотал Янчи. — Кто-нибудь уже знает?

— Фурминт, полагаю, знает. — Граф не сводил глаз с узкой дороги, лавируя на ходу: грузовик заносило то к левой обочине, то к правой. — Письменно я его, правда, не известил, потому что оставил в кабинете с кляпом во рту и связанными

руками и ногами, но вряд ли у него могли возникнуть сомнения относительно моих планов.

Ни Рейнольдс, ни Янчи ничего не сказали — что скажешь, услышав такое? В повисшем молчании тонкие губы Графа расплылись в ухмылке.

— Фурминт! — Тишину нарушил Янчи, его голос прозвучал напряженно. — Фурминт! То есть твой шеф…

— Бывший шеф, — поправил его Граф. — А кто же еще? Но позвольте мне начать с самого утра. Вы помните, что я отправил с Казаком сообщение — кстати, он и «опель» доехали в целости и сохранности?

— И тот, и другой.

— Свершилось чудо. Видели бы вы, как он трогался с места. Я сказал ему, что меня отправляют в Гёдёллё для какой-то серьезной проверки. По идее, этим должен был бы заняться сам Хидаш, но он сказал мне, что у него какие-то важные дела в другом месте, в Дьёре. Итак, мы отправились в Гёдёллё — восемь бойцов, я и капитан Калман Жольт, человек, который умеет обращаться с резиновой дубинкой, но во всем остальном ужасно бездарный. Но когда мы поехали, я забеспокоился — в зеркале я увидел, как шеф очень странно на меня посмотрел, перед тем как я вышел из здания

на проспекте Андраши. Нет ничего такого в том, что шеф может на кого-то странно посмотреть, он даже собственной жене не доверяет, но странно было, что так на меня смотрит человек, который не далее как на прошлой неделе похвалил меня как самого талантливого сотрудника ДГБ в Будапеште.

— Ты незаменим, — сказал Янчи.

— Спасибо… Потом, когда мы уже подъезжали к Гёдёллё, Жольт, можно сказать, бросил мне на колени бомбу. Он между делом упомянул, что утром разговаривал с шофером Хидаша и что, как он понял, полковник едет в тюрьму «Сархаза», и удивлялся, какого дьявола полковнику понадобилось тащиться в этот гадюшник. Он продолжал молоть всякий вздор, и слава богу, потому что выражение лица у меня в тот момент, если бы кто-нибудь на меня вдруг посмотрел, было наверняка еще то.

Все у меня в голове сложилось, да с таким громким щелчком, что удивительно, как Жольт его не услышал. То, что меня выпихнули в Гёдёллё, странный взгляд шефа, ложь Хидаша, то, что мне так легко удалось выяснить, что профессор находится в «Сархазе», и то, что еще легче удалось взять документы и печати из кабинета Фурмин-

та. Боже мой, мне хотелось дать себе пинка, когда я вспомнил, что Фурминт без всякой надобности постарался сообщить мне, что собирается провести совещание с какими-то офицерами, тем самым дав мне понять, что его кабинет некоторое время будет пуст — это было в обеденный перерыв, когда в приемной никого не было… Как они раскусили меня, я никогда не узнаю. Готов поклясться, что всего за сорок восемь часов до этого я считался самым надежным офицером в Будапеште. Но это так, к слову.

Нужно было действовать, разобраться со всем этим раз и навсегда, я знал, что мои мосты уже сожжены и мне терять нечего. Я должен был действовать, исходя из того, что обо мне знают только Фурминт и Хидаш. Очевидно, Жольт ничего не знал, чего тут было еще ожидать, он слишком глуп, чтобы ему можно было что-то доверить, а Фурминт с Хидашем, понятное дело, настолько недоверчивы, что не рискнули бы никому про все это рассказать. — Граф широко улыбнулся. — В конце концов, если их лучший человек перебежал на другую сторону, откуда им знать, насколько далеко распространилась гниль?

— Действительно, откуда? — согласился Янчи.

— Вот именно. Приехав в Гёдёллё, мы сразу же отправились в мэрию, а не в наше местное отделение, там тоже велось расследование, вышвырнули мэра и взяли дело в свои руки. Я оставил там Жольта, спустился вниз, собрал людей и сказал им, что до пяти часов вечера их задача — ходить по кафе и барам, выдавая себя за недовольных дэгэбэшников, и выслеживать, нет ли подстрекательских разговоров. Работа как раз для них. Я дал им изрядную сумму денег, чтобы они могли насладиться местным колоритом, — еще несколько часов они будут безостановочно пьянствовать.

Затем я в состоянии сильного возбуждения помчался обратно в мэрию и сообщил Жольту, что обнаружил нечто чрезвычайно важное. Он даже не удосужился спросить, что именно, выскочил со мной из кабинета, весь сияя оттого, что скоро сбудутся его мечты о повышении. — Граф кашлянул. — Опустим неприятную часть. Достаточно сказать, что сейчас он пребывает в заброшенном подвале в пятидесяти метрах от мэрии. Он не связан и не пострадал, но для его освобождения понадобится кислородно-ацетиленовый резак.

Граф замолчал, остановил грузовик и вышел из машины, чтобы очистить лобовое стекло. Уже две

или три минуты шел довольно сильный снег, но ни один из двоих пассажиров этого не заметил.

— Я взял документы моего незадачливого коллеги. — Граф снова был за рулем и продолжил рассказ. — Через сорок пять минут, сделав по пути одну остановку — чтобы купить бельевую веревку, — я был у дверей нашей штаб-квартиры, а еще через минуту — в кабинете Фурминта; сам факт, что мне это удалось, свидетельствовал о том, что Фурминт и Хидаш, как я и предполагал, действительно не распространялись о моем отступничестве.

Все оказалось до смешного просто. Мне нечего было терять, я все еще был официально вне подозрений, а ничто не приносит такого успеха, как наглость, особенно если она имеет масштабный характер. Фурминт был так ошеломлен, увидев меня, что я успел просунуть ствол пистолета ему между зубов, прежде чем его отвисшая челюсть вернулась в исходное положение; он ведь окружен всякими новомодными ручками и кнопками звонков, призванными спасти ему жизнь в чрезвычайной ситуации, но они, как вы понимаете, не могли защитить его от такого умельца, как я.

Я заткнул ему рот кляпом и велел написать собственной рукой письмо под мою диктовку.

Фурминт — храбрый человек, и он сильно сопротивлялся, но ничто так не побеждает высокие моральные принципы, как дуло пистолета, которое воткнули тебе в ухо. Письмо было адресовано коменданту тюрьмы «Сархаза» — а он знает почерк Фурминта так же хорошо, как свой собственный, — и содержало разрешение передать вас двоих мне, то есть капитану Жольту. Затем он подписал письмо, поставил на нем едва ли не все печати, какие только мы смогли найти в его кабинете, положил в конверт и запечатал своей личной печатью — во всей Венгрии не сыщется и десятка человек, которые ее видели. Мне повезло, я видел, но Фурминт про это не знал.

У меня была двадцатиметровая веревка, и, когда я закончил, Фурминт был связан, как куренок под жарку. Он мог пошевелить только глазами и бровями и делал это с большой выразительностью, когда я поднял трубку телефона прямой линии с «Сархазой» и заговорил с комендантом, точно скопировав — могу этим гордиться — голос Фурминта. Мне кажется, Фурминт начал понимать многое, что озадачивало его за последний год. Как бы то ни было, я сказал коменданту, что посылаю за этими арестантами капитана Жольта, а также отправляю с ним письменное

разрешение, написанное моей рукой и заверенное моей личной печатью. Никаких затруднений возникнуть было не должно.

— А что, если бы там все еще был Хидаш? — полюбопытствовал Рейнольдс. — Он же, кажется, уехал совсем незадолго до того, как вы стали звонить.

— Не могло быть ничего лучше и проще. — Граф небрежно махнул рукой и тут же быстро схватился за руль — грузовик повело к кювету. — Я бы просто приказал Хидашу немедленно доставить вас обратно, а по пути перехватил бы его… Во время разговора с комендантом я время от времени кашлял и чихал и говорил так, чтобы мой голос казался немного хриплым. Я сказал коменданту, что сильно простудился. На это у меня были причины. Затем я через настольный микрофон связался с приемной и сказал, чтобы в ближайшие три часа меня не беспокоили ни по какому поводу, даже если со мной захочет поговорить какой-нибудь министр. Я не оставил им сомнений в том, что произойдет, если мои приказы не будут выполнены. Я думал, что у Фурминта случится апоплексический удар. Затем, продолжая говорить голосом Фурминта, я позвонил в транспортный отдел, приказал немед-

ленно пригнать грузовик для майора Ховарта и распорядился выделить четверых людей, чтобы сопровождать его, — мне они были ни к чему, но надо было взять их ради соблюдения местного колорита. Потом я запихнул Фурминта в шкаф, запер его, вышел из кабинета, запер его тоже, а ключ забрал с собой. Затем мы отправились в «Сархазу»… Интересно, о чем сейчас думает Фурминт? И Жольт? И трезв ли еще кто-то из парней, которых я оставил в Гёдёллё? И представьте себе лица Хидаша и коменданта, когда они начнут понимать, что произошло! — Граф мечтательно улыбнулся. — Весь день мог бы об этом думать.

Следующие несколько минут они ехали молча. Снегопад еще не слепил глаза, но усиливался, и Графу приходилось не отвлекаться от дороги на разговоры. Рядом с ним Янчи и Рейнольдс, на которых целительно подействовали тепло, шедшее в кабину от двигателя, и вторая порция бренди из фляги Графа, чувствовали, как их замерзшие тела постепенно отогреваются, как ослабевает и мало-помалу прекращается непрерывная дрожь, а в онемевшие ноги и руки вонзается тысяча иголок — это мучительной и восхитительной болью восстанавливалось кровообращение. Рассказ Графа они выслушали почти в полном

молчании и продолжали молчать: Рейнольдс не мог придумать, что бы можно было сказать по поводу этого удивительного человека и его истории, а уж с каких слов начать его благодарить, он и вовсе не представлял. К тому же он не без оснований полагал, что от благодарности Граф просто отмахнется.

— Кто-нибудь из вас видел машину, на которой приехал Хидаш? — неожиданно спросил Граф.

— Я видел, — ответил Рейнольдс. — Черный русский «ЗИС» — размером примерно с дом.

— Знаю. Цельный стальной кузов и пуленепробиваемые стекла. — Граф сбавил скорость и подъехал к нависавшей над обочиной группе деревьев. — Вряд ли Хидаш не узнает один из своих грузовиков и проедет мимо. Давайте посмотрим, как там обстоят дела.

Он остановился и спрыгнул в снежную круговерть. Рейнольдс и Янчи последовали за ним. Через пятьдесят метров они были у пересечения с главной дорогой, на которой ровным, гладким слоем лежал свежевыпавший снег.

— Похоже, с тех пор, как пошел снег, здесь никто не проезжал, — заметил Янчи.

— Согласен, — ответил Граф и посмотрел на часы. — Почти три часа прошло, как Хидаш выехал

из «Сархазы», а он сказал, что не позже чем через три часа вернется. Ждать осталось недолго.

— Может, просто перекрыть дорогу нашим грузовиком и остановить его? — предложил Рейнольдс. — Это отсрочит их действия еще на пару часов.

Граф с сожалением покачал головой:

— Это невозможно. Я думал об этом, но это бесполезно. Во-первых, люди, которых мы оставили в лесу, вернутся в «Сархазу» за час — максимум за полтора. А потом, чтобы взломать такую бронированную машину, как «ЗИС», нужен лом или динамит, но дело даже не в этом: в такую погоду водитель почти наверняка не заметит грузовика, пока не будет слишком поздно, а этот «ЗИС» весит тонны три. Он разнесет наш грузовик, а если мы хотим остаться в живых, надо, чтобы машина осталась целой.

— Он мог проехать сразу после того, как мы съехали с дороги, и до того, как пошел снег, — предположил Янчи.

— Вполне возможно, — согласился Граф. — Но, думаю, надо дать ему несколько минут…

Он вдруг замолчал, прислушался; Рейнольдс тоже услышал нарастающий глухой гул мощного двигателя.

Они успели съехать с дороги и укрыться под кронами деревьев. Машина — это, несомненно, был черный «ЗИС» Хидаша — пронеслась в вихрящемся снегу с шипением и хрустом зимних широких шин и почти мгновенно пропала из виду, оставив за собой повисшую тишину. Рейнольдс разглядел на переднем сиденье шофера, а на заднем — Хидаша. Рядом с ним вроде бы сидел, съежившись, еще кто-то помельче, но точно сказать было нельзя. Они бросились к грузовику, и Граф выкатил его на дорогу: уже через несколько минут начнется охота, так что времени остается в обрез. Граф едва успел переключиться на верхнюю передачу, как опять сбавил скорость и остановил грузовик у небольшого леска, через который были протянуты на столбах телефонные провода. Почти сразу же из-за деревьев, спотыкаясь, вышли и побежали к грузовику два человека, полузамерзшие от лютого холода, в одежде, так залепленной снегом, что они больше походили на ходячих снеговиков. Оба несли под мышкой по какой-то коробке. Увидев через ветровое стекло Янчи и Рейнольдса, они, широко улыбаясь, радостно замахали руками, и теперь стало понятно: это были Шандор и Казак; выражение их лиц явно говорило о том, что они приветствуют друзей,

вернувшихся с того света. Они забрались в кузов грузовика со скоростью, какую могли позволить их замерзшие конечности, и через пятнадцать секунд Граф уже снова крутил баранку.

Дверца смотрового люка позади кабины открылась, и взволнованные Шандор с Казаком засыпали Графа и Рейнольдса вопросами и поздравлениями. Через пару минут Граф передал назад свою флягу с бренди, и Янчи, воспользовавшись внезапным затишьем в разговоре, задал вопрос:

— Что это за коробки они тащили?

— Та, что поменьше, — комплект монтера для прослушивания проводов, — объяснил Граф. — В каждом грузовике ДГБ есть такой комплект. По дороге сюда я остановился в трактире в Петоли, отдал его Шандору и велел ему следовать за нами в район «Сархазы», забраться на телефонный столб и прослушивать секретную линию между тюрьмой и Будапештом. Если бы комендант продолжал сомневаться и захотел бы получить подтверждение, то Шандор бы ответил: я велел ему говорить через носовой платок, как будто это простуженный Фурминт — я ведь уже сообщил коменданту, что мне нездоровится, — которому стало намного хуже.

— Боже правый! — Рейнольдс не смог скрыть своего восхищения. — Есть ли что-нибудь, о чем вы не подумали?

— Думаю, есть, но такого мало, — скромно признался Граф. — В любом случае эта предосторожность была излишней: комендант, как вы сами видели, ничего не заподозрил. Всерьез я боялся только того, что эти недоумки из ДГБ, которые были со мной, вдруг назовут меня при коменданте майором Ховартом, а не капитаном Жольтом, как я научил их меня называть по причинам, как я сказал, которые Фурминт лично объяснит им, если кто-нибудь из них проговорится… В другой коробке — ваша обычная одежда, которую Шандор тоже привез из Петоли на «опеле». Я сейчас сделаю остановку, вы сможете заскочить в кузов и переодеться… Шандор, где ты оставил «опель»?

— Там, в лесу. Чтоб никто не видел.

— Ну и ладно. — Граф махнул рукой, как бы закрывая вопрос. — Все равно не наш был. Ну что ж, господа, охота началась или начнется с минуты на минуту, и охотники на нас — люди мстительные. Все пути отхода через западную границу, от магистралей до велосипедных дорожек, будут перекрыты как никогда раньше: при

всем моем уважении к вам, мистер Рейнольдс, генерал Иллюрин — самая крупная рыба, которая когда-либо рисковала вырваться из их сетей. Нам придется очень постараться, чтобы спастись, и я не слишком высоко оцениваю наши шансы. И думаю сейчас, что же делать дальше.

Никаких предложений пока ни у кого не было. Янчи сидел, глядя прямо перед собой, его изрезанное морщинами лицо под густыми седыми волосами было спокойно и беззаботно, и Рейнольдс, пожалуй, мог бы поклясться, что уголки его рта тронула легкая улыбка. Ему самому сейчас меньше всего хотелось улыбаться, и под мерный рев грузовика, несущегося из белесого непрозрачного снежного мира позади в белесый непрозрачный снежный мир впереди, он мысленно перебирал свои успехи и неудачи с того момента, как четыре дня назад оказался в Венгрии. Получавшийся список не вызывал у него ни радости, ни гордости. К успехам можно было отнести только контакты, которые он завязал, в первую очередь с Янчи и его людьми, а также с профессором — хотя тут он не был по-настоящему доволен, ведь без Графа и Янчи даже эта встреча была бы невозможна. Что касается неудач… Рейнольдс поморщился, осознав, какой получается

длинный перечень: его хватают сразу же после прибытия, ДГБ бесплатно получает магнитофонную запись, которая все испортила, потом он попадает в ловушку, устроенную Хидашем, и его спасает Янчи со своими людьми. Кроме того, Янчи спасает его от того, чтобы поддаться действию препарата в «Сархазе», он чуть не предает своих друзей и себя, изумившись при виде Графа в кабинете коменданта. При мысли об этом Рейнольдс заерзал на сиденье. Словом, он потерял профессора, бесповоротно разлучил профессора с его семьей, стал виновником того, что Граф потерял должность, которая только и позволяла организации Янчи успешно работать, — и, что самое горькое, он лишился всякой надежды на то, что дочь Янчи когда-либо будет снова к нему благосклонна. Рейнольдс впервые признался себе самому, что у него была такая надежда, и надолго замолк в растерянности от такого признания. Почти физическим усилием воли он отбросил мысли об этом, а когда заговорил, то знал, что может сказать только одно.

— Я хочу кое-что сделать, и сделать это в одиночку, без никого, — медленно произнес он. — Найти поезд. Я хочу отыскать тот поезд…

— А разве мы этого не хотим! — громко вос-

кликнул Граф и ударил рукой в перчатке по рулю с такой силой, что чуть не сломал его, а его аристократическое лицо озарилось восторженной улыбкой. — Дружище, мы все хотим этого! Посмотрите на Янчи — последние десять минут он только об этом и думает.

Рейнольдс пристально посмотрел на Графа, затем, не торопясь, на Янчи. Теперь он понял, что на лице Янчи действительно начинала проступать улыбка, и, пока он смотрел, улыбка становилась все шире. Янчи повернулся к нему:

— Я знаю эту страну как свои пять пальцев. — Он говорил почти извиняющимся тоном. — Примерно пять километров назад я отметил, что Граф поехал на юг. Не думаю, — сдержанно добавил Янчи, — что по ту сторону границы с Югославией нас ждет радушный прием.

— Так не пойдет. — Рейнольдс упрямо покачал головой. — Я, только я один. Все, к чему я до сих пор прикасался, шло наперекосяк, каждый раз это был очередной шаг к лагерям. В следующий раз Граф не приедет с грузовиком ДГБ. На каком поезде едет профессор?

— Вы сделаете это в одиночку? — спросил Янчи.

— Да. Я должен это сделать.

— Этот человек сумасшедший, — объявил Граф.

— Я не могу. — Янчи покачал седой головой. — Не могу позволить вам сделать это. Поставьте себя на мое место и признайте, что вы можете быть эгоистом. У меня, к сожалению, есть совесть, с которой я должен буду жить, и мне не хотелось бы, чтобы она всю оставшуюся жизнь мучила меня бессонными ночами. — Он устремил взгляд вперед через лобовое стекло. — И что еще хуже: как я буду всю оставшуюся жизнь смотреть в глаза дочери?

— Не понимаю…

— Конечно не понимаете, — вмешался Граф, и голос его прозвучал почти весело. — Ваша исключительная преданность работе, возможно, и достойна восхищения — я, если честно, так не считаю, — но она делает вас слепым в отношении вещей, абсолютно очевидных старшим. Однако мы спорим, а это бесполезно. Полковник Хидаш уже бьется в припадке в кабинете нашего уважаемого коменданта. Янчи?

Ему нужно было какое-то решение, и Рейнольдс это понимал.

— Ты знаешь все, что нам нужно знать? — спросил Янчи у Графа.

— Естественно, — с обиженным видом ответил Граф. — Пока выводили арестантов, у меня было четыре минуты. И я не потратил эти минуты впустую.

— Очень хорошо. Ну вот, Михаил. Информация в обмен на нашу помощь.

— Похоже, у меня нет выбора, — с горечью сказал Рейнольдс.

— Признак умного человека — он знает, когда проигрывает спор. — Граф почти мурлыкал. Он затормозил, достал из кармана карту, убедился, что она видна Шандору и Казаку через смотровой люк, и ткнул в нее пальцем. — Вот Цеце — здесь профессора сегодня посадят на поезд, вернее, уже посадили. Специальный вагон прицеплен в хвосте.

— Комендант что-то такое говорил, — сказал Янчи. — Несколько крупных ученых…

— Ха! Ученых? Несколько отпетых преступников, которых отправляют в сибирскую тайгу, чего они и заслуживают. С доктором Дженнингсом тоже не будут церемониться — это вагон для осужденных, только и всего, скотовоз с передней загрузкой, комендант этого не скрывал. — Он провел пальцем по линии железной дороги до того места, где она пересекалась с автомобиль-

ной, идущей на юг от Будапешта. Этим местом был городок Сексард, в шестидесяти километрах к северу от югославской границы. — Поезд остановится здесь. Затем он поедет вдоль автомобильной дороги, идущей на юг до Батасека, — она проходит прямо через него, — а потом повернет на запад к Печу и полностью разойдется с автомобильной дорогой. Это где-то между Сексардом и Печем, господа, и тут возникает довольно серьезная проблема. Я бы пустил под откос множество поездов, но только не тот, что везет сотни моих нынешних соотечественников. Это обычный поезд.

— Могу я взглянуть на карту? — попросил Рейнольдс.

Это была крупномасштабная карта дорог, но на ней также были отображены реки и холмы. Рейнольдс смотрел на нее, его волнение нарастало, мыслями он вернулся на четырнадцать лет назад, в те дни, когда был самым молодым младшим офицером в Управлении специальных операций Великобритании. Сейчас это казалось безумной идеей, но и тогда эта идея была безумной… Он указал на карте место чуть к северу от Печа, где дорога из Сексарда после участка почти в сорок километров снова начинала идти параллельно

железной дороге, и посмотрел на Графа:

— Вы сможете пригнать грузовик до прибытия поезда?

— Если повезет, если дороги не будут перекрыты и, главное, если Шандор вытащит меня из кювета, когда я в него свалюсь, то да, думаю, что смогу.

— Очень хорошо. Вот что я предлагаю. — Рейнольдс быстро и коротко изложил свой план и, закончив, посмотрел на остальных. — Ну как?

Янчи медленно покачал головой, а Граф сказал как отрезал:

— Это невозможно. Не получится.

— Один раз получилось. В горах Вогезы, в сорок четвертом. В результате взлетел на воздух склад боеприпасов. Я об этом знаю, потому что там был. А что вы предлагаете?

Некоторое время все молчали, затем Рейнольдс заговорил снова:

— Вот именно. Как сказал Граф, умный человек знает, когда он проиграл спор. Мы теряем время.

— Да, теряем. — Янчи уже принял решение, и Граф кивнул в знак согласия. — Можно попробовать.

— В кузов, переодеваться. — Граф тоже принял решение. — Я уже еду. Поезд прибывает в

Сексард через двадцать минут. Я буду там через пятнадцать.

— Только бы дэгэбэшники не приехали через десять, — мрачно добавил Рейнольдс.

Граф почти машинально оглянулся через плечо:

— Это невозможно. Хидаша пока не видно.

— Есть такая вещь — телефон.

— Была. — Это заговорил Шандор. Он показал Рейнольдсу кусачки, которые держал в своей огромной руке. — Шесть кабелей — шесть обрывов. «Сархаза» полностью отрезана от внешнего мира.

— Я, — скромно заметил Граф, — обо всем подумал.

Глава 10

Древний поезд опасно трясся и раскачивался на плохо отремонтированном пути, содрогаясь и напрягаясь всякий раз, когда порыв снежного юго-восточного ветра налетал на него по всей длине сбоку и грозил в одно ужасное мгновение (а таких мгновений была бесконечная череда) сбросить с рельсов состав. Колеса вагона, передавая зубодробительную вибрацию через подвеску, давно отказавшуюся от неравной борьбы с уходящими годами, визжали и скрежетали в пронзительной металлической какофонии, дрожа и подпрыгивая на неровных путевых стыках. Ледяной ветер и снег со свистом проникали сквозь сотни щелей в кое-как сколоченных дверях и оконных рамах, деревянные перегородки и сиденья протестующе скрипели, словно корабль, идущий по штормовому морю. Но древний поезд упорно преодолевал белую мглу этого предвечернего часа в середине зимы, иногда неожиданно замедляя ход на прямом участке пути, а иногда разгоняясь на опасных, казалось бы, поворотах: машинист, постоянно державший руку на паро-

вом свистке, звук которого переходил в шепот и затихал в какой-нибудь сотне метров от него в сильном снегопаде, был, очевидно, человеком, полностью уверенным в себе, в возможностях своего поезда и в знании своего маршрута.

Рейнольдс, пытающийся удержать равновесие, проходя по коридору бешено раскачивающегося вагона, не разделял уверенности машиниста — не в безопасности поезда, которая волновала Рейнольдса меньше всего, а в собственной способности выполнить стоящую перед ним задачу. Рассказав о своем плане товарищам, он вспомнил летнюю ночь под усыпанным звездами небом и поезд, неспешно пыхтящий между лесистыми склонами Вогезов — сейчас же, спустя десять минут после того, как они с Янчи купили билеты в Сексарде и беспрепятственно сели в поезд, то, что ему предстояло сделать, — то, что он *обязан* был сделать, — приобрело масштабы кошмарной неосуществимости.

На словах все было довольно просто. Нужно освободить профессора, а чтобы освободить его, надо отделить вагон с осужденными от остального состава, а это можно сделать, только остановив поезд и ослабив натяжение сцепки, крепящей вагон с осужденными к вагону охраны. Так или

иначе он должен добраться до локомотива, что само по себе в данный момент кажется невозможным, а затем убедить машинистов остановить локомотив в нужном месте, которое он укажет. «Убедить», — мрачно подумал Рейнольдс. Возможно, ему удастся уговорить их, если они будут хотя бы сколько-нибудь дружелюбно настроены. Возможно, ему удастся напугать машинистов, но заставить их он точно не в силах. Если они откажутся подчиниться, то сделать он ничего не сможет. Кабина локомотива была для него полной загадкой, и даже ради профессора он не смог бы застрелить или отправить в нокаут машиниста и кочегара и подвергнуть сотни невинных пассажиров опасности погибнуть или получить увечья. Подумав об этом, Рейнольдс почти физически ощутил, как холодное, тупое отчаяние проникает в его сознание, и безжалостно заставил себя отбросить в сторону эти мысли.

Он уже был в самом конце вагона, держась одной рукой за поручень у окна, а другую засунув глубоко в карман пальто, чтобы скрыть подозрительную выпуклость от тяжелого молотка и фонарика, когда столкнулся с Янчи. Тот пробормотал извинения, взглянул на него, как бы не узнавая, шагнул вперед, чтобы видеть весь

коридор, отступил назад, открыл дверь туалета, убедился, что там никого нет, и негромко спросил:

— Ну как?

— Не очень. За мной следят.

— Кто?

— Двое. Одеты в гражданское, плащи с поясами, без шляп. Идут за мной по пятам. Осторожничают. Если бы я не смотрел, то не заметил бы их.

— Постойте в коридоре. Дайте мне знать…

— Уже идут, — прошептал Рейнольдс.

Он бросил беглый взгляд на двух типов, которые, шатаясь, приближались к нему, а Янчи тихонько скользнул в туалет и закрыл дверь, оставив лишь узкую щелку. Тот, что шел впереди, высокий, с мертвенно-белым лицом и черными глазами, проходя мимо, безразлично взглянул на Рейнольдса, а второй прошел, как будто совсем его не замечая.

— Да, за вами следят, — сказал Янчи после того, как они скрылись из виду. — Хуже того, они знают, что вы их вычислили. Нам следовало бы помнить, что на время этой конференции за каждым поездом, въезжающим в Будапешт и выезжающим из него, ведется наблюдение.

— Вы знаете, кто это?

— К сожалению, да. Этот, с бледным лицом, — из ДГБ, один из подручных Хидаша. Опасен, как змея. Второго я не знаю.

— Но логично предположить, что он тоже из ДГБ. «Сархаза», естественно…

— Там еще не знают об этом. Не успели узнать. Но ваше описание уже несколько дней как разослано сотрудникам ДГБ по всей Венгрии.

— Ну да. — Рейнольдс кивнул. — Конечно… А как у вас дела?

— Три солдата в вагоне охраны — в вагоне сзади никого не будет, они никогда не ездят в тех же вагонах, что и осужденные. Они сидят с охранником вокруг растопленной печки и пускают по кругу бутылку вина.

— Справитесь?

— Думаю, да. Но как…

— Назад! — прошипел Рейнольдс.

Когда те двое вернулись, он стоял, прислонившись к окну с засунутыми в карманы руками и уставившись в пол. Рейнольдс равнодушно поднял глаза, слегка вздернул бровь, увидев, кто идет, вновь опустил их и, чуть сместив взгляд, проследил, как они, шатаясь, прошли по вагону и скрылись из виду.

— Психологическая война, — пробормотал Ян-

чи. — Проблема.

— И не единственная. Я не могу попасть в первые три вагона.

Янчи строго посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Военные, — пояснил Рейнольдс. — Третий спереди — вагон с проходом посередине, он набит военнослужащими. Один из офицеров развернул меня. В любом случае там ничего не сделаешь: когда я повернулся к нему спиной, то подергал ручку наружной двери — она заперта.

— Да, причем заперта снаружи, — кивнул Янчи. — Это новобранцы, в армии пытаются не допустить, чтобы они раньше времени вернулись к мирной жизни. Михаил, есть хоть какая-то надежда? Стоп-кран?

— Я не нашел ни одного во всем поезде. Ладно, что-нибудь придумаю, я должен это сделать, черт побери! У вас есть место?

— В предпоследнем вагоне.

— Я дам вам знать за десять минут. Мне нужно идти. Они могут вернуться в любую секунду.

— Давайте. Через пять минут — Батасек. Помните, если поезд там остановится, значит Хидаш догадался и связался с ними. Тогда спрыгивайте с той стороны, где вас не будет видно, и бегите

что есть мочи.

— Идут, — прошептал Рейнольдс.

Оторвавшись от окна, он двинулся вперед и прошел мимо соглядатаев. На этот раз оба смотрели на него ничего не выражающими глазами, и Рейнольдс подумал: «Сколько еще пройдет времени, прежде чем они набросятся на меня?» Он пробрался, шатаясь, еще через два вагона, зашел в туалет в конце четвертого, спрятал молоток и фонарик в крошечный треугольный шкафчик, служивший подставкой для потрескавшегося жестяного умывальника, переложил пистолет в правый карман и, прежде чем выйти в коридор, обхватил оружие рукой. Это был не его бельгийский пистолет — тот у него отобрали, это был пистолет Графа, на нем не было глушителя, и Рейнольдс меньше всего хотел, чтобы ему пришлось им воспользоваться. Впрочем, если хочешь остаться в живых, воспользоваться придется: все зависит от этих двоих, что следят за каждым его движением.

Они уже ехали по окраинам Батасека, когда поезд вдруг резко сбавил скорость. В тот момент, когда Рейнольдс это понял, ему пришлось упереться всем телом, чтобы его не бросило вперед, когда сработали тормоза. Он почувствовал

странное покалывание в кончиках пальцев руки, державшей пистолет. Выйдя из туалета, он прошел на середину тамбура, встал между двумя противоположными дверями — неизвестно, с какой стороны будет платформа, — убедился, что пистолет снят с предохранителя, и стал напряженно ждать. Сердце тяжело и медленно билось в груди. Поезд продолжал сбавлять ход, неожиданно его сильно наклонило, и Рейнольдсу пришлось ухватиться за стенку, когда поезд тряхнуло на стрелочном переводе, а потом так внезапно, что он потерял равновесие от перемены скорости, с шипением сработали тормоза, свисток локомотива пронзительно засвистел, поезд снова начал разгоняться, и станция Батасек превратилась в смутное воспоминание о ряде мелькающих бледных, размытых огней, сразу же теряющихся в серовато-белой снежной круговерти.

Рейнольдс расслабил руку, сжимавшую пистолет. Несмотря на лютый холод, стоявший в тамбуре, он чувствовал, что воротник рубашки намок от пота. Рука, державшая пистолет, тоже была влажной, и, подойдя к левой двери, он вынул руку из кармана и вытер ладонь о пальто.

Затем опустил дверное окно на несколько дюймов, но через секунду резко поднял его и, тяжело

дыша, отступил назад, чтобы прочистить глаза от снега, который метель всего за мгновение успела со свистом швырнуть ему в лицо, ослепив его. Прислонившись спиной к деревянной стенке, он неверными руками зажег сигарету.

Дело безнадежное, сказал он себе, ничего не получится. При постоянно усиливающемся ветре, порывы которого достигают сорока, если не пятидесяти миль в час, и такой же скорости поезда, движущегося едва ли навстречу ему, общая сила ветра, воющего снаружи, сравнима с силой настоящего шторма, а может, даже и больше, и шторм этот — ревущая белая стена почти горизонтально летящего снега и ледяной крупы. Ему хватило доли секунды, когда метель хлестнула его лишь мимоходом и он находился в поезде, в относительном тепле и безопасности. Одному богу известно, что будет снаружи, в течение нескольких минут, когда вся его жизнь будет зависеть только от…

Рейнольдс безжалостно отогнал эту мысль. Быстро пройдя через гармошку, ведущую в соседний вагон, он окинул взглядом коридор. Тех двоих пока не было видно. Он вернулся на прежнее место, перешел к двери с подветренной стороны, осторожно, так, чтобы его не высосало из поезда,

открыл ее, оценил размер отверстия для дверной защелки в косяке, закрыл дверь, убедился, что окно легко открывается, и вернулся в туалет. Там он отрезал ножом кусочек дерева от дверцы под умывальником и за пару минут обтесал его до нужной формы и размера, чуть большего, чем отверстие для защелки. Затем снова вышел в коридор. Нужно, чтобы два соглядатая видели и продолжали видеть его: если они потеряют его из виду, начнется охота по всему составу, а в передних вагонах едет сотня, а то и две сотни солдат, которых могут позвать на помощь.

На этот раз он чуть не столкнулся с ними, когда закрывал за собой дверь туалета. Он видел, что они спешат, и на лице того, что был ниже ростом, явственно отразилось облегчение, когда он увидел выходящего Рейнольдса. Бесстрастное лицо высокого и бледного не изменилось, но он так резко замедлил шаг, что его товарищ налетел на него. Оба пошли медленнее, затем остановились в паре футов от Рейнольдса. Сам Рейнольдс не пошевелился, только прислонился к углу, чтобы найти опору — поезд сильно качало — и на всякий случай освободить руки. Бледный заметил это, и его темные бесстрастные глаза слегка сузились, потом он достал из кармана пачку сигарет

и улыбнулся едва заметной улыбкой:

— Товарищ, у вас спичек не найдется?

— Да, пожалуйста.

Рейнольдс достал левой рукой коробок спичек и протянул дэгэбэшнику. В то же время его правая рука слегка шевельнулась в кармане, и сквозь тонкий габардин плаща отчетливо обозначилось дуло пистолета. Бледный уловил это легкое движение и опустил глаза, но взгляд Рейнольдса не отрывался от его лица. Через мгновение бледный поднял голову, пристально посмотрел на Рейнольдса через пламя зажигаемой сигареты, медленно отдал спички, кивнул в знак благодарности и пошел дальше. Досадно, подумал Рейнольдс, глядя им вслед, но неизбежно; это был всего лишь молчаливый вызов, пробный шар, запущенный, чтобы проверить, вооружен он или нет, и если бы он не показал им, что у него есть пистолет, они бы тут же его схватили — он был в этом уверен.

В десятый раз он посмотрел на часы. Оставалось три минуты, максимум четыре; он чувствовал, как скорость поезда заметно уменьшается по мере того, как начинается пологий подъем, и мог бы поклясться, что за окном мелькнула автомобильная дорога, идущая почти параллельно

железнодорожному пути. Он думал о том, каковы шансы Графа с его ребятами успеть туда вовремя, каковы шансы, что у них вообще что-то получится. Он отчетливо слышал пронзительное завывание ветра на фоне грохота и рева состава, видел почти сплошную белую стену метели, из-за которой разглядеть что-нибудь можно было лишь на расстоянии нескольких футов, и невольно покачал головой. В такую почти арктическую погоду поезд на рельсах не чета грузовику на колесах, и он представил себе напряженное лицо Графа, вглядывающегося через все сужающиеся полосы на лобовом стекле, которое дворники тщетно пытаются очистить от падающего на него снега.

Но Рейнольдс знал: рассчитывать больше не на что. Он должен был отнестись к призрачной возможности как к тому, что обязательно сбудется. Майкл в последний раз взглянул на часы, снова вошел в туалет, наполнил водой большой фаянсовый кувшин, поставил его в шкафчик, взял оставленный там кусочек обтесанного дерева, снова открыл дверь с подветренной стороны и засунул деревяшку в отверстие для защелки, хорошенько вбив ее рукояткой пистолета. Затем закрыл дверь, мягко завел защелку в деревяшку

и тщательно проверил ее: защелка не входила в отверстие, но достаточно прочно удерживалась деревяшкой. Чтобы сломать деревяшку, потребуется вес в тридцать, а может быть, в сорок фунтов.

Рейнольдс тихим, но быстрым шагом направился в конец поезда. Через один вагон из темного угла вышли двое и молча последовали за ним, но он проигнорировал их. Рейнольдс знал, что они ничего не будут предпринимать, пока находятся напротив купе с людьми, и, дойдя до конца вагона, рванул бегом через гармошку в следующий. Наконец он добрался до предпоследнего вагона. Он шел медленно, держа голову прямо, чтобы обмануть шедших за ним, но глаза его были скошены в сторону, чтобы видеть купе, мимо которых он проходил.

Янчи был в третьем. Рейнольдс резко остановился, застав соглядатаев врасплох, чинно посторонился, чтобы пропустить их, подождал, пока они отойдут футов на десять, кивнул Янчи и побежал обратно, молясь, чтобы ни на кого не натолкнуться: какой-нибудь дородный человек, перегородивший коридор, мог поставить крест на их деле.

Он услышал за спиной звук шагов, побежал

быстрее, и это едва не погубило его: он поскользнулся на мокром полу, ударился головой о раму окна, упал, но заставил себя подняться, не обращая внимания на острую, почти оглушающую боль и яркий свет, вспыхнувший перед глазами, и побежал дальше. Два вагона, три, четыре — вот и его вагон, он нырнул в туалет, как можно громче захлопнул за собой дверь: он не хотел, чтобы у его преследователей хоть на мгновение возникли сомнения в том, куда подевался их подопечный, — и запер ее.

Оказавшись внутри, Рейнольдс не стал терять времени. Он поднял большой фаянсовый кувшин с водой, засунул в его верхнюю часть грязное полотенце, чтобы впиталось как можно больше воды, сделал шаг назад и со всей силы швырнул кувшин в окно. Звон оказался таким, на какой Майкл и рассчитывал, даже громче, в этом замкнутом пространстве он был оглушительным, и звук разбившегося стекла еще стоял у него в ушах, когда Рейнольдс достал пистолет, взял его за ствол, погасил свет, тихо открыл защелку и шагнул в коридор.

Соглядатаи опустили окно тамбура и выглянули наружу, стараясь высунуться как можно дальше, тесня друг друга в остром желании уви-

деть, что же произошло. Появившись в тамбуре, Рейнольдс, не мешкая, сделал широкий шаг, изо всех сил оттолкнулся, прыгнул, выставил перед собой ступни выпрямленных ног и врезался ими в спину ближайшего к нему дэгэбэшника. Дверь распахнулась, и один из соглядатаев, не успев даже вскрикнуть, вылетел во мрак и в метель. Другой, бледнолицый, немыслимо извивался в воздухе, ухватившись одной рукой за внутренний край двери. Лицо его было перекошено от злобы и ужаса, он бился, как дикая кошка, пытаясь втащить себя внутрь. Длилось это не более двух секунд. Рейнольдс отбросил жалость: направленное вниз движение пистолета, нацеленного в оскалившееся лицо, в последний момент, когда соглядатай инстинктивно вскинул свободную руку, чтобы защититься, изменило направление. Удар рукояткой пришелся по пальцам, вцепившимся в дверь, с такой силой, что дребезгом отдался в руке Рейнольдса до самого локтя, и в дверном проеме больше никого не было — в сгущающейся ночной тьме был слышен лишь тонкий, пронзительный крик, теряющийся в грохоте колес и погребальном вое ветра.

Рейнольдсу потребовалось несколько секунд, чтобы вытащить из отверстия для защелки и

так уже неплотно сидевшую деревяшку, и надежно запереть дверь. Затем он убрал пистолет в карман, взял в туалете молоток и фонарик и направился к противоположной двери вагона, выходившей на наветренную сторону.

Тут его и настигла первая неудача, едва не погубившая Рейнольдса еще до того, как он начал действовать. Поезд двигался на юго-запад, в сторону Печа, а шквальный ветер со снегом дул с юго-востока прямо перпендикулярно направлению его движения, и на Рейнольдса снаружи словно бы давил человек с силой, несравнимой с его. Дважды, трижды Рейнольдс наваливался на дверь, но она поддавалась не более чем на дюйм.

Времени оставалось совсем немного — минут семь, максимум восемь. Он схватился за металлическую ручку вверху окна и одним судорожным рывком опустил его. Если бы Рейнольдс не упал на пол, то шумно ворвавшийся в открытое окно ветер со снегом снес бы его на другую сторону вагона. Все оказалось даже хуже, чем он себе представлял: теперь он понимал, что машинист замедляет ход не из-за уклона, а потому, что хочет удержать поезд на рельсах, и на одно нехорошее мгновение у Рейнольдса возникло искушение отказаться от всей этой самоубийственной затеи. Но

тут он подумал о профессоре, одиноко сидящем в прицепном вагоне с шайкой закоренелых преступников, о Янчи и всех остальных, чьи судьбы зависят от него, о девушке, которая от Рейнольдса отвернулась, когда он хотел с ней попрощаться, и в следующее мгновение он уже стоял на ногах, задыхаясь от пулями летящего на него снега, жестоко хлеставшего по лицу и словно высасывавшего воздух из легких. Рейнольдс изо всех сил навалился на дверь, раз, два, три раза, стараясь не думать о том, что, если ветер внезапно стихнет, он беспомощно вывалится на снег, и с четвертой попытки ему удалось просунуть в щель носок ботинка. Затем он втиснул в нее предплечье, потом плечо и, наконец, высунулся наполовину, изо всех сил надавил руками на дверь, нащупал правой ступней покрытую смерзшимся снегом подножку и просунул в приоткрытую дверь левую ногу. И тут молоток и фонарик, лежавшие у него в кармане, зацепились за косяк двери, и он почти минуту, показавшуюся ему вечностью, простоял, застряв между дверью и внешней стенкой вагона, лихорадочно пытаясь освободиться и боясь, что в любой момент кто-нибудь появится в коридоре, чтобы выяснить, откуда это несется со свистом по вагону снежная вьюга. И вдруг с него

посыпались пуговицы, лопнула ткань пальто, и он высвободился — это произошло рывком, отчего правая нога соскользнула с подножки, и он на мгновение повис, держась только левой рукой и левой ногой, так и зажатой дверью. Затем медленно, преодолевая боль, Рейнольдс выпрямился — правой рукой было не за что зацепиться, — снова встал на подножку, немного постоял, пока не вернул контроль над собой, освободил левую руку, ухватился за внутреннюю сторону открытого окна и рывком выдернул левую ступню. Дверь с грохотом захлопнулась. Теперь он был полностью снаружи, держась одними немеющими пальцами левой руки, да еще его прижимал к вагону напористый ветер.

Уже наступили сумерки, но, хотя было еще довольно светло, он ничего не видел — метель превратила его в слепца, на ощупь пробирающегося в слепом мире. Рейнольдс знал, что находится в самом конце вагона, угол вагона был всего в футе от места, где он стоял, но, хотя можно было протянуть правую руку почти на два фута за угол, он не мог найти ни малейшего выступа, который дал бы ему хоть какую-то опору. Полностью вытянув левую руку, он попытался правой ногой нащупать что-нибудь и нашел узкий бо-

ковой стальной элемент буферного крепления, но он находился под слишком острым углом, и им нельзя было воспользоваться. Он попытался найти сам буфер, но это ему не удалось.

Левое предплечье начинало болеть оттого, что на него приходился вес всего тела, а пальцы уже так онемели, что невозможно было понять, скользят они или нет. Он снова выпрямился, поменял руки, обругал себя за глупость, вспомнив о фонаре, снова поменял руки и опять откинулся назад и как можно дальше за угол, на этот раз направив луч мощного фонаря сквозь мрак и снег. Ему потребовалось всего две секунды, чтобы увидеть все, что нужно было увидеть, и запомнить взаимное расположение бокового стального элемента позади вагона, соединительной гармошки и стального буфера, беспорядочно прыгающего из стороны в сторону при каждом толчке состава, вызывающем резкое изменение положения относительно противоположного буфера на соседнем вагоне. Рейнольдс стремительно выпрямился, сунул фонарик обратно в карман и не стал медлить, потому что понимал: если он хоть на мгновение задумается о том, что может промахнуться, поскользнуться и быть мгновенно раздавленным насмерть под колеса-

ми поезда, то уже никогда не сможет заставить себя сделать то, что надо сделать сейчас, сразу же, не думая о последствиях. Он передвинул обе ноги, пока они не оказались на самом краю подножки, отпустил левую руку, замер, прижатый к краю стенки вагона одним лишь напором ветра, затем направил правую ступню в слепое пространство, при этом его тело выгнулось далеко влево. На мгновение он застыл в воздухе, поезда Рейнольдс сейчас касался только носком ботинка, а затем, когда носок соскользнул с обледенелой подножки, его подхватил ветер, и он прыгнул вперед, в темноту.

Приземлился он одним коленом на боковой выступ, голенью другой ноги сильно ударился о буфер, а его вытянутые руки врезались в неохотно подавшийся бок гармошки, соединяющей вагоны. По инерции правая нога заскользила по застывшему металлу буфера, но он судорожно напряг мышцы ноги и зацепился ступней за самую узкую часть буфера. Колени свесились вниз, к проносящемуся внизу пути. Несколько секунд он висел так, поддерживаемый только противодействующим усилием рук и одной голени, гадая, не сломана ли нога, а потом почувствовал, как руки, несмотря на все усилия, начали беспомощно

скользить вниз по гладкому, покрытому снегом материалу гармошки. Он в отчаянии выбросил левую руку, больно ударился ею о заднюю стенку вагона, который только что покинул, толкнул ее и почувствовал, как напряженные, вытянутые пальцы скользнули в узкую щель между вагоном и гармошкой. Он вцепился в шершавый край упрочненной прорезиненной ткани, словно желая пробить ее скрюченными пальцами, и через три секунды уже стоял на боковом выступе, крепко держась левой рукой и не в силах унять дрожь, вызванную приложенными усилиями.

Но дрожь была вызвана только этой причиной. Рейнольдс, испугавшийся всего несколько мгновений назад так, как не боялся никогда прежде, уже перешел призрачную границу между страхом и тем странным миром безразличного и бескорыстного равнодушия, который лежит за его пределами. Правой рукой он нащупал нож с подпружиненным лезвием, раскрыл его со щелчком и вонзил острие в материал на уровне пояса: в этот момент внутри через гармошку могли проходить люди, много людей, но ему было все равно. Несколько секунд он энергично пилил материал лезвием и прорезал в нем отверстие, достаточно большое, чтобы вместить носок од-

ной ноги, а на высоте головы сделал еще одно — чтобы ухватиться рукой. Затем он просунул носок правой ноги в первое отверстие, левую руку — во второе, поднял вверх и вогнал нож по самую рукоятку в верхнюю часть гармошки, чтобы можно было надежно зафиксировать руку. И вот он забрался наверх, отчаянно вцепившись в рукоятку ножа. Сильнейший ветер грозил перебросить его на другую сторону бешено вибрирующей гармошки.

С первым вагоном — четвертым спереди — все оказалось относительно легко. По всей его длине наверху шла узкая металлическая обшивка для вентиляционных жалюзи, и ему потребовалось меньше чем полминуты, чтобы, лежа на подветренной стороне крыши и склонив лицо от пронизывающей вьюги, перебирая руками по обшивке, перебраться в дальний конец. Все это время ноги Рейнольдса свешивались через край, но он ничего не мог с этим поделать: упереться бы носками в желоб, но он забит смерзшимся снегом.

Рейнольдс уже осторожно тянул руку над гофрами следующей гармошки между вагонами и едва успел отпустить обшивку вентиляции, за которую можно было надежно держаться, как

понял, какую ошибку совершил. Ему следовало бы перемахнуть, нырнуть на другую сторону, а не подставлять себя этому ревущему ветру, начинавшему налетать порывами, то почти сдувая его через дальнюю сторону яростно качающейся гармошки, то ослабевая так неожиданно, что ему приходилось изо всех сил держаться, чтобы не свалиться. Но, пригнувшись как можно ниже и перебирая руками от одной складки к другой, Рейнольдс благополучно добрался до конца третьего вагона. Проползти по нему оказалось тоже довольно легким делом, и, добравшись до передней стороны, он сел, свесил ноги на следующую гармошку, низко наклонился и перемахнул через промежуточное пространство. Он сильно ободрал колено, ударившись об обшивку второго вагона, но зато сумел надежно ухватиться. Спустя всего несколько секунд Рейнольдс уже был на передней части второго вагона и тут, опустив ноги на гармошку, увидел колеблющиеся, ныряющие лучи фар, исчезающие и снова появляющиеся сквозь вихрящийся снег на дороге, идущей параллельно железнодорожному полотну всего в двадцати ярдах от него. Радость, охватившая Рейнольдса, на мгновение прогнала все мысли об усталости и холоде, об онемевших бесчувствен-

ных руках, которые не смогут служить ему долго: конечно, ехать на этой машине в слепящем снегу мог кто угодно, но Рейнольдс был странным образом уверен, что это тот, кто надо. Он снова пригнулся, встал на носки и прыгнул на крышу первого вагона; уже оказавшись там и ничком беспомощно заскользив по ней, он понял, что у этого вагона, в отличие от остальных, нет идущей по верху вентиляционной обшивки.

На миг его вновь охватила паника, и он стал лихорадочно шарить руками по льдистой, скользкой поверхности в поисках чего угодно, за что можно было бы зацепиться. Рейнольдс заставил себя успокоиться: если продолжить так молотить ногами и руками, не будет даже того небольшого коэффициента трения, который сейчас есть между ним и поездом, и он беспомощно скатится навстречу собственной гибели. Здесь должны быть какие-то вентиляторы, отчаянно твердил он себе, и вдруг понял, что́ они могут из себя представлять: это маленькие трубы с крышечками наверху, расположенные по три-четыре на вагон. Одновременно он понял и другое: поезд резко поворачивает против ветра — и центробежная сила медленно, но неумолимо толкает его к краю.

Он скользил ногами вперед, лицом вниз, ярост-

но колотя носками по крыше вагона в попытке разбить смерзшийся снег, заполнивший желоб, и зацепиться хотя бы ступнями. Но снег превратился в лед, Рейнольдс тщетно пытался его расколоть и понял, что потерпел неудачу, когда его голени больно ударились о край крыши вагона. А поезд все продолжал огибать этот бесконечный поворот.

Его колени уже упирались в край крыши, а пальцы, скрюченные, как твердые когти какой-нибудь хищной птицы, скребли гладкий лед, ломая ногти. Он знал, что его уже ничто не спасет, и никогда впоследствии не смог бы объяснить, какой странный подсознательный инстинкт — ведь в этот момент приближения гибели его разум полностью перестал работать — заставил его выхватить нож, раскрыть его нажатием кнопки и вогнать лезвие в крышу за миг до того, как его бедра достигли бы края и он прошел бы точку невозврата.

Сколько времени он пролежал, вытянувшись и держась за нож, Рейнольдс не смог бы сказать. Возможно, это были считаные секунды. Постепенно он понял, что пути снова выпрямились, центробежная сила отпустила свою мертвую хватку и он снова может передвигаться, хотя

и с особой осторожностью. Дюйм за дюймом Рейнольдс медленно подтянул ноги на крышу, вынул нож, воткнул его дальше и постепенно втащил себя наверх. Мгновение спустя, продолжая опираться только на нож, он нашел первую вентиляционную трубу и вцепился в нее так, как будто не собирался никогда выпускать ее из рук. Но ему пришлось это сделать, времени оставалось всего две или три минуты. Нужно было добраться до следующей трубы. Он протянул руку в ее направлении, поднял нож и вонзил его в лед, но нож со звоном ударился о какой-то металл, вероятно, о головку болта, и когда он поднес его к глазам, то увидел, что лезвие отломилось у самой рукоятки. Он отбросил рукоятку, уперся ногами в вентиляционную трубу и, оттолкнувшись, прокатился по крыше, сильно ударившись о следующую трубу, находившуюся всего футах в шести. Через несколько секунд, снова отталкиваясь ступнями и двигаясь от одной вентиляционной трубы к другой, он добрался до третьей, затем до четвертой, и тут понял, что не знает, какой длины вагон, есть ли здесь еще трубы — и не получится ли так, что, оттолкнувшись еще раз и проехавшись по верху вагона, он беспомощно соскользнет через переднюю часть вагона и упадет под колеса по-

езда. Рейнольдс решил рискнуть, уперся ногами в трубу и уже собирался оттолкнуться, когда его осенила мысль, что, чуть приподнявшись, он сможет увидеть отсюда кабину локомотива и, возможно, разглядеть благодаря ее яркому свету край этого вагона, ведь снегопад наконец-то начал ослабевать.

Он встал на колени, плотно зажав трубу между бедер, и его сердце замерло, когда он увидел в каких-то четырех футах от себя край вагона, четко вырисовывающийся на фоне красных отблесков огня в открытой топке локомотива. В самой кабине, сквозь снежные вихри, он мельком увидел машиниста и кочегара — тот поворачивался и наклонялся, перебрасывая лопатой уголь из тендера в топку. И еще он увидел солдата с карабином, гревшегося у зияющей красной пасти топки. Его не должно было там быть — но такого поворота событий стоило ожидать заранее.

Рейнольдс нащупал пистолет, но руки потеряли чувствительность, и он даже не смог просунуть замерзший указательный палец в спусковую скобу. Он убрал пистолет в карман и быстро поднялся на ноги, наклонившись под ветром далеко вперед и продолжая зажимать трубу между ног. Теперь — все или ничего. Он сделал один корот-

кий шаг, на втором шаге подошва его правого ботинка уперлась в край вагона, он оказался в воздухе, а затем, проскользив вниз по насыпанному в тендер крошащемуся углю, приземлился, задыхаясь, на плечо и бок у подножки.

Все трое: машинист, кочегар и солдат — повернулись и уставились на него. На их лицах читалось недоумение, они явно не могли поверить своим глазам, и выглядело это довольно комично. Минуло секунд пять — пять драгоценных секунд, позволивших Рейнольдсу немного отдышаться, — прежде чем солдат оправился от изумления, резко сдернул с плеча винтовку, вскинул приклад и бросился к распростертому на полу Рейнольдсу. Рейнольдс схватил онемевшими пальцами кусок угля — первое, что попалось под руку, — и в отчаянии швырнул в кинувшегося на него солдата. Тот пригнулся, и уголь пролетел у солдата над головой, даже не задев его. Но кочегар не промахнулся, полотно лопаты ударило солдата по затылку, и тот рухнул на подножку.

Рейнольдс кое-как встал на ноги. В разорванной одежде, с кровоточащими, побелевшими от мороза руками и лицом, перепачканным угольной пылью, он представлял собой невероятное

зрелище, но сейчас ему было не до этого. Он уставился на кочегара — рослого кудрявого парня в рубашке с рукавами, высоко засученными наперекор лютому холоду, потом перевел взгляд на солдата, лежащего у его ног.

— Жара. — Парень ухмылялся. — Его внезапно накрыло.

— Но почему…

— Слушай, друг, я не знаю, за кого ты, но я знаю, против кого я. — Он оперся на лопату. — Мы можем тебе помочь?

— Конечно можете!

Рейнольдс быстро объяснил, что ему нужно, и двое железнодорожников переглянулись.

— А что потом будет с нами, когда… — Старший, машинист, колебался.

— Вот! — Рейнольдс распахнул полы пальто. — Веревка. Возьмите ее, пожалуйста, — у меня руки не слушаются. Можете связать друг другу запястья. Это должно…

— Конечно! — Младший усмехнулся, а машинист потянулся к рычагу пневматического тормоза. — Нас взяли на гоп-стоп. Их было пятеро или шестеро, не меньше. Бывай, друг.

У Рейнольдса не было времени благодарить этих людей, которые так запросто помогли ему, не

думая о себе. Поезд быстро замедлял ход на этом уклоне, и нужно было попасть в хвостовой вагон до полной остановки, пока сцепка не натянулась и еще можно было отцепить его. Он спрыгнул с нижней ступеньки кабины, кувыркнулся, встал на ноги и побежал в обратную сторону. Поезд уже почти остановился, мимо него прополз вагон охраны, и он успел на мгновение, согревшее его сердце, увидеть Янчи, стоящего в открытой двери в задней части вагона, и уверенно держащего в руке пистолет.

Раздался лязг и грохот сталкивающихся буферов, локомотив остановился, и Рейнольдс, включив фонарик, поднял буксирные серьги и отбил молотком фланцевую муфту пневматического тормоза. Потом поискал трубу парового отопления, но ее не было — зачем осужденным тепло? — и разъединил все звенья сцепки между последним вагоном и поездом. Буферные пружины разжались, и все вагоны подались назад. Янчи со связкой ключей, свисающей с одной руки, и пистолетом в другой, перешел из вагона охраны в вагон для перевозки скота, а Рейнольдс успел ухватиться за поручень, когда вагон охраны с силой ударился о вагон-скотовоз, отчего тот покатился вниз по длинному, пологому склону, на

который они только что въехали.

Где-то через милю после того, как они отъехали от основного состава, Рейнольдс начал поворачивать большое тормозное колесо, находившееся снаружи вагона, а Янчи наконец нашел нужный ключ от вагона, пинком распахнул дверь и посветил фонариком внутрь. Еще через полмили Рейнольдс окончательно заблокировал колесо и мягко остановил вагон под взглядами улыбающегося Янчи и доктора Дженнингса, который сначала был ошеломлен, потом какое-то время не мог поверить в происходящее, а сейчас ликовал как мальчишка. Они едва успели выйти из вагона и направиться на запад, где, как они знали, пролегала дорога, как услышали крик и увидели, что к ним кто-то пробирается по глубокому снегу. Это был Граф, вся его аристократическая сдержанность исчезла, он кричал, вопил и размахивал руками как сумасшедший.

Глава 11

На другой день, утром, в половине седьмого, они добрались до штаб-квартиры Янчи. Она находилась в сельской местности, километрах в пятнадцати от австрийской границы. Добрались они, проехав четырнадцать часов подряд по замерзшим, заснеженным дорогам Венгрии со средней скоростью сильно меньше тридцати километров в час. Это были четырнадцать часов самого холодного, лишенного всех удобств, самого утомительного путешествия, которое Рейнольдс когда-либо совершал в своей жизни. Но все же они добрались, и, несмотря на холод, голод, усталость и бессонные часы, добрались в прекрасном расположении духа, их душевный подъем превозмогал все их невзгоды. Так чувствовали себя все, кроме Графа, который, сначала бурно радовался благополучному исходу дела и тому, что все целы и невредимы, но с наступлением долгой ночи снова впал в свое обычное состояние — отстраненности и мрачного цинизма.

За эту ночь они преодолели ровно четыреста бесконечных, изнурительных километров, и

Граф все эти километры был за рулем, только два раза остановившись для заправки. Сонных, не расположенных к каким-либо действиям работников бензоколонок он будил двойной угрозой — формой и голосом. Когда печать изнеможения уж слишком явно проступала на лице Графа, Рейнольдс готов был предложить ему поменяться местами, но всякий раз на помощь приходил здравый смысл, и он не делал этого: во время той, первой поездки в черном «мерседесе» Рейнольдс имел возможность убедиться, что Граф — водитель от Бога, и благополучно добраться до места назначения по этим занесенным снегом коварным дорогам было важнее, чем дать Графу отдохнуть. И большую часть ночи Рейнольдс сидел, дремал и смотрел на него, как и Казак, сидевший рядом. Оба они ехали в относительно теплой кабине по одной и той же причине — чтобы оттаять. Казаку пришлось даже гораздо хуже, чем Рейнольдсу, и понятно почему: всю вторую половину пути между Сексардом и Печем — почти тридцать километров — он просидел, как на насесте, снаружи между крылом и капотом грузовика, очищая для Графа лобовое стекло от слепящего снега. С этого крыла, как с трибуны, он и наблюдал за путешествием Рейнольдса по

крышам вагонов, граничащим с самоубийством, и теперь, глядя на Рейнольдса, он не хмурился — на лице его было лишь выражение какого-то благоговейного удивления.

Прямая дорога от Печа до дома Янчи составила бы чуть меньше половины того расстояния, которое они проехали, но и Янчи, и Граф были убеждены, что поездка по этому маршруту могла закончиться только одним — поимкой и отправкой в лагерь. Восьмидесятикилометровая полоса озера Балатон перекрывала большинство путей к австрийской границе на западе, и оба были уверены, что между его южной оконечностью и югославской границей ни одна даже самая незаметная дорога не останется без наблюдения. За другими маршрутами на запад — между северной оконечностью Балатона и Будапештом, — возможно, следили, а возможно, и нет, но они не стали рисковать. Они проехали двести километров на север, обогнули северные окраины столицы, а затем направились по главному шоссе в Австрию и, подъезжая к Гьёру, свернули на юго-запад.

Таким образом, дорога в четыреста километров заняла у них четырнадцать часов, и к месту назначения они добрались холодными, голод-

ными и измотанными. Но когда они оказались в безопасности и под домашним кровом, все это слетело с них, словно легкая накидка, ну а после того, как Янчи с Казаком развели в печи жаркий огонь, Шандор приготовил еду, от которой исходил чудный запах, а Граф достал из своих запасов, более чем достаточных, бутылку барацка, их облегчение от благополучного прибытия и ликование по поводу того, что они сумели так переиграть дэгэбэшников, вылились в разговоры, смех и снова в разговоры, и, когда они поели теплого и выпили графского барацка, возвращающего жизнь замерзшим телам и конечностям, все мысли об усталости и сне были забыты. Время выспаться еще будет, у них весь день впереди, чтобы поспать: раньше полуночи Янчи не собирался предпринимать попытку пересечь границу.

В восемь часов по большому новому радиоприемнику, который Янчи недавно установил в доме, они прослушали сводки погоды и новостей. О их собственных действиях и спасении профессора ничего не говорилось, да они и не ожидали этого: коммунисты никогда бы не признались своим сателлитам в таком провале. В прогнозе погоды, предсказывавшем дальнейшие сильные и про-

должительные снегопады почти по всей Венгрии, содержался чрезвычайно интересный пункт: весь юго-запад, на территории от озера Балатон до Сегеда на югославской границе, был полностью обездвижен сильнейшей со времен войны снежной бурей, все дороги, железнодорожные пути и аэропорты были полностью заблокированы. Янчи и его товарищи слушали эту сводку молча, что красноречивее всяких слов говорило о чувстве, их охватившем: если бы они предприняли свою попытку двенадцатью часами позже, то ни спасение, ни побег не были бы возможны.

В девять часов, когда сквозь густую пелену снега, повалившего снова, пробились первые серые проблески рассвета, на столе появилась вторая бутылка, и посыпались многочисленные истории. Янчи рассказал об их пребывании в «Сархазе», Граф, уже опорожнивший половину бутылки бренди, с иронией поведал о своей беседе с Фурмингом, а Рейнольдсу который раз пришлось повторять рассказ о своем путешествии по крышам вагонов. Самым жадным слушателем этих историй оказался старый профессор, чье отношение к русским хозяевам, как заметили Янчи с Рейнольдсом, когда встретились с ним в «Сархазе», резко и радикально измени-

лось. Начало этой перемене и изменениям в их отношении к нему было положено, по его словам, после того, как он отказался выступать на конференции, пока ему не скажут о судьбе сына, а когда он узнал, что сын благополучно бежал, все равно отказался выступать — и русские совсем потеряли над ним власть. Заточение в «Сархазе» привело его в еще большую ярость, а последнее унижение — помещение в один холодный вагон для скота с бандой закоренелых преступников — окончательно завершило его обращение. А когда он узнал о пытках, которым подвергались Янчи и Рейнольдс, гневу профессора уже не было границ. Он ругался так, что не приведи боже.

— Подождите! — сказал профессор. — Вот только подождите, когда я вернусь домой! Британское правительство, их драгоценные проекты, их ракеты — к черту их проекты и их ракеты! У меня есть дела поважнее.

— Например? — мягко спросил Янчи.

— Коммунизм! — Дженнингс осушил свой стакан с барацком и почти перешел на крик. — Я не хвастаюсь, но ко мне прислушиваются почти все ведущие газеты страны. Они послушают меня — особенно когда вспомнят, какую чудовищную чушь я нес раньше. Я разоблачу всю эту чертову

гнилую коммунистическую систему, и к тому времени, когда я закончу…

— Поздно, — иронично оборвал его Граф.

— Что значит «поздно»? — возмутился Дженнингс.

— Граф просто хочет сказать, что коммунизм уже и так основательно разоблачен, — успокаивающе ответил Янчи, — и, не обижайтесь, доктор Дженнингс, разоблачен людьми, которые страдали от него годами, а не только один уик-энд, как вы.

— Вы думаете, я вернусь в Лондон и буду сидеть там сложа руки… — Дженнингс резко замолчал, а когда заговорил снова, тон его был спокойнее. — Черт побери, мой друг, это долг любого человека… Ладно, ладно, я поздно это понял, но сейчас я понимаю: долг каждого человека сделать все возможное, чтобы остановить распространение этого гнусного учения…

— Поздно, — так же сухо остановил его Граф.

— Он просто хочет сказать, что коммунизм за пределами своей родины сам по себе терпит крах, — поспешил пояснить Янчи. — Вам не нужно останавливать его распространение, доктор Дженнингс, — оно уже остановлено. То есть он кое-где прививается, но только в ограниченных

масштабах, и то лишь среди примитивных народов вроде монголов, которые покупаются на красивые фразы и еще более красивые обещания, но с нами, с венграми, чехами, поляками, другими народами — в любой стране, где люди политически более развиты, чем русские, такая штука не проходит. Возьмем эту страну — кому здесь задурили голову больше всего?

— Надо полагать, молодежи. — Дженнингс с трудом сдерживал нетерпение. — Как всегда.

— Молодежи, — кивнул Янчи. — И изнеженным баловням коммунизма — писателям, интеллектуалам, обожаемым рабочим тяжелой промышленности. А кто возглавил здесь восстание против русских? Те же самые люди — молодежь, интеллектуалы и рабочие. То, что я считаю это восстание бесполезным и несвоевременным, не имеет к этому никакого отношения. Дело в том, что коммунизм потерпел полное фиаско именно среди тех, среди кого у него было больше всего шансов преуспеть — если он вообще мог преуспеть.

— Видели бы вы церкви в моей стране, — пробормотал Граф. — Каждое воскресенье в них проходят многолюдные службы, полно детей. Если бы вы это увидели, то не беспокоились бы

так сильно о коммунизме, профессор. На самом деле, — сухо добавил он, — единственное, что может сравниться с провалом коммунизма у нас, — это его поразительная популярность в таких странах, как Италия и Франция, которые никогда в жизни не видели ничего подобного. — Он с явным отвращением показал на форму, в которую был одет, и печально покачал головой. — Человеческая природа — удивительная вещь.

— Тогда что мне, черт возьми, делать? — с чувством спросил Дженнингс. — Забыть всю эту чертовщину?

— Нет. — Янчи устало покачал головой. — Это последнее, чего я хотел бы от вас, последнее, чего я хотел бы от кого бы то ни было, — возможно, есть более тяжкое преступление, более страшный грех, чем равнодушие, но я не знаю, что это может быть. Нет, доктор Дженнингс, мне хотелось бы, чтобы, вернувшись домой, вы сказали своему народу, что у каждого из нас здесь, в Центральной Европе, есть только одна маленькая жизнь, а время уходит. Скажите им, что нам хотелось бы хоть раз вдохнуть сладкий воздух свободы, прежде чем нас не станет. Скажите, что мы ждем уже семнадцать долгих лет и надежда может умереть. Скажите им, что мы не хотим, чтобы наши дети

и дети наших детей шли по бесконечной темной дороге рабства и никогда не увидели света в конце. Скажите им, что нам не нужно много — нам нужен лишь мир, зеленые поля, церковные колокола и беззаботные дети, которые играли бы на солнце, и чтобы не было страха, не было нужды и гаданий о том, какие черные тучи непременно принесет завтрашний день.

Янчи подался вперед на стуле, позабыв о стакане. Его усталое морщинистое лицо под копной седых волос, окрашиваемое в красноватый цвет мерцающим пламенем печки, было серьезным и напряженным — таким его Рейнольдс еще не видел.

— Скажите им, скажите вашим людям у себя на родине, что наши жизни и жизни следующих поколений в их руках. Скажите, что в конечном счете на этой земле только одно имеет значение — мир на этой самой земле. И скажите им, что эта земля очень маленькая и с каждым годом становится все меньше и меньше, но что нам всем приходится жить на ней вместе, что мы должны жить на ней вместе.

— Сосуществование? — приподнял бровь доктор Дженнингс.

— Сосуществование. Ужасное слово, слово-пу-

галка, но что еще может предложить вместо него здравомыслящий человек — неописуемые ужасы термоядерной войны, реквием по утраченным надеждам человечества? Нет, сосуществование необходимо, оно нам нужно, если человечество хочет выжить, но этот мир без разделения на сферы влияния, мечта великого американца Корделла Халла, никогда не будет построен, если запальчивые глупцы, как вот у вас, доктор Дженнингс, будут кричать о серьезных результатах, которые надо получить сейчас, здесь, сегодня. Он никогда не будет построен, пока люди на Западе будут думать о парашютной дипломатии, о том, как помочь нам помочь самим себе… Боже мой! Они никогда не видели в действии ни одной монгольской дивизии, иначе они не несли бы такую чушь. Он никогда не будет построен, пока люди будут молоть опасную околесицу о том, что русский народ их тайный союзник, или слушать непрошеные советы тех, кто покинул эти наши несчастные страны много лет назад и потерял всякую связь с тем, о чем мы думаем и что чувствуем сегодня.

И самое главное — он никогда не будет построен, пока наши руководители и правительства, наши газеты и наши пропагандисты непрерывно

и настойчиво учат нас, что мы должны ненавидеть и презирать все другие народы, которые делят с нами этот крошечный мир, и бояться их. Национализм тех, кто кричит: «Мы — народ», верноподданнически-шовинистическая разновидность патриотизма — вот великое зло наших дней, непреодолимое препятствие на пути к миру. Какая надежда есть у мира, пока мы цепляемся за устаревшие формы преданности своей нации? Мы никому не обязаны быть преданными, доктор Дженнингс, по крайней мере, на этой земле. — Янчи улыбнулся. — Нам говорят, что Христос пришел спасти человечество, но, возможно, Он сделал исключение для русских.

— Янчи хочет сказать, доктор Дженнингс, — пояснил Граф, — что вам всего лишь нужно обратить западный мир в христианство, и все будет хорошо.

— Не совсем так. — Янчи покачал головой. — То, что я говорю, относится к русским даже больше, чем к западному миру, но я думаю, что первый шаг должен сделать западный мир — более зрелые народы, более политически развитые, которые не так боятся русских, как русские боятся их.

— Разговоры, — уже без гнева, даже без иронии,

просто задумчиво сказал Дженнингс. — Разговоры, разговоры, одни разговоры. Чтобы наступило тысячелетнее царство Христа, потребуется гораздо больше, чем это, мой друг. Нужны действия. Вы сказали, первый шаг. Но какой?

— Одному богу известно. — Янчи покачал головой. — Я не знаю. Если б я знал, имя генерал-майора Иллюрина было бы самым почитаемым именем за всю историю человечества. Никто не может сделать больше, никто не осмелится сделать больше, чем просто высказать свои соображения.

Никто не ответил, и через некоторое время Янчи продолжил:

— Я считаю, что необходимо донести до русских идею мира, идею разоружения, убедить их прежде всего в наших мирных намерениях. Мирные намерения! — Янчи невесело усмехнулся. — Британцы и американцы наполняют арсеналы стран Западной Европы водородными бомбами — вот какой у них способ продемонстрировать мирные намерения. Это, скорее, способ добиться того, что Россия никогда не ослабит хватку, которой она держит своих, больше не нужных ей сателлитов, это способ подтолкнуть тех, кто сидит в Кремле — испуганных людей, скажу я вам, неумолимо

приближаться к тому, чего они хотят меньше всего на свете — к запуску первой межконтинентальной ракеты, последнему, что они хотят сделать, последнему выплеску паники или отчаяния, потому что они лучше других знают, что, хотя в своих глубоких бункерах в Москве они смогут пережить возмездие, которое непременно последует, им будет не спастись от мстительного гнева обезумевших людей, выживших после ядерной катастрофы, а гнев этот непременно охватит их собственную страну. Вооружать Европу — значит провоцировать русских на безумные действия. Что бы мы ни делали, необходимо избегать любых провокаций, всегда держать дверь открытой для переговоров и сближения, как бы они ни отказывались.

— Я бы сказал, что нам необходимо следить за ними, как ястребам, — заметил Рейнольдс.

— Увы, я думал, мы заставили его прозреть, — скорбно произнес Граф. — Похоже, нам никогда это не удастся.

— Похоже, — согласился Янчи. — Но он тоже прав. В одной руке нужно держать большое ружье, а в другой — оливковую ветвь. Всегда должен быть наготове предохранитель, а рука, предлагающая мир, всегда должна быть немного

впереди, и нужно быть бесконечно терпеливыми — поспешность, нетерпение могут привести мир к катастрофе. Терпение, бесконечное терпение. Какое значение имеет удар по самолюбию, когда на кону мир во всем мире?

Нужно стараться встречаться с ними в как можно большем количестве областей — в культуре, спорте, литературе, на праздниках, все это важно — все, что сближает людей и позволяет им увидеть глупость шовинизма, но главная дверь — торговля. Взаимодействуйте с ними в торговле, и не важно, на какие уступки вы пойдете, — потери будут ничтожными по сравнению с обретенной доброй волей, развеянными подозрениями. И пусть помогают ваши церкви, как они помогают сейчас здесь и в Польше. Кардинал Вышиньский, действующий рука об руку с Гомулкой в Польше, знает больше о том, как достичь мира во всем мире, который в конце концов должен наступить. Сегодня люди по всей Польше вдыхают запах свободы, свободно говорят, свободно молятся, и кто знает, что могут принести следующие пять лет — и все потому, что люди доброй воли с совершенно разными убеждениями решили уживаться и ладить друг с другом, на какие бы жертвы им ни пришлось пойти, какие бы удары

по самолюбию они ни получили.

В этом, как мне кажется, и заключается правильный ответ — не в том, чтобы предложить какой-то план действий, как полагает доктор Дженнингс, а в том, чтобы создать климат доброй воли, в котором эти действия могли бы расцвести и принести плоды. Спросите правителей великих стран, которые должны были бы вести наш больной мир к лучшему будущему, в чем они сегодня больше всего нуждаются, и они скажут вам: в ученых, в еще большем количестве ученых, этих незадачливых гениальных существ, которые уже давно отдали свое неотъемлемое право на независимость, похоронили свою совесть и продались правительствам мира — чтобы они могли работать все усерднее, пока не создадут самое совершенное оружие всеобщего уничтожения.

Янчи замолчал и устало покачал головой. Затем продолжил:

— Правительства мира, возможно, и не безумны, но они слепы, и от их слепоты до безумия всего один шаг. Наш мир отчаянно, срочно нуждается в том, чтобы предпринять усилия, не имеющие аналогов в истории, чтобы узнать себя и узнать других людей нашей планеты так же хорошо, как мы знаем себя, и тогда мы увидим,

что другой человек такой же, как и мы, что право, добродетель и истина принадлежат ему в той же мере, что и нам. Мы должны думать о людях не как о какой-то массе, состоящей из разнородных элементов, — нам ведь удобно без разбора представлять себе всех как какую-нибудь безликую нацию. Мы должны всегда помнить, что нация состоит из миллионов маленьких человеческих личностей, таких же, как мы. Говорить о национальном грехе, вине и злодействе — значит умышленно быть слепым и несправедливым, значит не быть христианином. И хотя верно, что нация может слететь с катушек, этого никогда не происходит потому, что она этого хочет, это происходит потому, что она не может иначе, потому что в ее прошлом или в ее окружении что-то не могло не сделать ее такой, какова она сегодня, точно так же как какие-то забытые события, какие-то влияния, которые мы не можем ни вспомнить, ни понять, сделали каждого из нас теми, кто мы есть сегодня.

А с этим пониманием и знанием придет и сострадание, и никакая сила на земле не сможет соперничать с состраданием — с тем состраданием, которое заставляет еврейское общество распространять по всему миру призывы о сборе

денег для своих заклятых, но голодающих врагов, арабских беженцев, с тем состраданием, которое заставило русского солдата вложить свой автомат в руки Шандора, с тем состраданием — состраданием, рожденным из понимания, — которое заставило почти всех русских, расквартированных в Будапеште, отказаться воевать с венграми, которых они успели хорошо узнать. И это сострадание, это милосердие придет, оно должно прийти, но люди во всем мире должны захотеть, чтобы оно пришло.

Нет никакой уверенности в том, что это произойдет при нашей жизни. Это рискованное предприятие, оно должно быть рискованным, но лучше, конечно, рисковать, надеясь, какой бы слабой ни была надежда, чем рисковать от отчаяния и нажать на кнопку, которая запустит первую межконтинентальную ракету. Но для успеха этого рискованного предприятия сначала необходимо понимание. Человечество теперь разделяют не горы, реки и моря, а лишь состояние сознания этого самого человечества. Нетерпимость, вызванная невежеством, нежеланием знать, — вот настоящая последняя граница, которая еще остается на земле.

В комнате надолго воцарилась тишина, кото-

рую нарушали лишь треск сосновых поленьев в печке, да тихое пение чайника. Огонь как будто бы завораживал, гипнотизировал всех, и они смотрели на него, словно, глядя на пламя долго, можно было увидеть, как сбудется мечта Янчи. Но их заворожил не огонь, а тихий, настойчивый, обволакивающий голос Янчи и то, что́ он говорил, — его слова еще долго звучали у них в ушах. Даже профессор больше не гневался, и Рейнольдс с сухой иронией подумал: «Если бы полковник Макинтош мог знать, какие мысли проносятся сейчас в моей голове, то сразу же по возвращении в Англию я стал бы безработным». Через какое-то время Граф встал, обошел всех, наполняя пустые стаканы, затем снова занял свое место — и все это молча. Никто даже не взглянул на него — казалось, никто не хочет первым нарушить тишину, да и вообще не хочет, чтобы она нарушалась. Каждый был глубоко погружен в свои мысли. Рейнольдсу очень кстати вспомнился давно умерший английский поэт, который много веков назад сказал почти то же самое, что только что говорил Янчи, но его мысли прервал резкий, напористый телефонный звонок, и он совпал с тем, о чем думал Рейнольдс. По ком звонит колокол? Ответ не заставил себя долго ждать:

он звонил по Янчи.

Янчи, выведенный звонком из глубокой задумчивости, выпрямился, переложил стакан в правую руку, а левой взял трубку. Трезвон резко прекратился, и вместо него все в комнате ясно услышали пронзительный вопль, протяжный мучительный крик, перешедший в тихий жуткий шепот, когда Янчи приложил трубку к уху. Шепот сменился отрывистой речью, затем голос стал мягче, выше, он сопровождался рыданиями, но что за слова там говорились, никто не мог разобрать: рука с костяшками пальцев, словно вырезанными из слоновой кости, так сильно прижимала трубку к уху, что оттуда доносились лишь неясные, бессвязные звуки. Остальным оставалось только смотреть на Янчи. Его лицо постепенно превратилось в каменную маску, а румяный цвет медленно сходил со щек, пока они не стали почти одного цвета с белоснежными волосами. Двадцать секунд, а может быть, тридцать, Янчи не произносил ни слова, а потом вдруг треснуло и звякнуло стекло, и стакан в руке Янчи раскололся на сотню осколков, посыпавшихся на каменный пол. Из покрытой шрамами, изуродованной руки потекла кровь, ее капли падали на осколки. Янчи даже не замечал этого:

всем своим сознанием, всем существом он был на другом конце телефонного провода. Затем он резко сказал:

— Я перезвоню, — послушал еще несколько секунд и тихим сдавленным голосом прошептал: — Нет, нет. — Затем с силой бросил трубку, но все успели услышать тот же звук, что они услышали, когда Янчи снял трубку, — хриплый крик боли, оборвавшийся, словно отрезанный гильотиной, когда связь прервалась.

— Глупо, да? — Янчи, глядя на свою руку, заговорил первым, и голос его был тихим, безжизненным. Он достал носовой платок и промокнул стекающую кровь. — Столько славного барацка пропало зря. Прости, Володя.

В первый раз все услышали, как он называет Графа его настоящим именем.

— Ради всего святого, что это было? — дрожащим шепотом спросил старый Дженнингс.

Руки у него тоже дрожали, и бренди перелилось через край стакана.

— Это был ответ на многие вопросы. — Янчи обернул руку носовым платком и, чтобы удержать его, сжал кулак, уставившись на тускло-красный огонь. — Теперь понятно, почему пропал Имре, понятно, почему был предан Граф.

Они схватили Имре, отвезли его на улицу Сталина, и перед самой смертью он заговорил.

— Имре! — прошептал Граф. — Перед самой смертью. Господи, прости меня. Я думал, он сам от нас сбежал. — Он непонимающе посмотрел на телефон. — То есть…

— Имре погиб вчера, — тихо произнес Янчи. — Бедный, потерянный, одинокий Имре. Это была Юля. Имре сказал им, где она, они поехали в деревню и забрали ее, как раз когда она собиралась ехать сюда. А потом они заставили ее рассказать, где находится это место.

Когда Рейнольдс встал на ноги, его стул с грохотом опрокинулся. Нижние зубы у него обнажились, как у волка.

— Это Юля кричала, — сказал он хриплым, каким-то совсем не своим голосом. — Ее пытали, они ее пытали!

— Это была Юля, Хидаш хотел показать, что настроен серьезно. — Янчи спрятал лицо в ладони, и его тусклый голос прозвучал приглушенно: — Но они пытали не Юлю, они пытали Катерину на глазах у Юли, и Юля должна была все рассказать.

Рейнольдс непонимающе смотрел на него, у Дженнингса был обескураженный и испуганный вид, а Граф произносил одно ругательство за

другим — бессмысленную богохульную череду проклятий, и Рейнольдс видел, что Граф все понял, а потом заговорил Янчи, бормоча что-то себе под нос, и вдруг Рейнольдс тоже все понял, и ему стало плохо, он неуклюже поднял стул и, почувствовав неимоверную слабость в ногах, сел.

— Я знал, что она не умерла, — пробормотал Янчи. — Я всегда знал, что она не умерла, я никогда не терял надежды, правда, Володя? Я знал, что она не умерла… О Боже, почему Ты не дал ей умереть, почему не сделал так, чтобы она умерла?

Жена Янчи, угрюмо подумал Рейнольдс, его жена жива. Юля говорила, что она, наверное, умерла, погибла через несколько дней после того, как люди из ДГБ забрали ее, но, оказывается, она жива. Та же вера и надежда, заставлявшая Янчи рыскать по всей Венгрии в уверенности, что она жива, должна была поддерживать искру жизни в Катерине, твердую веру в то, что однажды Янчи найдет ее. Но теперь она у них, Хидаш уехал из «Сархазы», потому что знал, где ее искать, она у этих чудовищ из ДГБ… И Юля тоже у них, а это в тысячу раз страшнее. Сами собой перед его мысленным взором пронеслись неясные картины: озорная улыбка, когда она поцеловала его на прощание у острова Маргит, ее встревоженное

лицо, после того как Юля увидела, что сделал с ним Коко, ее взгляд, когда он очнулся от сна, мертвый, тусклый взгляд и затуманенные глаза, когда ее посетило предчувствие грядущей трагедии… Сам не сознавая, что делает, Рейнольдс резко поднялся:

— Янчи, откуда звонили?

Его голос вновь стал обычным, от ледяной ярости не осталось и следа.

— С проспекта Андраши. Какое это имеет значение, Михаил?

— Мы можем вернуть их вам. Мы можем отправиться туда прямо сейчас и вернуть их. Граф и я. Мы сможем.

— Если какие-нибудь два человека из ныне живущих могли бы это сделать, то эти двое сейчас передо мной. Но даже вы не сможете. — Янчи медленно улыбнулся слабой улыбкой, едва коснувшейся его губ, но все же улыбнулся. — Задача, только текущая задача, ничего, кроме задачи, стоящей перед вами. Это ваше кредо, то, чем вы живете. Ваша миссия выполнена, Михаил, — что скажет полковник Макинтош?

— Не знаю, Янчи, — медленно произнес Рейнольдс. — Не знаю, и, видит бог, мне все равно. С меня хватит, всё. Я выполнил последнее задание

полковника Макинтоша, выполнил последнее задание нашей разведки, так что, с вашего позволения, мы с Графом…

— Минуточку. — Янчи поднял руку. — Это еще не все, все еще хуже, чем вы думаете… Что вы сказали, доктор Дженнингс?

— Катерина, — пробормотал старик. — Какое странное совпадение: мою жену тоже зовут Катерина — Кэтрин.

— Боюсь, профессор, совпадение еще серьезнее. — Янчи долго смотрел невидящим взглядом на огонь, потом пошевелился. — Британцы использовали вашу жену как рычаг воздействия на вас, а сейчас…

— Конечно, конечно, — пробормотал Дженнингс. Он больше не дрожал, он был спокоен и не испытывал страха. — Ведь это же очевидно, зачем еще им было звонить? Я немедленно поеду.

— Немедленно поедете? — Рейнольдс уставился на него. — О чем это он?

— Если бы вы знали Хидаша так же хорошо, как я, — сказал Граф, — вы бы не спрашивали. Это сделка, да, Янчи? Катерина и Юля возвращаются живыми в обмен на нашего профессора.

— Это то, что они предлагают. Они вернут их мне, если я верну профессора. — Янчи медленно

и решительно покачал головой. — Этого не будет. Разумеется, этого не будет. Я не могу вас сдать, я не верну вас им. Одному богу известно, что они с вами сделают, если вы снова попадете к ним в руки.

— Но вы должны это сделать, должны. — Дженнингс встал и смотрел на Янчи сверху вниз. — Мне они вреда не причинят, я им нужен. Ваша жена, Янчи, ваша семья — что такое моя свобода по сравнению с их жизнью? У вас нет выбора. Я еду.

— Вы вернете мне мою семью — и никогда больше не увидите свою. Вы понимаете, что говорите, доктор Дженнингс?

— Да. — Дженнингс говорил тихо, упрямо. — Я знаю, что говорю. Разлука — это не так важно; просто, если я поеду к ним, обе наши семьи останутся живы, и кто знает, может, и я когда-нибудь снова окажусь на свободе. Если же я не поеду, ваши жена и дочь погибнут. Вы же это понимаете.

Янчи кивнул, и Рейнольдсу даже сквозь тревогу, сквозь всепоглощающий гнев, было до глубины души жаль человека, поставленного перед таким жестоким, бесчеловечным выбором, и оттого, что перед этим выбором оказался Янчи, человек, который всего несколько минут назад проповедовал идею любви к врагам, необходи-

мости понять брата-коммуниста, помочь ему и примириться с ним, было невыносимо горько. И тут Янчи откашлялся, и Рейнольдс знал, что́ он собирается сказать.

— Я рад, как никогда, доктор Дженнингс, что помог вам спастись. Вы смелый и хороший человек, но вы не должны умирать ради меня или моих близких. Я скажу полковнику Хидашу…

— Нет, это я скажу полковнику Хидашу, — перебил его Граф. — Он подошел к телефону, покрутил ручку и назвал номер. — Полковник всегда рад, когда ему докладывают подчиненные… Нет, Янчи, предоставь это мне. Ты же никогда раньше не сомневался в моих решениях: прошу тебя, не делай этого сейчас.

Он замолчал, слегка напрягся, затем расслабился и улыбнулся:

— Полковник Хидаш? Это майор Ховарт, бывший майор… В отменном здравии, рад вам сообщить… Да, мы обдумали ваше предложение и хотим сделать вам свое. Я знаю, как вы мучаетесь от того, что вам меня не хватает — меня, лучшего офицера ДГБ, так, если вы помните, отрекомендовал меня не кто иной, как вы сами, — и предлагаю исправить это. Если я смогу гарантировать вам, что профессор Дженнингс не

станет ничего говорить, когда вернется на Запад, согласитесь ли вы принять меня — конечно же, всего лишь скромную замену, вместо жены и дочери генерал-майора Иллюрина… Да-да, непременно, я буду ждать. Но в моем распоряжении мало времени.

Не опуская трубку, он повернулся лицом к профессору и Янчи и выставил перед собой руку, чтобы пресечь их протесты и тщетные попытки профессора самому выйти на связь с полковником.

— Расслабьтесь, господа, и успокойтесь. Благородное самопожертвование мне не очень нравится: на самом деле, скажу прямо, оно мне совсем не нравится… А, полковник Хидаш… Вот как. Так я, к сожалению, и думал… Это удар по моему самолюбию, но я ведь, видимо, всего лишь маленькая рыбешка… Значит, это должен быть профессор… Да, он совсем не против… Полковник Хидаш, он не вернется в Будапешт для передачи… Вы считаете нас сумасшедшими? Если мы поедем туда, то вы получите всех троих, и если вы настаиваете на Будапеште, то доктор Дженнингс пересечет границу уже сегодня вечером, и ни вы, ни кто-либо другой в Венгрии не сможет этому помешать. Вы знаете это лучше, чем… Ага,

я знал, что вы уступите здравому смыслу, — вы ведь всегда были очень разумным человеком, не правда ли? Тогда слушайте внимательно.

Примерно в трех километрах к северу от этого дома — дочь генерала покажет вам дорогу, если сами не сможете найти, — влево отходит боковая дорога. Поезжайте по ней — она заканчивается примерно через восемь километров у небольшой переправы через приток Рабы. Оставайтесь там. Километрах в трех к северу находится деревянный мост через ту же речку. Мы перейдем по нему, разрушим его, чтобы у вас не было соблазна перебраться по мосту, и направимся на юг к дому паромщика, напротив которого вы остановитесь. Там есть небольшая лодочка, которая ходит по канату, — с ее помощью мы переправим людей. Вам все понятно?

Наступила долгая пауза. Тишину нарушал лишь слабый металлический отзвук неразличимого бормотания Хидаша, затем Граф сказал:

— Минутку. — Он прикрыл рукой трубку и повернулся к остальным. — Хидаш говорит, что должен задержаться на час — им нужно разрешение правительства. Вполне возможно, что это так. Также более чем возможно, что в обычных обстоятельствах наш дорогой друг воспользовал-

ся бы этим часом, чтобы вызвать армию, которая окружила бы нас, или авиацию, чтобы сбросить в дымоход парочку бомб.

— Это невозможно, — покачал головой Янчи. — Ближайшие армейские части находятся в Капошваре, к югу от Балатона, и мы знаем из новостей, что они вроде бы полностью обездвижены.

— А ближайшие базы ВВС — на границе с Чехией. — Граф посмотрел в окно на серую пелену метели. — Даже если они в работоспособном состоянии и не закрыты, ни один самолет не найдет нас в такую погоду. Рискнем?

— Рискнем, — эхом ответил ему Янчи.

— Полковник Хидаш, у вас есть этот час. — Граф убрал руку с трубки. — Опоздаете на минуту — и нас уже не будет. И еще. Вы приедете через деревню Вилок, и никак иначе, — мы не хотим, чтобы нам отрезали путь отхода, и вы знаете, что организация у нас большая — мы проследим за всеми другими дорогами к северу от Сомбатхея, и если хоть одна легковушка или грузовик появится на них, то, приехав сюда, вы нас не застанете. До встречи, мой дорогой полковник… Часа через три, да? Au revoir.

Он положил трубку и повернулся к остальным.

— Видите, как получается, господа, — я получаю все почести и репутацию рыцаря и самоотверженного героя, не подвергаясь ни малейшему огорчительному риску, который обычно сопровождает такие вещи. Ракеты важнее мести, и им нужен профессор. У нас есть три часа.

Три часа, и один из них почти что истек. Этот час следовало бы потратить на сон: все они были измотаны, и поспать было просто необходимо, но никто и думать об этом не хотел. Янчи не думал о сне, потому что, хоть и был вне себя от радости при мысли, что снова увидит Катерину, но в то же время его снедали досада, тревога и чувство вины, и в душе он был полон слепой решимости не допустить передачи профессора властям; профессор не думал о сне, потому что не хотел тратить на него последние часы свободы, а Казак не думал о нем, потому что снова увлеченно упражнялся со своим кнутом, готовясь к славной битве с ненавистными дэгэбэшниками. Шандору даже в голову не приходило, что можно прилечь поспать, он ходил взад-вперед по морозу рядом с Янчи, потому что не хотел оставлять его в такой час. А Граф пил — много, без остановки, как будто ему больше никогда не суждено было увидеть бутылку бренди. Рейнольдс с немым удивлением

наблюдал, как он открывает третью — а ведь выпил Граф уже больше половины содержимого предыдущих. Можно было бы подумать, что он пьет воду.

— Мой друг, вы считаете, что я слишком много пью? — Он улыбнулся Рейнольдсу. — Легко прочитать ваши мысли.

— Да нет. Почему бы вам и не выпить?

— Действительно, почему? Мне нравится этот напиток.

— Но…

— Но что, мой друг?

Рейнольдс пожал плечами:

— Вы пьете не поэтому.

— Да? — Граф приподнял бровь. — Может, чтобы утопить мои многие печали?

— Я думаю, чтобы утопить печали Янчи, — медленно произнес Рейнольдс. Затем он вдруг с необычной остротой что-то понял. — Нет, кажется, я знаю. Вы знаете — как вы можете быть в этом уверены, я не знаю, — но вы уверены, что Янчи снова увидит своих Юлю и Катерину. Его печаль ушла, а ваша осталась, и она была такой же, как у него, но теперь вам приходится выносить ее в одиночку, поэтому вы чувствуете ее с удвоенной силой.

— Янчи говорил с вами?

— Он ничего мне не сказал.

— Я вам верю. — Граф задумчиво смотрел на него. — Знаете, друг мой, вы за несколько дней постарели на десять лет. Вы уже никогда не будете прежним. Вы, конечно, оставите службу в разведке?

— Это мое последнее задание. С этим покончено.

— И женитесь на прекрасной Юлии?

— О боже! — Рейнольдс уставился на него. — Неужели… неужели это так заметно?

— Вы поняли это последним. Для всех остальных это было очевидно.

— Ну, тогда да. Конечно. — Он удивленно нахмурился. — Я ее еще не спрашивал.

— И не нужно. Я знаю женщин. — Граф вяло махнул рукой. — Вероятно, у нее есть некоторая надежда что-то из вас сделать.

— Надеюсь на это. — Рейнольдс помолчал, колеблясь, затем прямо посмотрел на Графа. — Вы тогда здорово меня осадили.

— Да. Это было несправедливо — я перешел на личности, а у вас хватило благородства не дать мне отпора. Иногда я думаю, что гордость — это дьявольская черта. — Граф налил полстакана

бренди, отпил, закурил очередную русскую сигарету, затем резко продолжил: — Янчи искал свою жену, а я — своего маленького мальчика. Маленького мальчика! В следующем месяце ему исполнилось бы двадцать, а может, ему и есть двадцать. Я не знаю, не знаю. Надеюсь, он жив.

— Он был у вас не единственным ребенком?

— У меня было пятеро, и у них были мать, дедушка и дяди, но о них я не беспокоюсь, они все в безопасности.

Рейнольдс ничего не сказал, да и не нужно было ничего говорить. Из слов Янчи он понял, что Граф потерял все и всех на свете — кроме своего сына.

— Меня забрали, когда ему было всего три года, — тихо продолжил Граф. — Я до сих пор вижу, как он стоит там, на снегу, стоит и ничего не понимает. С тех пор я думаю о нем каждую ночь и каждый день моей жизни. Остался ли он в живых? Кто присматривал за ним? Была ли у него одежда, чтобы не мерзнуть, есть ли у него сейчас одежда, чтобы не мерзнуть? Достаточно ли он ест, или он тощий и изможденный? Может, он оказался никому не нужен, но, ей-богу, это был такой славный, мистер Рейнольдс. Я пытаюсь представить себе, как он выглядит, я всегда пытался представить себе, какой он. Я пытался

представить себе, как он улыбается, смеется, играет, бегает, я всегда хотел быть рядом с ним, видеть его каждый день, видеть все то чудесное, что видишь, когда твой малыш растет, но мне всего этого не было дано, все эти чудесные годы прошли, и теперь уже поздно. Вчерашний день, все наши вчерашние дни уже не вернуть. Он был всем, ради чего я жил, но для каждого наступает момент истины, и мой наступил этим утром. Я больше никогда его не увижу. Пусть о моем мальчике позаботится Господь Бог.

— Простите, что спросил, — смущенно произнес Рейнольдс. — Мне очень жаль. — Он помолчал, потом добавил: — Это неправда, не знаю, почему я так сказал, но я рад, что задал этот вопрос.

— Странно, а я рад, что рассказал вам. — Граф осушил стакан, наполнил его опять, взглянул на часы, и когда заговорил снова, это был уже прежний Граф, голос его был бодр, напорист и ироничен. — Барацк вызывает жалость к себе, но он же ее и прогоняет. Мой друг, пора двигаться. Час почти пробил. Нам нельзя здесь оставаться — только безумец может верить Хидашу.

— Значит, Дженнингсу придется поехать?

— Дженнингсу придется поехать. Если они не получат его, тогда Кэтрин и Юля…

— Погибнут. Да?

— К сожалению, да.

— Он, видимо, очень нужен Хидашу.

— Он нужен ему позарез. Коммунисты до смерти боятся, что, если он сбежит на Запад и заговорит, это будет удар, от которого они долго не смогут оправиться, — ущерб будет непоправимым. Вот почему я позвонил и предложил себя. Я знал, как сильно они хотят меня заполучить, и хотел выяснить, насколько им нужен Дженнингс. Как я уже сказал, он нужен им позарез.

— Зачем? — напряженным голосом спросил Рейнольдс.

— Он никогда больше не будет работать на них, — уклончиво ответил Граф. — Они это знают.

— То есть…

— То есть им нужно только его вечное молчание, — резко сказал Граф. — Есть только один способ обеспечить это.

— Господи! — воскликнул Рейнольдс. — Мы не можем отпустить его, нельзя позволить ему отправиться на смерть и ничего не…

— Вы забываете о Юле, — мягко напомнил Граф.

Рейнольдс зарылся лицом в ладони, совершен-

но обескураженный, растерянный, неспособный о чем-либо еще думать. Прошло полминуты, может быть, минута — и тишину в комнате безжалостно нарушил громкий, пронзительный звонок телефона. Рейнольдс резко выпрямился. В две секунды Граф схватил трубку:

— Ховарт слушает. Полковник Хидаш?

Янчи и Шандор с припорошенными снегом головами и плечами вбежали в дверь, и снова тем, кто стоял рядом, был слышен только металлический отзвук бормотания в трубке, но ничего нельзя было разобрать. Им оставалось лишь смотреть на Графа, небрежно прислонившегося к стене. Глаза его рассеянно, невидяще бегали по комнате. Вдруг он отпрянул от стены, и лоб его наморщился, так что на нем пролегла глубокая вертикальная складка.

— Это невозможно! Полковник Хидаш, я сказал — час. Мы не можем ждать дольше. Вы что, считаете нас сумасшедшими — сидеть здесь, пока вы не заберете нас, когда вам это будет удобно?

Голос на другом конце перебил его, несколько секунд там что-то напористо и отрывисто тараторили, Граф замер, услышав щелчок, когда там положили трубку, некоторое время смотрел на свою затихшую трубку, затем осторожно поло-

жил ее. Когда он повернулся лицом к остальным, большой палец его правой руки медленно, так, что всем было слышно, терся о край указательного пальца, а нижняя губа была закушена.

— Что-то тут не так. — В его голосе прозвучало то же беспокойство, что отражалось на лице. — Что-то очень нехорошее. Хидаш говорит, что министр сейчас у себя в загородном доме, телефонные линии не работают, пришлось якобы послать за ним машину, и это займет еще около получаса, а возможно, и… Ах ты, идиот проклятый!

— Ты о чем? — отозвался, не понимая, Янчи. — Кто…

— Я. — С лица Графа исчезло недоумение, в низком спокойном голосе зазвучала отчаянная решимость, какой Рейнольдс еще никогда в нем не слышал. — Шандор, заводи грузовик — прямо сейчас. Гранаты, аммиачную селитру для того маленького мостика у дороги и полевой телефон. Поторопитесь, все. Ради всего святого, быстрее!

Никто не стал задавать Графу вопросов. Через десять секунд они уже были во дворе, укладывая под густым снегопадом все необходимое в грузовик, а еще через минуту грузовик уже трясся по ухабистой аллее к дороге. Янчи повернулся к

Графу, вопросительно приподняв бровь.

— Последний раз звонили с телефона-автомата, — тихо сказал Граф. — Преступная халатность с моей стороны — сразу не обратить на это внимание. Зачем полковнику ДГБ Хидашу звонить с телефона-автомата? Да затем, что он уже не в своем будапештском кабинете. Сто к одному, что и предыдущий звонок тоже был не из Будапешта, а из нашего местного штаба в Дьёре. Хидаш все это время ехал сюда, отчаянно пытаясь задержать нас тут, подержать нас здесь этими липовыми телефонными звонками. Министр, разрешение правительства, оборванные телефонные линии — ложь, все это ложь. Боже мой, подумать только, что мы купились на такое! Будапешт — Хидаш выехал из Будапешта несколько часов назад! Готов поспорить, что сейчас он находится не больше чем в восьми километрах отсюда. Еще пятнадцать минут — и он взял бы всех нас, шесть маленьких добрых мушек, терпеливо ожидающих в паучьей гостиной.

Глава 12

Они ждали у телефонного столба на опушке леса, вглядываясь сквозь редеющий на мгновения снег и почти беспрерывно дрожа. Невыспавшиеся, сильно уставшие, даже бренди, тепло которого испарялось предательски быстро, не помогало на таком лютом морозе.

Хорошо, что их ожидание было пока недолгим. Прошло всего пятнадцать минут с того момента, как они покинули дом, проехали по грунтовой дороге через горбатый мостик, затем, уже по главной дороге, свернули на запад и, спрятав грузовик, оказались здесь, в этом лесу, метрах за двести от поворота. Графа и Шандора высадили на мосту, чтобы установить там заряды аммиачной селитры, а Рейнольдс с профессором побежали в лес, на скорую руку сделали из валявшихся веток хлысты, поспешили обратно на мост и помогли Графу и Шандору скрыть следы шин и проводку, которая тянулась от селитры к лесу, где сейчас прятался Шандор со взрывателем в руке. К тому времени, когда остальные вернулись к грузовику, Янчи и Казак, способный, как

обезьяна, забраться на любой столб и дерево, уже подключили свой полевой комплект к телефонным проводам, идущим к дому.

Прошло десять минут, двадцать, полчаса, продолжал идти редеющий снег, холод пробирал до самых костей, и так как дэгэбэшники давно уже должны были приехать, Янчи и Граф заподозрили неладное и забеспокоились. ДГБ обычно не опаздывает, особенно когда на кону такой приз, и уж совсем не похоже на полковника Хидаша, сказал Граф, чтобы он куда-нибудь когда-нибудь опоздал. Может быть, они задержались из-за плохих, непроходимых дорог. А возможно, Хидаш пренебрег данными ему указаниями и его люди в этот самый момент перекрывают все дороги к границе и окружают их с тыла. Граф считал это маловероятным: он знал, что у Хидаша сложилось впечатление, будто у Янчи большая и разветвленная организация, и ему, скорее всего, даже не пришло бы в голову, что Янчи мог забыть об очевидной мере предосторожности — выставить дозорных на дорогах на много километров вокруг. Но Граф был теперь уверен, что Хидаш задумал какую-то хитрость: он всегда был страшным противником, и в лагерях сидело множество людей, в свое время недооценивших коварство и

упорство этого озлобленного худощавого еврея. Хидаш явно что-то затевал.

И когда он наконец появился, сразу стало понятно, что он действительно что-то задумал. Приехал Хидаш с востока на большом зеленом фургоне — Граф сказал, что это его мобильный штаб, — в сопровождении еще одного, небольшого коричневого грузовика, в котором наверняка сидели убийцы-дэгэбэшники. Этого Янчи и Граф ожидали. Но чего они не ожидали (и чем вполне объяснялась задержка в прибытии ДГБ), так это появления в колонне третьей машины — большой, громоздкой, тяжелобронированной полугусеничной машины, оснащенной страшного вида скорострельной противотанковой пушкой длиной почти в половину самой машины. Наблюдатели у телефонного столба на опушке леса растерянно смотрели друг на друга, не в силах понять причину такой демонстрации вооруженной мощи, но долго гадать им не пришлось.

Хидаш хорошо знал, что делает, — должно быть, он выведал у Юли, что у дома Янчи две глухие торцевые стены, — потому что не колебался ни секунды; его люди были хорошо проинструктированы и обучены, и маневр был выполнен легко, плавно и эффективно. В нескольких сотнях

метров от проезда, ведущего от дороги к дому, оба грузовика разогнались, оставив полугусеничную бронемашину позади, затем почти одновременно сбавили скорость, затормозили, свернули с дороги на горбатый мостик, промчались к дому, разъехались по обе стороны от него и встали напротив каждой из глухих торцевых стен, в нескольких метрах от них. Как только грузовики остановились, из них выскочили вооруженные люди и заняли позиции, присев за грузовиками и за небольшими пристройками и деревьями, окаймлявшими заднюю часть дома.

Не успел последний боец занять позицию, как огромная бронемашина свернула с дороги, проскочила между низкими перилами горбатого моста, гротескно устремив в небо дуло своего длинного орудия, перевалилась на другую сторону и замерла примерно в пятидесяти метрах от фасада дома. Прошла секунда, еще одна, затем раздался глухой, хлесткий треск выстрела из большой пушки, потом грохот, поднялись клубы дыма и полетели обломки — снаряд взорвался в стене дома, прямо под окнами первого этажа. Прошло еще несколько секунд, пыль от первого взрыва еще не успела осесть, когда по дому ударил следующий снаряд, примерно в метре от

первого, потом еще один, и еще, и еще, и вот уже в каменной кладке фасадной стены зияла дыра размером почти в три метра.

— Вероломная свинья, убийца, — прошептал Граф. Его лицо было лишено какого-либо выражения. — Я знал, что ему нельзя верить, но до сих пор не понимал, до какой степени. — Он замолчал, когда раздался очередной выстрел, и подождал, пока стихнет раскатистое эхо. — Я сто раз видел такое — этот прием немцы впервые отработали в Варшаве. Если вам нужно сровнять дом с землей, не перекрывая улицы, то достаточно выбить нижнюю часть, и дом обрушивается. Кроме того, в качестве дополнительного дивиденда они обнаружили, что все, кто прячется в таком доме, будут сразу же погребены под его завалами.

— Именно это они и пытаются сейчас сделать — то есть думают, что мы там?

Голос у доктора Дженнингса дрожал, а на его бледном лице отражался ужас.

— Они же не просто развлекаются, упражняясь в стрельбе по мишеням, — грубо ответил Граф. — Конечно, они думают, что мы там. И Хидаш расставил вокруг дома своих терьеров на случай, если крысы попытаются выскочить из

своей норы.

— Понятно. — Голос Дженнингса уже почти не дрожал. — Похоже, я переоценил значение своих услуг для русских.

— Нет, — солгал Граф. — Нет, не переоценили. Вы им, конечно, нужны, но я подозреваю, что генерал-майор Иллюрин — и я — им нужны больше. Янчи — враг номер один коммунистической Венгрии, и они знают, что такого шанса им больше не представится. Они не могут упустить его — и готовы пожертвовать даже вами, чтобы использовать этот шанс по полной.

Рейнольдс почувствовал, как в нем медленно поднимаются одновременно гнев и восхищение — гнев по поводу того, как Граф скрывал правду от Дженнингса, позволяя ему думать, что они все еще могут обменять его без всякой опасности для самого профессора, и восхищение тем, с какой ловкостью он придумал столь правдоподобное объяснение.

— Это изверги, дьявольские отродья, нелюди, — в изумлении произнес Дженнингс.

— Иногда их только так и можно назвать, — тяжело вздохнул Янчи. — Кто-нибудь видел их? — Не было нужды спрашивать, кого он имеет в виду под «ними», — все молча покачали голова-

ми, значит, поняли. — Нет? Тогда, наверное, нам следует позвонить нашему другу. Телефонная линия проходит под коньком крыши. Думаю, она пока не повреждена.

Она не была повреждена. Обстрел затих, и, когда Янчи начал крутить ручку полевого телефона, в неподвижном морозном воздухе до них ясно донесся звонок из дома, а потом прозвучала громкая команда, и из-за угла выбежал человек и замахал руками стрелкам, сидящим в бронемашине. Почти сразу же орудие опустилось и отвело в сторону ствол. Последовала очередная команда, и солдаты, в полусогнутом положении окружавшие дом, быстро вскочили и побежали: одни — к фасаду, другие — к задней его части. Перед фасадом бойцы ДГБ пригнулись пониже у развалин, оставшихся от стены, затем резко поднялись и стали тыкать карабинами в разбитые окна, а двое сшибли входную дверь с уже поврежденных петель и вошли внутрь. Даже с такого расстояния нельзя было с кем-то спутать первого из двоих, проникших в дом, — исполинскую гориллообразную фигуру Коко узнаешь везде.

— Думаю, теперь вы начинаете понимать, как достопочтенному полковнику Хидашу удается так долго оставаться в живых? — произнес

Граф. — Вряд ли можно упрекнуть его в излишне рискованном поведении.

Коко и другие дэгэбэшники снова появились у входной двери, великан что-то коротко сказал, и те, кто наблюдал за окнами, расслабились, а один из них исчез за углом. Вернулся он почти сразу, за ним следовал еще один человек — тот вошел в дом. Можно было не сомневаться, что это полковник Хидаш, потому что пару секунд спустя они услышали его голос, дребезжащий в трубке полевого телефона: Янчи приложил к уху одну из трубок, и голос полковника всем было отчетливо слышно через вторую.

— Я полагаю, это генерал-майор Иллюрин?

Хидаш говорил ровным, спокойным голосом, но Граф, хорошо его знавший, смог распознать едва уловимую нотку гнева.

— Да. Разве так джентльмены из ДГБ держат свое слово, полковник Хидаш?

— Нам не стоит обмениваться детскими упреками, — ответил Хидаш. — Могу я поинтересоваться, откуда вы говорите?

— Это не имеет значения. Вы привезли моих жену и дочь?

Повисла долгая пауза, голос в трубке умолк, затем Хидаш снова заговорил.

— Разумеется. Я же сказал, что привезу.

— Могу я их увидеть?

— Вы мне не доверяете?

— Излишний вопрос, полковник Хидаш. Дайте мне их увидеть.

— Мне нужно подумать.

Телефон снова замолчал, и Граф поспешил сказать:

— Не думает он, этому лису не нужно думать. Просто время тянет. Он знает, что мы находимся где-то, откуда можем его видеть, а значит, знает, что он может увидеть нас. Для этого и нужна была первая пауза — он отдавал приказ своим людям…

Крик со стороны дома подтвердил догадку Графа еще до того, как он успел сформулировать ее, и через мгновение из парадной двери выскочил человек и со всех ног бросился к бронемашине.

— Он нас заметил, — тихо сказал Граф. — Нас или грузовик за нами. Угадайте, что теперь будет?

— Что тут гадать. — Янчи бросил трубку. — Бронемашина. Прячемся! Будут стрелять по нам оттуда — или приедут за нами сюда? Вот единственный вопрос.

— Приедут, — уверенно сказал Рейнольдс. —

Снаряды бесполезны в лесу.

Он был прав. Только Рейнольдс это сказал, как мощный двигатель бронемашины зарычал, и она, переваливаясь, выехала на свободное место перед домом, остановилась и включила задний ход.

— Едет, — кивнул Янчи. — Чтобы стрелять, им не нужно было сдвигаться с места — башня может поворачиваться на триста шестьдесят градусов.

Он вышел из-под дерева, за которым прятался, перепрыгнул через засыпанную снегом канаву на дорогу и поднял высоко над головой обе руки, чуть касаясь ими друг друга, — это был условленный сигнал спрятавшемуся в ожидании Шандору, что пора нажимать на взрыватель.

Никто не был готов к тому, что произошло дальше, даже Граф — он недооценил степень ожесточения Хидаша. Из валявшейся на земле трубки полевого телефона до него донеслось, как Хидаш крикнул:

— Огонь!

Граф не успел предупредить остальных — от дома открыли огонь из нескольких автоматических карабинов. Все отпрыгнули за деревья, спасаясь от свистящего града пуль, обрушившегося на окружавший их лес: какие-то из них впивались

в стволы со звуком сильных ударов молотка, другие со злобным ноющим завыванием отскакивали рикошетом и, покореженные, еще глубже врезались в стволы деревьев, а третьи обламывали ветки и сучья, посыпая землю короткими снегопадами замерзшего снега.

Янчи этот огонь застал врасплох. Покачнувшись, он тяжело рухнул на дорогу — точно так же могло упасть стоявшее за его спиной дерево от последнего удара топором, нанесенного дровосеком по его основанию. Рейнольдс выпрямился, показавшись из своего укрытия, успел сделать шаг к дороге, но его тут же схватили сзади и грубо оттащили за ствол дерева, из-за которого он только что выскочил.

— Хотите, чтобы и вас убили? — рявкнул свирепо Граф, но эта свирепость относилась не к Рейнольдсу. — Не думаю, что его убили, — видите, нога шевелится.

— Они будут стрелять снова, — запротестовал Рейнольдс. Треск карабинов стих так же внезапно, как и начался. — Они могут изрешетить его, пока он там лежит.

— Тем более вам не стоит совершать самоубийство.

— Но Шандор ждет! Он не успел разглядеть

сигнал…

— Шандор не дурак. Ему не нужен сигнал. — Граф осторожно выглянул из-за дерева и увидел, как бронемашина с грохотом несется по грунтовой дороге к мосту. — Если мост взлетит на воздух сейчас, то этот проклятый танк может остановиться и с места разнести нас в пух и прах. Хуже того, он может дать задний ход и переехать через канаву, гусеницами вперед, на главную дорогу. Шандор это понимает. Смотрите!

Рейнольдс смотрел. Бронемашина уже почти была на мосту. Десять метров, пять — и вот она уже въезжает на край моста. Шандор тянет до последнего, Рейнольдс знал, тот тянет до последнего, но тут в воздухе над мостом что-то вспыхнуло, потом послышался глухой низкий рокот, совсем не такой громкий, как Рейнольдс ожидал, затем последовал сначала грохот падающей каменной кладки, потом металлический скрежет и удар, потрясший землю почти так же сильно, как и взрыв, — бронемашина нырнула носом в русло реки, к дальней опоре моста, а длинный ствол ее пушки, врезавшись в то, что осталось от перил моста, переломился и резко выгнулся вверх под невероятным углом, как будто был сделан из картона.

— Умеет наш друг выбрать нужный момент, — тихо произнес Граф. Его сухой ироничный тон не вязался с выражением лица — сжатыми от горечи губами, едва сдерживаемой яростью. Он снял трубку полевого телефона, со злостью покрутил ручку и подождал. — Хидаш?.. Это Ховарт, — отчеканил Граф каждое слово. — Ты полоумный, ненормальный придурок! Ты знаешь, кого ты подстрелил?

— Откуда мне знать? Какое мне до этого дело?

Голос Хидаша перестал быть непринужденно учтивым, потеря бронемашины сильно подействовала на него.

— А вот какое тебе до этого дело. — Граф снова владел собой, и в его бархатном голосе теперь звучала угроза. — Ты подстрелил Янчи, и если он мертв, то тебе не помешает сопровождать нас, когда мы ночью будем пересекать границу с Австрией.

— Идиот! Ты что, спятил?

— Послушай и суди сам, кто из нас в здравом уме. Если Янчи мертв, нас больше не интересуют ни его жена, ни его дочь. Можете делать с ними все, что хотите. Если он мертв, мы к полуночи пересечем границу, и в течение суток первые полосы всех газет Западной Европы и Америки, всех

газет свободного мира будут пестреть аршинными заголовками статей об истории профессора Дженнингса. Ярости ваших хозяев в Будапеште и Москве не будет границ — и я хорошенько позабочусь о том, чтобы в каждой газете был опубликован подробный отчет о нашем побеге и о том, какую роль в нем сыграл ты, полковник Хидаш. Тебя ждет Черноморский канал — это если повезет, а может, Сибирь, но, скорее всего, ты, скажем так, просто исчезнешь. Если Янчи умрет, тогда не жить и тебе — и никто не знает это лучше, чем ты, полковник Хидаш.

Наступило долгое молчание. Наконец Хидаш прошептал хриплым шепотом:

— Майор Ховарт, может быть, он не умер.

— Вы можете только молиться об этом. Увидим — я собираюсь сейчас посмотреть. Если тебе дорога твоя жизнь, убери своих псов-убийц!

— Я немедленно отдаю приказ.

Граф положил трубку. Рейнольдс пристально смотрел на него:

— Вы это серьезно? Вы бы отдали им Юлю и ее мать?

— Боже, за кого вы меня принимаете?.. Простите, дружище, не хотел вас обидеть. Убедительно я говорил? Я блефую, но Хидаш не знает об этом,

и даже если бы он не был сейчас напуган как никогда в жизни и понимал бы, что, может быть, я блефую, он не осмелился бы даже попытаться вывести меня на чистую воду. Мы прижали его. Идемте, он, наверное, уже убрал своих собак.

Они вместе выбежали на дорогу и наклонились, чтобы осмотреть Янчи. Он лежал на спине, расслабленно раскинув руки и ноги, но дышал ровно и спокойно. Искать, куда попала пуля, не было нужды: красная кровь из длинной раны, тянувшейся от виска назад мимо уха, резко выделялась на фоне белоснежных волос. Граф низко наклонился, бегло осмотрел его, затем выпрямился.

— Никто не ожидал бы, что Янчи умрет так легко. — Граф широко улыбался, и это красноречиво говорило о том, что он почувствовал облегчение. — Его помяло, у него сотрясение, но я думаю, что даже не задело кость. С ним все будет хорошо — может, через пару часов. Помогите мне поднять его.

— Я его возьму. — Это сказал Шандор, только что появившийся сзади из леса, и мягко отстранил их. Он опустился, подхватил Янчи под спину и ноги и поднял так легко, как будто это был маленький ребенок. — Он серьезно ранен?

— Спасибо, Шандор. Нет, только вскользь зацепило… Ты отлично сработал с мостом. Отнеси его в грузовик и уложи поудобнее, ладно? Казак, кусачки, на телефонный столб — и жди моей команды. Мистер Рейнольдс, можете завести мотор, если вам не трудно. Машина, возможно, замерзла.

Граф, едва заметно улыбнувшись, снял трубку. На другом конце тревожно дышал Хидаш.

— Полковник Хидаш, ваш час еще не пробил. Янчи тяжело ранен, пуля попала в голову, но он будет жить. Теперь слушайте внимательно. До боли очевидно, что вам нельзя доверять, — хотя, надо сказать, мне это не только что стало известно. Мы не можем и не будем проводить обмен здесь — нет никакой гарантии, что вы сдержите слово, и есть все шансы, что вы его не сдержите. Езжайте по полю — понимаю, по снегу ехать трудно, но у вас есть люди, и это даст нам время, чтобы отправиться в путь, — и примерно через полкилометра вы будете у дощатого моста, который снова выведет вас на дорогу. Затем поезжайте прямо к переправе. Все понятно?

— Понятно. — Голос Хидаша снова стал немного увереннее. — Мы постараемся быть там как можно скорее.

— Вы будете там через час. Не позже. Мы не сделаем вам подарка, чтобы вы успели послать за подкреплением и отрезать пути отхода на запад. Кстати, не теряйте драгоценного времени, пытаясь вызвать помощь по этому телефону. Я сейчас перережу все провода и еще раз перережу их примерно в пяти километрах к северу отсюда.

— Но через час!.. — В голосе Хидаша вновь прозвучало смятение. — Пробраться через эти поля, занесенные снегом, — и кто знает, что представляет собой эта проселочная дорога к реке, о которой вы говорите. Если мы не доберемся туда за час…

— То нас там уже не будет.

Граф положил трубку, жестом велел Казаку перерезать провода, заглянул в кузов грузовика, чтобы убедиться, что Янчи лежит удобно, и поспешил в кабину. Рейнольдс завел двигатель, подвинулся, чтобы освободить Графу место за рулем, и через несколько секунд они, подскакивая на ухабах, уже выезжали из леса на главную дорогу и потом рванули на северо-восток, где сумерки начинали касаться заснеженных холмов под темным, свинцовым небом.

Почти стемнело, снова густо повалил снег и так валил и валил, пока Граф сворачивал с дороги,

ведущей к речке, на узкую ухабистую грунтовку. Они проехали по ней пару сотен метров и остановились у небольшого заброшенного каменного карьера. Рейнольдс вышел из глубокой задумчивости и удивленно посмотрел на Графа:

— Дом паромщика — вы отъехали от реки?

— Да. Переправа примерно в трехстах метрах отсюда. Оставить грузовик на виду у Хидаша, когда он будет на другом берегу, было бы для него слишком большим соблазном.

Рейнольдс кивнул и ничего не ответил — с того момента, как они покинули дом Янчи, он не произнес и десятка слов, всю дорогу молча сидел рядом с Графом и почти не обмолвился ни словечком с Шандором, помогая ему уничтожать мост, по которому они только что проехали. Мысли путались, его раздирали противоречивые чувства, снедало мучительное беспокойство, перед которым меркли все прежние тревоги. Самым ужасным во всем этом было то, что старик Дженнингс стал разговорчив и очень весел — таким он ни разу не был с тех пор, как Рейнольдс впервые увидел его, — и всеми силами старался подбодрить своих упавших духом спутников; и Рейнольдс подозревал, не имея для этого никаких оснований, что старый профес-

сор знает, несмотря на слова Графа, что идет на смерть. Было невыносимо, немыслимо, чтобы такому благородному старику позволили вот так умереть. Но если не умрет он, то непременно погибнет Юля. Рейнольдс сидел в сгущающейся темноте, стиснув до боли кулаки, но в глубине души знал, не признаваясь самому себе в своем решении, что ответ может быть только один.

— Шандор, как там Янчи?

Граф открыл смотровой люк в задней стенке кабины.

— Шевелится, — звучным мягким голосом сказал Шандор. — И что-то про себя шепчет.

— Отлично. Одной пулей в голову Янчи не прикончить. — Граф помолчал, затем продолжил: — Мы не можем оставить его здесь — слишком холодно, и я не хочу, чтобы он проснулся, не зная, где он, и не зная, где мы. Я думаю…

— Я отнесу его в дом.

Через пять минут они были у домика паромщика — небольшого строения из белого камня между дорогой и отлогим берегом реки, густо покрытым галькой. Ширина реки здесь достигала, наверное, чуть больше десяти метров, течение было очень медленное, и даже в почти полной темноте казалось, что в этом месте она должна

быть очень глубокой. Оставив своих друзей у двери дома паромщика, выходящей на реку, Граф и Рейнольдс спрыгнули с крутого берега на гальку и спустились к воде.

У лодки длиной около трех с половиной метров, с острыми носом и кормой, не было ни мотора, ни весел, а единственным средством передвижения служил канат, туго натянутый между железными столбами, укрепленными в бетоне по обеим сторонам реки. Канат проходил через привинченные блоки, по одному на каждом конце лодки и единственному на надстройке посредине, и пассажиры переправлялись с одного берега на другой, просто перебирая руками по канату. Рейнольдс никогда раньше не видел таких паромов, но вынужден был признать, что для двух женщин, скорее всего ничего не смыслящих в лодках, это была идеальная система. Граф словно услышал его мысли:

— То, что нужно, мистер Рейнольдс, как раз то, что нужно. Как и рельеф местности на другом берегу. — Он жестом указал на противоположный берег, на изгибающийся полумесяцем строй деревьев, отступающих от него и образующих ровное безлесое снежное пространство, не нарушенное ничем, кроме рассекающей его дороги, идущей

до самой кромки воды. — Эта местность как будто специально придумана, чтобы расхолодить нашего доброго друга полковника Хидаша, который, без сомнения, в этот самый момент тешит себя приятными видениями, как его люди скроются в засаде у самой воды, до зубов вооружившись пулеметами. Трудно было бы — говорю это со всей скромностью — выбрать более подходящее место для обмена… Пойдемте, постучимся к паромщику, которому предстоит совершить неожиданный и, несомненно, непривычный моцион.

Граф только поднял руку, чтобы постучаться, когда паромщик приоткрыл дверь. Он вытаращил глаза сначала на фуражку Графа с высокой тульей, потом на кошелек в его руке, и облизал вдруг пересохшие губы. В Венгрии не нужно было иметь нечистую совесть, чтобы тебя бросило в дрожь при виде сотрудника ДГБ.

— Вы один в доме? — строго спросил Граф.

— Да-да, один. Что… что случилось, товарищ? — Он попытался взять себя в руки. — Я ничего не сделал, товарищ, ничего!

— Все так говорят, — холодно произнес Граф. — Возьмите шапку и пальто и живо возвращайтесь.

Паромщик вернулся через несколько секунд,

натягивая на голову меховую шапку. Он хотел что-то сказать, но Граф поднял руку:

— Нам нужно на короткое время воспользоваться вашим домом с целью, которая вас не касается. Вы нас не интересуете. — Граф указал на дорогу, ведущую на юг. — Товарищ, прогуляйтесь бодрым шагом и возвращайтесь не раньше, чем через час. Когда вы придете, нас здесь уже не будет.

Паромщик недоверчиво посмотрел на него, беспокойно огляделся по сторонам в поисках ловушки, не увидел ее, затем, не говоря ни слова, шмыгнул за угол дома и вышел на дорогу. Через полминуты его ноги уже двигались, словно поршни, и он пропал из виду за поворотом.

— Со временем наводить на ближних смертельный страх становится все более неприятным занятием, — вздохнул Граф. — Нужно с этим кончать. Шандор, неси-ка, пожалуйста, Янчи в дом. — Граф прошел через маленькую прихожую в гостиную, остановился у двери, шумно выдохнул и обернулся. — Хотя нет, оставь его в прихожей. В этой комнате жара, как в адской печи, его тут только развезет еще больше. — Он внимательно смотрел на Янчи, пока Шандор подкладывал под него в углу верхнюю одежду и

подушки, взятые из гостиной. — Видишь, он уже открывает глаза, но все еще в оцепенении. Побудь с ним, Шандор, и дай ему самому прийти в себя… Да, братец? — Граф поднял бровь: в прихожую вбежал Казак. — Что-то не так?

— Полковник Хидаш и его люди, — выдохнул Казак. — Они приехали. Два их грузовика только что остановились возле самой воды.

— Вот как. — Граф вкрутил одну из своих сигарет в мундштук, зажег ее и швырнул спичку в открытый темный дверной проем. — Они могут быть пунктуальными. Пойдем поздороваемся с ними.

Глава 13

Граф прошел через прихожую, резко остановился и загородил выход рукой.

— Профессор Дженнингс, будьте добры, останьтесь в доме.

— Я? — Дженнингс удивленно уставился на него. — Остаться в доме? Мой дорогой друг, я единственный человек, который здесь не останется.

— Разумеется. Тем не менее пока побудете здесь. Шандор, проследи, чтобы он остался.

Граф повернулся и быстро зашагал прочь, не дав профессору ответить. Рейнольдс шел за ним по пятам. Тихо, с горечью он сказал:

— То есть вы хотите сказать, что достаточно одного меткого выстрела в сердце профессора, и полковник Хидаш сможет удалиться вместе с пленницами, довольный трудами этой ночи?

— Что-то в этом роде пришло мне в голову, — признался Граф.

Зыбкая галька хрустела под его ногами. Он остановился у лодки и оглядел темные холодные воды вяло текущей реки.

Грузовик и каждая фигура, каждый человек

хорошо просматривались на снежном фоне, но сделалось уже так темно, что почти невозможно было различить ни форму, ни черт лица, — видны были лишь черные, плоские силуэты. Узнать можно было только Коко благодаря его огромному росту. Один человек стоял впереди всех, у самой воды, и именно к нему обратился Граф:

— Полковник Хидаш?

— Я здесь, майор Ховарт.

— Хорошо, не будем терять времени. Предлагаю совершить обмен как можно быстрее. Ночь, полковник Хидаш, уже почти наступила, вы и при свете дня достаточно коварны, и одному богу известно, как вы себя поведете в темноте. Не хотелось бы задерживаться, чтобы выяснить это.

— Я выполню свое обещание.

— Не стоит употреблять слов, смысла которых вы не понимаете… Прикажите водителям сдать назад и отъехать к лесу. Вы и ваши люди тоже отступите туда. С такого расстояния — с двухсот метров — вы не сможете различить никого из нас. Иногда бывают случайные выстрелы, но сегодня для них не время.

— Мы сделаем все в точности так, как вы сказали. — Хидаш повернулся, отдал несколько команд, подождал, пока два грузовика и его люди

начнут отходить от берега реки, и затем обратился к Графу: — Что теперь, майор Ховарт?

— Вот что. Когда я подам вам сигнал, вы отпустите жену и дочь генерала, и они начнут идти к переправе. Одновременно доктор Дженнингс сядет здесь в лодку и переправится на другую сторону. Там он поднимется на берег, подождет, пока подойдут женщины, пройдет мимо них, когда они будут приближаться к реке, а затем медленно направится к вам. К тому моменту, когда он дойдет до вас, женщины должны переправиться, и будет уже слишком темно, чтобы кто-то с чьей-либо стороны мог добиться чего-то беспорядочной стрельбой. По-моему, идеальный план.

— Сделаем все так, как вы сказали, — повторил Хидаш.

Он повернулся, взошел на пологий берег и зашагал обратно к темной линии деревьев, стоявших вдалеке, а Граф смотрел ему вслед и задумчиво потирал подбородок.

— Какой-то он нынче слишком сговорчивый, как-то уж чересчур готов угодить, — пробормотал он. — Что-то… Тьфу! Моя невыносимо подозрительная натура. Что он может сделать? Время пришло. — Он позвал: — Шандор! Казак! — Когда

и тот и другой вышли из домика, он спросил у Шандора: — Как там Янчи?

— Сидит, немного еще качается. Голова у него сильно болит.

— Иначе и быть не могло. — Граф повернулся к Рейнольдсу. — Хочу сказать несколько слов Дженнингсу, наедине — Янчи и я. Надеюсь, вы понимаете. Я не задержу его, всего минутку, обещаю вам.

— Да пожалуйста, сколько угодно, — глухо произнес Рейнольдс. — Мне некуда спешить.

— Знаю, знаю. — Граф поколебался, хотел что-то сказать, но потом передумал. — Поможете спустить лодку на воду?

Рейнольдс кивнул, дождался, пока Граф скроется в доме, и повернулся, чтобы помочь перетащить лодку к воде по покрытому галькой берегу. Лодка оказалась тяжелее, чем выглядела, пришлось со скрежетом тащить ее по камням, но благодаря Шандору она была спущена на воду в считаные секунды и, попав в медленное течение, теперь мягко подергивалась на канате. Шандор и Казак вернулись наверх, а Рейнольдс остался на берегу. Постояв немного, он достал пистолет, проверил, заперт ли предохранитель, и сунул оружие в карман, не выпуская из руки.

Казалось, прошло всего несколько мгновений, но в дверях уже появился Дженнингс. Он что-то сказал — Рейнольдс не расслышал, затем послышался густой голос Янчи, потом заговорил Граф:

— Вы… Вы простите меня за то, что я остаюсь здесь, доктор Дженнингс. — Граф колебался и говорил неуверенно — впервые за все то время, что Рейнольдс знал его. — Просто… я бы предпочел…

— Я все понимаю. — Голос Дженнингса был ровным и спокойным. — Не терзайтесь, друг мой, и спасибо вам за все, что вы для меня сделали.

Дженнингс резко отвернулся, взял Шандора за руку, которую тот протянул ему, чтобы помочь спуститься с высокого берега, и, спотыкаясь, сгорбившись, неловко побрел по гальке — до этого момента Рейнольдсу как-то не бросалось в глаза, что старик сильно сутулится. Из-за вечернего холода его воротник был высоко поднят, полы тонкого пальто трогательно хлопали его по ногам. Рейнольдс почувствовал, как сердце его разрывается от жалости к этому беззащитному, благородному старику.

— Конец пути, мой мальчик. — Дженнингс был по-прежнему спокоен, но говорил чуть хрипло. — Простите меня, мне ужасно жаль, что я доставил вам столько неприятностей — и все зря. Вы про-

делали долгий путь, очень долгий, и вот теперь — это. Для вас, должно быть, это тяжелый удар.

Рейнольдс ничего не ответил, он не был уверен, что подберет какой-то ответ, но уже доставал из кармана пистолет.

— Я кое-что забыл сказать Янчи, — пробормотал Дженнингс. — Do widzenia — передайте ему эти слова. Просто «do widzenia!». Он поймет.

— Я не понимаю, да и не важно. — Дженнингс двинулся к лодке и ахнул, наткнувшись на ствол пистолета, который неподвижно держал Рейнольдс. — Вы никуда сейчас не идете, профессор Дженнингс. Вы сами сможете ему это сказать.

— Что случилось, мой мальчик? Я вас не понимаю.

— Тут нечего понимать. Вы просто никуда не идете.

— Но тогда… но тогда, Юля…

— Я знаю.

— Но… но Граф сказал, что вы хотите на ней жениться!

Рейнольдс молча кивнул.

— И вы готовы… то есть вы откажетесь от нее…

— Есть кое-что важнее.

Рейнольдс произнес это настолько тихо, что

Дженнингсу пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать слова.

— Это ваше последнее слово?

— Да, это мое последнее слово.

— Я вполне удовлетворен, — произнес Дженнингс. — Больше мне ничего не нужно слышать.

Он повернулся, чтобы пойти обратно по гальке, и, когда Рейнольдс уже убирал пистолет в карман, со всей силы толкнул его. Рейнольдс потерял на предательских камнях равновесие, упал назад и ударился головой о камень, на мгновение почти потеряв сознание. К тому времени, когда он встряхнулся и, пошатываясь, поднялся на ноги, Дженнингс успел что-то громко прокричать — только много позже Рейнольдс понял, что это был сигнал Хидашу отправить Юлю и ее мать к ним, — влезть в лодку, и та уже пересекла половину реки.

— Вернитесь, вернитесь, дурак чокнутый! — хрипло закричал взбешенный Рейнольдс и, совершенно не отдавая себе отчета в тщетности своих действий, стал яростно дергать за канат, протянутый через реку, но потом вспомнил, что канат закреплен и лодка передвигается совершенно независимо от него.

Дженнингс не обратил внимания на его крик,

даже не оглянулся. Нос лодки заскрежетал по гальке противоположного берега, когда Рейнольдс услышал, как от двери домика паромщика его сипло зовет Янчи.

— Что случилось? Что происходит?

— Ничего, — сказал Рейнольдс устало. — Все идет по плану. — Словно на свинцовых ногах, он взобрался на берег и посмотрел на Янчи, на его седые волосы и лицо, на кровь, запекшуюся с одной стороны от виска и до подбородка. — Вам лучше умыться. Ваши жена и дочь будут здесь с минуты на минуту — я уже вижу, как они идут по открытому пространству.

— Я не понимаю. — Янчи прижал руку к голове.

— Не важно. — Рейнольдс нашарил сигарету и закурил. — Мы выполнили нашу часть сделки, и Дженнингс отправился к ним. — Он посмотрел на сигарету, светящуюся в его сложенной чашечкой руке, затем поднял глаза. — Я забыл. Он просил передать вам слова «do widzenia».

— Do widzenia? — Янчи отнял руку от головы и в замешательстве уставился на кровь, оставшуюся на пальцах, а потом как-то странно посмотрел на Рейнольдса. — Он это сказал?

— Да. Он сказал, вы поймете. Что это значит?

— «Прощайте» — польский вариант «Auf Wiedersehen». «До свидания».

— Боже мой, боже мой! — чуть слышно произнес Рейнольдс.

Он щелчком отправил сигарету в темноту, повернулся и медленными шагами прошел через прихожую в гостиную. В дальнем углу, у камина, стоял диван, и старый Дженнингс, без шляпы и пальто, качая головой из стороны в сторону, пытался принять сидячее положение. Рейнольдс, за которым чуть позади шел Янчи, пересек комнату и, положив руку старику на плечо, попробовал его успокоить.

— Что случилось? — мягко спросил Рейнольдс. — Граф?

— Он был здесь. — Дженнингс потер болевшую челюсть. — Вошел, достал из сумки две гранаты и положил их на стол. Я спросил, для чего гранаты, он ответил: «Если они собираются вернуться в Будапешт на этих грузовиках, то их ждут адские неприятности». Потом подошел и пожал мне руку — и это все, что я помню.

— Так все и было, профессор, — тихо ответил Рейнольдс. — Подождите здесь. Мы скоро вернемся, и самое большее в течение двух суток вы увидите своих жену и сына.

Рейнольдс и Янчи вышли в прихожую. Янчи сказал:

— Граф. — В его голосе звучала теплота, что-то похожее на благоговение. — Он умрет, как жил, — никогда не думая о себе. Гранаты на случай, если они отрежут нас от границы.

— Гранаты! — В глубине души Рейнольдса медленно нарастал гнев, перемешанный с тоской, — странный гнев, какого он никогда раньше не испытывал. — В такой час вы говорите о гранатах! Я думал, он ваш друг.

— Такого друга, как он, больше не найти, — просто и убежденно сказал Янчи. — Это лучший друг, который был у меня когда-нибудь, другого не будет, а раз так, я не стал бы его останавливать, даже если бы мог. Граф хотел умереть, он хотел умереть с тех пор, как я его знаю, просто для него было делом чести откладывать это как можно дольше, чтобы дать как можно большему числу страдающих людей возможность жить, быть свободными и счастливыми, прежде чем он сам получит возможность умереть. Вот почему для Графа не существовало такого понятия, как риск: он каждый день своей жизни играл со смертью, но не открыто, и я всегда знал, что, когда выпадет шанс, которым можно будет воспользоваться с

честью, он ухватится за него обеими руками. — Янчи покачал окровавленной головой, и в свете, льющемся из гостиной, Рейнольдс увидел, что его выцветшие серые глаза затуманены слезами. — Вы молоды, Михаил, вы не можете представить себе, как это тоскливо, бессмысленно, ужасающе пусто — проживать один нескончаемый день за другим, когда желание жить уже давно в вас умерло. Я такой же эгоист, как и любой другой человек, но не настолько, чтобы покупать свое счастье за счет его счастья. Я любил Графа. Пусть сегодня ночью снег ему будет пухом.

— Мне искренне жаль, Янчи, — с непритворной печалью произнес Рейнольдс, и он знал в глубине души, что ему действительно очень жаль, но чего или кого, он бы в этот момент не смог сказать: он точно знал лишь, что огонь гнева в нем медленно нарастает, разгораясь сильнее, чем когда-либо.

Они стояли у входной двери, и Рейнольдсу пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть хоть что-нибудь на белоснежном пространстве по ту сторону реки. Он ясно увидел Юлю и ее мать, медленно продвигающихся к берегу. Графа пока нигде не было видно. Но зрение постепенно набирало силу после того, как яркий свет комнаты остался позади, и наконец он различил его

движущуюся фигуру — едва заметное размытое пятно на фоне темной линии леса. Рейнольдс вдруг понял, что Граф находится слишком близко к деревьям, а Юля с матерью не прошли и половины открытого пространства.

— Смотрите! — Рейнольдс схватил Янчи за руки. — Граф почти на месте, а Юля и ваша жена едва двигаются. Во имя всего святого, что с ними такое? Их поймают, их застрелят — а это что, черт возьми, было?

Громкий всплеск в тишине ночи ошеломил его своей неожиданностью, словно гром среди ясного неба. Он выбежал на берег и увидел, что холодная темная вода реки вскипает и пенится от ударов невидимых рук: Шандор заметил опасность раньше, сбросил с себя шинель и китель, и мощные руки понесли его к противоположному берегу, как торпеду.

— Михаил, с ними что-то случилось. — Янчи тоже был уже на берегу, в его голосе звучали напряжение и тревога. — Одна еле идет — это, наверное, Катерина, — видите, она едва передвигает ноги. Как все это выдержит Юля…

Шандор был уже на той стороне, он вышел из воды, прошагал по гальке и без усилий поднялся на метровый уступ, как будто его здесь не было. И

едва он оказался наверху, они услышали гулкий взрыв — наверняка это была граната, — донесшийся из леса за открытым пространством, затем новый взрыв, когда отзвуки первого взрыва еще не погасли среди деревьев, и сразу за этим отрывистый треск автоматического карабина. Потом повисла тишина.

Рейнольдс поморщился и посмотрел на Янчи, но было очень темно, и выражения его лица было не разглядеть, он только слышал, как тот что-то бормочет себе под нос, но слов Рейнольдсу было не разобрать: похоже, Янчи бормотал на украинском. Времени на то, чтобы выяснять это, не оставалось: возможно, как раз в этот момент Хидаш уже склонился над человеком, которого он принял за профессора Дженнингса…

Шандор подбежал к женщинам, обхватил обеих за плечи и устремился с ними по покрытому коркой снегу обратно к реке — можно было подумать, что он ведет за руки двух быстроногих бегунов, хотя на самом деле он фактически нес их на себе. Обернувшись, Рейнольдс увидел Казака, тот стоял за его спиной.

— У нас неприятности, — быстро объяснил Рейнольдс. — Беги в дом, выставь в окно пистолет-пулемет и, когда Шандор будет ниже

уровня…

Но Казак уже мчался к дому, раскидывая ногами гальку. Рейнольдс снова повернул голову, сжимая и разжимая кулаки от волнения и досады на свою беспомощность. Осталось тридцать ярдов, двадцать пять, двадцать, а из леса, как ни странно, по-прежнему не доносилось ни звука, там не было никакого движения, и Рейнольдс уже начал было надеяться на чудо, когда услышал возбужденные крики со стороны деревьев, отрывистую, как лай собаки, команду, и тут же раздался трескучий кашель-стаккато автоматического карабина. Первые пули просвистели в нескольких дюймах от головы Рейнольдса. Он мгновенно упал на гальку, увлекая за собой Янчи, и стал в бессилии бить по камням ладонью, а пули, не задевая их, с жалобным воем пролетали над головами. Но даже в этот момент он успел удивиться: почему стреляет только один человек? Почему Хидаш не пустил в ход весь свой арсенал?

Затем, хотя звук и заглушался толстым покровом снега, до слуха Рейнольдса донеслись глухие удары ног, и через мгновение, окруженный взвихренным снегом, Шандор, как разъяренный бык, спрыгнул с уступа противоположного берега,

держа на весу Юлю и ее мать. Со скрежетом и хрустом они приземлились на рассыпающуюся под ногами гальку, пролетев не менее десяти футов. Шандор, спотыкаясь, еще пытался восстановить равновесие на предательских камнях берега, как заработал пулемет — это Казак рассчитал время так, чтобы не потерять ни секунды. Вряд ли он мог кого-то разглядеть на темном фоне деревьев, но вражеский пулемет выдал свое положение красным огнем, вырывавшимся из ствола. Почти сразу стрельба из леса затихла.

Шандор успел добежать до лодки и уже сажал в нее первую из своих спутниц. Мгновение спустя он посадил вторую, одним мощным рывком протащил перегруженную лодку по гальке и с такой силой начал перебирать руками по канату, что вода, кипящая у форштевня, образовала носовую волну, сверкавшую белизной даже в темноте ночи.

Янчи и Рейнольдс, поднявшись на ноги, стояли с вытянутыми руками у кромки воды, готовые встретить лодку и вытащить на берег, когда меньше чем в сотне футов над их головами раздалось шипение, тихий треск, вспыхнул ослепительный белый свет, и почти сразу же открыли огонь пулемет и несколько винтовок — снова из-за

деревьев, но гораздо дальше к югу, оттуда, где лес изгибался, подходя к реке.

— Сбей ракету! — крикнул Рейнольдс Казаку. — Не обращай внимания на дэгэбэшников. Сбей эту чертову ракету!

Ослепленный ярким светом, он бросился в реку, услышал, как Янчи прыгает за ним следом, негромко выругался, когда бортом лодки его больно ударило в коленную чашечку, схватился за планширь, рывком вытащил лодку на пологий галечный берег, пошатнулся, когда одна из пассажирок, неосторожно вставшая в лодке, подалась вперед, на него, удержался на ногах и подхватил ее на руки как раз в тот момент, когда сигнальная ракета над рекой погасла так же внезапно, как и вспыхнула. В эту ночь Казак проявил себя на все сто. А из леса за рекой по-прежнему продолжались кашель и болтовня стрельбы — оттуда уже стреляли по памяти, и пули свистели и отскакивали от камней совсем рядом.

Рейнольдс не сомневался в том, кто у него на руках: наверняка это жена Янчи, Юля не могла быть настолько хрупкой и легкой. После ослепляющего света ракеты темнота стала совсем непроницаемой. Ориентируясь на усеянный галькой склон, Рейнольдс шагнул вперед и чуть

не рухнул на камни от боли в парализованном на мгновение колене. Он высвободил одну руку, ухватился за туго натянутый канат, чтобы устоять на ногах, и услышал удар, как будто кто-то упал на землю. Мимо пробежал кто-то, послышались шаги человека, тот тоже поднимался наверх, и Рейнольдс со стиснутыми зубами, превозмогая боль, захромал по гальке так быстро, насколько мог. Просвистевшая пуля задела рукав пальто. Трехфутовый уступ берега, на который нужно было забраться с болевшей ногой, да еще держа на руках женщину, казался ему непреодолимым препятствием, но тут чьи-то сильные руки подхватили его, и он оказался на самом верху уступа с женщиной на руках, не успев толком понять, что происходит.

Прямоугольник бледного света — дверь дома паромщика — был не далее чем в десяти футах, и хотя пули бились о каменную кладку и с воем улетали в темноту, Янчи, первым добравшийся до дома, снова появился в проеме двери, рискованно стоя на фоне света. Рейнольдс хотел было крикнуть, предупредить, но передумал: если кто-то из стрелков взял его на прицел — а на это нужно всего каких-то пару секунд, — живым Янчи не быть. Рейнольдс двинулся вперед, услышал, как

женщина, которую он нес, что-то сказала, интуитивно, не понимая слов, понял, чего она хочет, и осторожно поставил ее на ноги. Она неуверенно сделала два-три шага и бросилась в протянутые руки того, кто ее ждал, тихо повторяя: «Алекс! Алекс!» Потом женщину охватила дрожь, она тяжело привалилась к нему, словно бы ее ударили сзади, и это было все, что Рейнольдс успел увидеть: Шандор втащил всех в прихожую и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Юля полусидела-полулежала в дальнем конце коридора. Ее пытался поддержать встревоженный доктор Дженнингс. Рейнольдс в два шага оказался около девушки и опустился на колени. Веки ее были закрыты, лицо бледное, на лбу виднелся намечающийся синяк, дышала она неглубоко, но ровно.

— Что с ней? — хрипло спросил Рейнольдс. — Ее… ее…

— С ней все будет хорошо. — Звучный голос Шандора за его спиной звучал обнадеживающе. Он наклонился, поднял Юлю на руки и повернулся лицом к гостиной. — Она упала, когда вылезала из лодки, и, похоже, ударилась головой о камни. Я отнесу ее на диван.

Рейнольдс смотрел, как великан, с промокшей

одежды которого не переставая капала вода, понес девушку, как малого ребенка, в гостиную. Медленно встав, он чуть не столкнулся с Казаком. Лицо юноши сияло от восторга.

— Тебе надо быть у окна, — тихо напомнил Рейнольдс.

— Уже не надо. — Казак улыбался во все лицо. — Они перестали стрелять и ушли к машинам — я слышал их голоса в лесу. Мистер Рейнольдс, я пристрелил двоих. Двоих! Я видел, как они упали, когда светила ракета, как раз перед тем, как вы крикнули мне сбить ее.

— Да, я так и понял. — Рейнольдс кивнул. Вот почему больше не выпускались ракеты: обоюдоострое оружие в руках Хидаша для него же обернулось катастрофой. — Ты всех нас спас этой ночью. — Он похлопал гордого юношу по плечу, повернулся к Янчи и замер.

Янчи стоял на коленях на грубом деревянном полу, обняв руками жену. Рейнольдс видел женщину со спины и сразу заметил в ее пальто под левым плечом круглое отверстие с красными краями. Отверстие было совсем маленькое, крови было немного, и пятно не расползалось широко. Рейнольдс медленно прошел по коридору и опустился рядом с Янчи на колени. Янчи поднял

белую, испачканную кровью голову и посмотрел на него невидящими глазами.

— Она мертва? — прошептал Рейнольдс.

Янчи молча кивнул.

— Боже мой! — Каждая черточка лица Рейнольдса показывала, как он потрясен. Умереть! И не когда-нибудь, а сейчас!

— Михаил, Бог милосерден, и Его понимание намного выше моих заслуг. Только сегодня утром я спрашивал Его, почему Он не дал Катерине умереть, почему Он не сделал так, чтобы она умерла… Он простил мне мое самомнение. Он гораздо лучше меня знает, что кому нужно. Михаил, Катерина умерла еще до того, как ее настигла пуля. — Янчи покачал головой, как человек, восхищающийся величием всего происходящего. — Может ли быть что-либо прекраснее, Михаил, чем уйти с этой земли без боли в минуту своего величайшего счастья? Смотрите! Посмотрите на ее лицо — видите, как она улыбается.

Рейнольдс только молча кивнул. Ему нечего было сказать, он не мог подобрать слова, его разум оцепенел.

— Мы оба благословлены. — Янчи говорил почти бессвязно, как будто с самим собой; он разжал руки, чтобы можно было смотреть на

лицо жены, и голос его звучал мягко от воспоминаний. — Михаил, годы были добры к ней, время любило ее почти так же сильно, как и я. Двадцать лет назад, двадцать пять лет назад летней ночью мы плыли по Днепру — и сейчас я вижу ее такой, какой видел тогда. Время не тронуло ее. — Он сказал что-то очень тихо, и Рейнольдс его не расслышал, но затем голос Янчи вновь зазвучал отчетливее. — Михаил, помните ее фотографию, ту самую, на которой, как вам показалось, Юля получилась более чем удачно? Теперь вы видите: это не мог быть никто другой.

— Да, Янчи, это не мог быть никто другой, — эхом отозвался Рейнольдс. Он вспомнил фотографию смеющейся красивой девушки и посмотрел вниз, на мертвую голову, лежащую на руках Янчи, на тонкие седые волосы, на серое лицо, изможденное, истощенное, — ему никогда раньше не приходилось видеть таких лиц, ужасно измученное лицо, изрезанное глубокими морщинами преждевременной старости из-за немыслимых лишений и невзгод, и он почувствовал, что глаза его слепнут. — Это не мог быть никто другой, — повторил Рейнольдс. — На портрете она вышла не совсем удачно.

— Я так и говорил Катерине, я всегда ей это

говорил, — пробормотал Янчи.

Он отвернулся, низко склонив голову, и Рейнольдс понял, что он хочет остаться один. Пошатываясь, точно слепой, Рейнольдс встал, нащупал рукой стену, чтобы опереться на нее, и медленно пошел прочь. Оцепенение его разума нехотя уступило место сначала путаному водовороту противоречивых мыслей и чувств, затем все это постепенно прояснилось и успокоилось, и в голове осталась только одна мысль, одна твердая, неколебимая цель. Тихий гнев, который тлел в нем весь вечер, теперь разгорелся в мощное белое пламя, поглотившее его ум, его мысли, исключив все остальное. Но когда он тихо заговорил с Шандором, в нем нельзя было бы заподозрить даже намека на эту пылающую ярость.

— Можно попросить тебя пригнать сюда грузовик?

— Сейчас, — пообещал Шандор. Он жестом указал на девушку, лежащую на диване. — Приходит в себя. Нам нужно спешить.

— Спасибо. Мы не задержимся. — Рейнольдс отвернулся и посмотрел на Казака. — Казак, проследи тут за всем. Я быстро.

Он прошагал по коридору, прошел мимо Янчи и Катерины, даже не посмотрев на них, взял

прислоненный к стене карабин и вышел, тихо затворив за собой дверь.

Глава 14

Рейнольдса пронизал могильный холод темной, медленно текущей воды, но он даже не почувствовал ее ледяного прикосновения, и хотя все его тело непроизвольно содрогнулось, когда он бесшумно скользнул в реку, разум даже не заметил этого. В его сознании не осталось места ни для физических ощущений, ни для чувств, ни для каких-либо мыслей, кроме одного, до крайности простого, первобытного желания, желания, сбросившего с него тонкую оболочку цивилизации, словно этой защиты никогда не было, — желания отомстить. Отомстить или убить — в тот момент для Рейнольдса не существовало разницы между этими действиями, ее, эту разницу, не допускала абсолютная непоколебимость цели. Тот испуганный парень в Будапеште, жена Янчи, несравненный Граф — все были мертвы. Они мертвы прежде всего потому, что он, Рейнольдс, ступил на землю Венгрии, но не он стал их палачом: за это в ответе только злой гений Хидаша. Хидаш живет слишком долго.

Высоко подняв над головой карабин, Рейнольдс

пробился сквозь тонкую пленку трескающегося льда, тянувшуюся от противоположного берега, нащупал ногами дно и выбрался на сушу. Наклонившись, он насыпал в расправленный носовой платок несколько пригоршней мелких камешков и песка, связал углы и двинулся дальше, даже не задержавшись, чтобы выжать одежду или стряхнуть с нее ледяную воду.

Прежде чем переплыть реку, он пробежал ярдов двести вниз по течению и теперь оказался на краю леса, изгибом уходившего к востоку и югу от дороги, где стояли два грузовика. Здесь, в тени деревьев, его не было видно, а так как земля под их грузными ветвями была покрыта очень тонкой коркой смерзшегося снега, его незаметную поступь едва ли услышали бы и с расстояния в десять футов. Он осторожно переходил от дерева к дереву, взяв карабин на ремень. Носовой платок с увесистым грузом в его руке плавно покачивался.

При всех мерах предосторожности, передвигаясь крадучись, он все-таки перемещался довольно быстро и уже через три минуты выглядывал из-за дерева рядом со стоящими грузовиками. Никого не было ни видно, ни слышно, задние двери грузовиков были закрыты, вообще не наблюдалось

никаких признаков жизни. Рейнольдс выпрямился, приготовившись проскользнуть по снегу к машине Хидаша, но застыл в неподвижности, прижавшись к древесному стволу. Из-за машины вышел человек и направился в его сторону.

Сначала Рейнольдс подумал, что тот его заметил, но почти сразу отмел эту мысль и расслабился. Солдаты ДГБ не ходят охотиться на вооруженных врагов в темном лесу с оружием под мышкой и зажженной сигаретой в руке. Часовой, очевидно, просто прохаживался, чтобы на таком холоде разогнать кровь. Он прошел мимо в шести футах от Рейнольдса, и, когда начал удаляться, Рейнольдс не стал больше ждать. Он сделал большой шаг от дерева, замахнулся правой рукой и, когда часовой начал разворачиваться и открыл уже было рот, чтобы закричать, страшной силы удар платком с песком и камнями пришелся ему по затылку. Рейнольдс успел подхватить солдата вместе с оружием и бесшумно положить его на землю.

Сделав с полдесятка шагов, Рейнольдс с карабином в руке оказался перед коричневым грузовиком, у которого взрывом гранаты Графа был сорван капот и поврежден мотор. Затем он молча переместился к фургону Хидаша, и по до-

роге так пристально приглядывался к его задней двери, что едва не споткнулся об обмякшее тело, лежавшее на земле. Рейнольдс наклонился. Он понимал, кто это может быть, но, увидев глазами, был так потрясен, что крепко сжал ствол карабина, как будто хотел расплющить его.

Граф лежал на снегу лицом вверх, фуражка ДГБ по-прежнему обрамляла худое аристократическое лицо, точеные орлиные черты которого после смерти стали еще более отрешенными. Нетрудно было понять, как он умер: пулеметной очередью ему вырвало половину груди. Его пристрелили как собаку и как собаку бросили лежать в темноте этой скорбной ночи, и мягко падающий снег уже начал покрывать холодное мертвое лицо. Движимый каким-то странным порывом, Рейнольдс снял с Графа ненавистную фуражку ДГБ, запустил ее в темноту, достал из нагрудного кармана мертвеца носовой платок, испачканный кровью, и бережно положил его на лицо Графа. Потом встал и подошел к двери мобильного штаба Хидаша.

К двери вели четыре деревянных ступеньки, и Рейнольдс по-кошачьи бесшумно поднялся по ним, встал на колени на верхней и заглянул в замочную скважину. За секунду он увидел то, что

ему нужно было увидеть: слева — стул, справа — застеленная койка, а в дальнем конце — стол, к которому было привинчено что-то вроде беспроводного передатчика. Хидаш, он стоял спиной к двери, как раз садился за стол, и, когда его правая рука начала крутить ручку, а левая подняла трубку, Рейнольдс понял, что это не передатчик, это радиотелефон. Им нужно было об этом подумать. Хидаш не из тех, кто передвигается по стране без доступных ему средств быстрой связи, и сейчас, когда небо прояснялось, он почти наверняка вызовет авиацию в последней, отчаянной попытке остановить их, но теперь это не имеет значения. Уже слишком поздно, да и не важно — ни для тех, кого Хидаш преследует, ни для самого Хидаша.

Нащупав ручку и открыв хорошо смазанную дверь, Рейнольдс тенью проскользнул внутрь, но дверь закрыл за собой не полностью. Хидаш, чье ухо заполнял треск телефонного вызова, ничего не услышал. Рейнольдс сделал три шага вперед, сжимая в обеих руках ствол карабина, а приклад высоко подняв над головой, и, когда Хидаш начал говорить, с размаху рубанул им через плечо полковника по хрупкому механизму — тот разлетелся вдребезги.

Хидаш на секунду оцепенел в изумлении, за-

тем резко развернулся на стуле, но упустил то единственное мгновение, когда можно было еще что-нибудь предпринять: Рейнольдс находился уже в двух шагах от него, повернув ствол карабина вперед и нацелив его Хидашу в сердце. От потрясения лицо Хидаша превратилось в каменную маску, двигались только губы, но сквозь них не вылетало ни звука. Рейнольдс медленно отступил назад, взял ключ, лежавший на койке, нащупал замочную скважину и запер дверь, не сводя глаз с полковника. Затем он снова прошел вперед и остановился, когда от дула карабина, крепко сжимаемого в его руках, до человека, сидящего на стуле, оставалось каких-нибудь тридцать дюймов.

— Полковник Хидаш, вы, кажется, удивлены, увидев меня, — негромко произнес Рейнольдс. — Вам не следовало бы удивляться — вам, как никому другому. Поднявший меч, как вы его подняли, должен лучше других знать, что этот момент наступает для каждого из нас. Сегодня он настал для вас.

— Вы пришли убить меня.

Это был не вопрос, а утверждение. Хидаш слишком часто наблюдал за смертью со стороны, чтобы не узнать ее, когда она повернулась к

нему лицом. Потрясенное выражение медленно сходило с его лица, но страх еще не пришел ему на смену.

— Убить вас? Нет. Я пришел вас казнить. Убийство — это то, что вы сделали с майором Ховартом. Есть ли хоть одна причина, по которой я не должен хладнокровно пристрелить вас так же, как вы пристрелили его? У него ведь даже не было при себе оружия.

— Он был врагом государства, врагом народа.

— Господи! Вы пытаетесь оправдать свои действия?

— Они не нуждаются в оправдании, капитан Рейнольдс. Долг никогда в нем не нуждается.

Рейнольдс смотрел на него в упор:

— Вы пытаетесь найти для себя извинение или таким образом просите сохранить вам жизнь?

— Я никогда никого ни о чем не прошу.

В голосе еврея не звучало ни гордости, ни высокомерия — было одно достоинство.

— Имре — тот парень в Будапеште. Он умер медленной смертью.

— Он утаивал важную информацию. Нам было очень важно получить ее быстро.

— Жена генерал-майора Иллюрина. — Рейнольдс говорил быстро, пытаясь отогнать

растущее ощущение нереальности происходящего. — Ее вы зачем убили?

В первый раз на тонком, умном лице мелькнула тень какого-то чувства, но она исчезла так же быстро, как и появилась.

— Про это я не знал. — Он наклонил голову. — В мои обязанности не входит война с женщинами. Я искренне сожалею о ее смерти — хотя она и так уже умирала.

— Вы отвечаете за действия своих головорезов из ДГБ?

— Моих людей? — Он кивнул. — Они получают от меня приказы.

— Ее убили они — но вы отвечаете за их действия. Поэтому вы несете ответственность за ее смерть.

— Если вы так это формулируете, то да.

— Если бы не вы, эти трое были бы сейчас живы.

— Не знаю, как насчет жены генерала. Что касается двоих других — да.

— Есть ли тогда — спрашиваю в последний раз — хоть одна причина, по которой я не должен вас сейчас же убить?

Полковник Хидаш некоторое время молча смотрел на него, потом слабо улыбнулся. Рейнольдс

мог поклясться, что улыбка его была немного грустной.

— Причин для этого много, капитан Рейнольдс, но нет ни одной, которая убедила бы вражеского агента, засланного с Запада.

Все дело оказалось в слове «Запад», но Рейнольдс понял это лишь много позже. Он знал только, что вдруг отчего-то открылся затвор шлюза, выпустив в его сознание поток картин и воспоминаний — картин того, как Янчи разговаривает с ним в своем будапештском доме, в мрачной камере мучительных пыток тюрьмы «Сархаза», в деревенском доме, когда на его лицо падал свет огня, и воспоминаний о том, что говорил Янчи, что он настойчиво повторял снова и снова со страстной убежденностью, которая вбила некоторые идеи в его сознание так глубоко, как Рейнольдс никогда не мог бы ожидать. Рейнольдс сознательно, отчаянно вытеснил из головы все, о чем говорил Янчи, все мысли и картины. Он выдвинул карабин еще на шесть дюймов вперед.

— Полковник Хидаш, встать!

Хидаш поднялся, стоя лицом к нему, свесил руки по бокам и внимательно смотрел на карабин.

— Ну что, полковник Хидаш, чисто и быстро?

— Как вам будет угодно. — Он поднял глаза от

побелевшего указательного пальца Рейнольдса и встретился с его взглядом. — Я не стану вымаливать для себя то, в чем было отказано многим из моих жертв.

Еще долю секунды Рейнольдс продолжал усиливать давление на спусковой крючок, но затем, словно что-то щелкнуло у него внутри, он расслабился и отступил на шаг. Белое пламя гнева продолжало гореть в груди, гореть так же ярко, как и прежде, но при этих последних словах, словах человека, совсем не боящегося умереть, он почувствовал, как горечь поражения разливается в нем с такой силой, что Рейнольдс ощутил во рту ее вкус. Когда он заговорил, его голос был напряженным и хриплым, как будто принадлежал не ему, а кому-то другому:

— Кругом!

— Спасибо, нет. Предпочитаю умереть так.

— Кругом, — свирепо повторил Рейнольдс, — или я разобью вам коленные чашечки и разверну вас сам.

Хидаш посмотрел на его лицо, увидел, что Рейнольдс непреклонен, пожал плечами, смиряясь с неизбежным, отвернулся и, когда приклад ударил его по затылку, без единого звука рухнул на стол. Некоторое время Рейнольдс смотрел на упавшего

полковника, потом выругался с горькой яростью, направленной не на Хидаша, лежащего перед ним, а на самого себя, повернулся и вышел из фургона.

Когда он спускался по ступенькам, его охватило чувство пустоты, едва ли не отчаяния. Он уже не особенно старался не выдать своего присутствия, ярость внутри его все еще не нашла выхода, и, хотя Рейнольдс не признался бы в этом даже самому себе, он обрадовался бы возможности направить карабин на людей из ДГБ, которые сейчас находились в другом грузовике, и без всяких угрызений совести расстрелять их, когда они высыпали бы наружу, а за ними горел бы свет, так же как они застрелили жену Янчи в проеме двери в доме паромщика. Вдруг он замедлил шаг, остановился и замер: до него только сейчас дошло то, что он должен был понять еще несколько минут назад, если бы не был так увлечен сведением счетов с полковником Хидашем. В коричневом грузовике было не просто тихо — там было подозрительно тихо.

Рейнольдс добежал до борта грузовика и прижался к нему ухом. Ничего не было слышно, вообще ничего. Он подбежал к задней двери, распахнул ее и заглянул внутрь. Ничего не вид-

но, внутри кромешная тьма, но ему и не нужно было ничего видеть: грузовик пуст, никто там не шевелился, даже не дышал.

Внезапно открывшаяся ему правда поразила его с такой страшной силой, что он на мгновение оцепенел, лишился какой-либо способности действовать, — Рейнольдс способен был сейчас лишь прочувствовать всю чудовищность своей ошибки, ужасающую легкость, с которой его так жестоко обманули. Он мог бы догадаться — Граф подозревал это еще в самом начале, — что полковник Хидаш никогда не смирится с поражением, никогда не сдастся, тем более с такой покорной легкостью. Граф никогда бы на это не купился, никогда. Люди Хидаша, вероятно, уже двинулись к югу, чтобы переправиться через реку, и вышли тогда, когда была выпущена сигнальная ракета, а он и Казак слепо приняли за чистую монету их шумно инсценированный отход через лес. Сейчас они, должно быть, уже там, то есть они наверняка там, а его, Рейнольдса, нет с друзьями в тот самый момент, когда он нужен им, как никогда раньше, и в довершение всех глупостей, наделанных им за эту ночь, он отправил за грузовиком Шандора, человека, который мог бы их всех спасти. С Янчи остались только мальчишка да старик, а еще там

Юля. При мысли о Юле и о зловеще ухмыляющемся уродливом рыле великана Коко в голове у Рейнольдса что-то щелкнуло и вывело его из оцепенения.

До берега реки было двести метров, двести метров земли, покрытой мерзлым глубоким снегом. Рейнольдс был измотан бессонницей и лишениями последних дней, тяжелые ботинки и промокшая одежда тянули вниз, но он пробежал это расстояние так быстро, как не бегал никогда раньше. У него словно выросли крылья, и снег вылетал из-под ботинок до уровня плеч — не от гнева, хотя он по-прежнему кипел в нем, а от страха, какого он прежде не испытывал.

Но этот страх не сковал, не парализовал его, а, казалось, наоборот, обострил все чувства и сделал ум необыкновенно ясным. Он, неистово размахивая руками, резко замедлил бег, приблизился к берегу реки, бесшумно перевалился через уступ на гальку, крадучись по-кошачьи, спустился к воде и без малейшего всплеска бросился в ледяной поток. Двигаясь плавно и уверенно, одной рукой держа высоко над головой карабин, он переплыл почти половину реки, когда услышал первый выстрел из дома, затем сразу же еще один, и еще.

Теперь не время было осторожничать — ес-

ли такое время вообще когда-то было. Бешено вспенивая воду, Рейнольдс за несколько секунд достиг берега, коснулся дна, выбрался из воды, отчаянно скользя вовсю работающими ногами по разъезжающейся гальке, залез на уступ берега, переключил карабин с автоматического на одиночный огонь — пулемет не просто бесполезен, он опасен, если в замкнутом пространстве сражаются друзья и враги, — и, пригнувшись, вбежал в бледный прямоугольник света — дверь в дом паромщика. С того момента, как он вышел через эту же дверь, прошло не больше десяти минут.

Жены Янчи в коридоре уже не было, но коридор не был пуст. Из гостиной вышел дэгэбэшник с карабином в руке и закрывал за собой дверь. И в этот момент Рейнольдс понял, что это может означать только одно: бой внутри, если это был бой, а не просто резня, закончился. Дэгэбэшник увидел его, попытался поднять пистолет, но понял, что не успевает, и предупреждающий крик затих в его горле, когда прикладом карабина Рейнольдс со страшной силой ударил его сбоку по голове.

Снова перевернув карабин, Рейнольдс носком ботинка осторожно открыл дверь. Одним быстрым, охватывающим все взглядом окинув

представшую перед ним картину, он понял, что бой и правда окончен. Рейнольдс увидел в комнате шестерых бойцов ДГБ, четверо из которых были еще живы: один лежал почти у его ног в той странной обмякшей расслабленной позе, какая бывает только у мертвых, другой — у стены справа, недалеко от того места, где сидел Дженнингс, положив голову на колени и медленно покачивая ею из стороны в сторону. В дальнем углу один из людей Хидаша наставил карабин на истекающего кровью Янчи, другой привязывал его руки к стулу, на котором Янчи сидел, а неподалеку Казак, лежа на спине, отчаянно боролся с человеком, который, лежа на нем сверху, наносил ему короткие удары по голове. Казак продолжал сопротивляться, и сопротивлялся он так: вокруг шеи его противника был обвит шестнадцатифутовый кнут, и Казак изо всех сил тянул на себя кнутовище, неумолимо и медленно удушая дэгэбэшника, чье лицо приобрело странный синеватый оттенок. Посередине комнаты стоял великан Коко, держа под мышкой девушку и презрительно игнорируя ее бесполезные попытки вырваться, и ухмылялся в зверином предвкушении. Боец, дерущийся с Казаком, перестал бить его, протянул правую руку назад, пошарил на

ремне и из ножен вытащил нож.

Рейнольдса обучали, и обучали безжалостно, старые профессионалы-военные, не раз бывавшие в подобных ситуациях и выживавшие, потому что не требовали от противника сдаться и не тратили ни доли секунды на ненужное обнаружение своего присутствия. Те, кто распахивал дверь пинком и говорил: «Добрый вечер, джентльмены», никогда не доживали до того, чтобы об этом потом рассказывать. Дверь еще тихо раскачивалась на петлях, когда он произвел первый из трех рассчитанных, раздельных, выверенных выстрелов. Первый отбросил напавшего на Казака в угол комнаты, нож выпал из его поднятой руки и со стуком упал на пол, второй достался тому, который наставил карабин на Янчи, а третий — связывавшему Янчи руки. Рейнольдс прицеливался с почти нечеловеческой неторопливостью, чтобы сделать четвертый выстрел — в голову великану Коко, который, защищаясь, выставил девушку перед собой, и тут ствол чьей-то винтовки ударил по его карабину и левому предплечью, отчего оружие с грохотом упало на пол. Когда Рейнольдс открывал дверь, за ней стоял еще один дэгэбэшник, он был полностью спрятан за ней — наверное, дэгэбэшник подумал, что это

возвращается тот, кто только что вышел, но тут Рейнольдс сделал свой первый выстрел.

— Не стреляй в него, не стреляй! — прохрипел Коко.

Небрежным толчком он отшвырнул девушку через всю комнату на диван, а сам стоял, положив руки на бедра, и на его мрачно-злобном лице отразилась борьба между яростью по поводу того, что только что произошло, и восторгом — перед ним Рейнольдс, который сейчас бессилен что-либо сделать. Эта борьба продлилась недолго — чья-либо жизнь, даже жизнь его товарищей, мало что значила для Коко, — и по его звероподобному лицу расползлась ухмылка какого-то богомерзкого предвкушения.

— Проверь, нет ли у нашего друга оружия, — приказал он. Второй сотрудник ДГБ наскоро обыскал Рейнольдса, пошарив руками по его одежде, и повертел головой. — Отлично. Лови. — Коко перебросил карабин своему товарищу и не спеша отер ладони о китель. — Пришло время с вами рассчитаться, капитан Рейнольдс. Или, может, забыли?

Рейнольдс знал, что Коко намерен убить его, и убить не как-нибудь, а непременно голыми руками, чтобы при этом получить удовольствие.

Своей левой рукой он ничего не мог сделать, было такое ощущение, что она сломана, и еще какое-то время будет ни на что не способна. В глубине души Рейнольдс понимал, что у него нет ни единого шанса и сдерживать Коко получится от силы несколько секунд, но он сказал себе, что если бы такой шанс и выпал, то именно сейчас, пока не началась схватка, пока еще сохраняется возможный элемент неожиданности, и с этой мыслью Рейнольдс бросился через комнату и в прыжке ударил ногами в грудь великана. Коко был почти застигнут врасплох — почти, но не совсем. Получив удар, он крякнул от боли и, молотя руками, дернулся в сторону, при этом одной рукой Коко двинул Рейнольдсу по затылку, да так, что тот, чуть ли не кувыркнувшись, больно ушибся спиной о стену возле дивана. Рейнольдс охнул, разом выдохнул из себя весь воздух и несколько мгновений лежал неподвижно, но потом, несмотря на сильную усталость и боль, заставил себя снова подняться на ноги — если ступни Коко настигнут его, пока он еще лежит на полу, то ему уже никогда не встать. Он выступил навстречу надвигающемуся на него великану и изо всех оставшихся сил врезал по оскаленной физиономии; кулак с неприятным звуком

налетел на твердую кость и плоть, но Коко, с презрением проигнорировав удар, с невероятной силой ткнул его в солнечное сплетение, отчего тот зашелся в мучительном кашле.

С такой силой Рейнольдса никогда не били, он представить себе не мог, что кто-то способен так сильно ударить человека. Коко был силен как бык. Несмотря на страшную боль под грудью, несмотря на то что ноги стали резиновыми и его грозила захлестнуть волна тошноты, он все еще стоял на ногах, но только потому, что держался раскинутыми руками за стену, к которой его швырнуло. Ему показалось, что девушка позвала его, но Рейнольдс не был в этом уверен — он как будто внезапно оглох. В глазах тоже все расплылось и потускнело, он лишь смутно различил Янчи, судорожно пытающегося высвободиться из удерживающих его веревок, когда тот увидел, что Коко снова приближается к Рейнольдсу. Без всякой надежды Рейнольдс бросился вперед в последней отчаянной попытке одолеть своего мучителя, но Коко сделал шаг в сторону, рассмеялся, положил Рейнольдсу на спину ладонь, с бешеной силой швырнул его через всю комнату, и тот, врезавшись в косяк двери, медленно сполз на пол.

На несколько мгновений сознание покинуло

его, затем медленно вернулось, и он ошарашенно потряс головой. Коко по-прежнему стоял посреди комнаты: уперев руки в бока, торжествуя каждой черточкой покрытого шрамами злобного лица и по-волчьи растянув губы в предвкушении грядущего удовольствия. Коко хочет его смерти, смутно понимал Рейнольдс, но при этом, чтобы он умирал медленно. Ну, с такими темпами осталось недолго. Сил больше не было, приходилось бороться за каждый вдох, а ноги почти уже отказали.

Превозмогая слабость и головокружение, он кое-как поднялся и стоял теперь, покачиваясь и сознавая лишь то, что комната кружится, тело горит, на губах соленый привкус крови, а его несокрушимый враг стоит посередине комнаты и смеется. «Один раз, — тупо сказал себе Рейнольдс, — он может убить меня только один раз», — и уже протянул руки назад, чтобы неверными шагами сделать последний рывок, когда вдруг увидел, что выражение лица Коко изменилось. В комнату медленно вошел Шандор, железной рукой обхватил грудь Коко и загнал его в угол.

Рейнольдс никогда потом не забудет, какой вид был у Шандора в тот момент: он словно

принадлежал не к этому миру, а вышел из ледяных чертогов скандинавской мифологии. С того момента, как Шандор бросился в ледяную реку, прошло пятнадцать минут, может быть, двадцать, и большую часть этого времени он провел на морозе. Чуть ли не весь Шандор был покрыт льдом, снег, налипший на ледяную корку, тоже успел превратиться в лед. В свете масляной лампы паромщика он сверкал и блестел в этом своем потрескивающем жестком ледяном одеянии, как какой-то гость-призрак из сказочного чужого мира.

Дэгэбэшник, стоявший у двери, застыл от потрясения с открытым ртом, затем сделал видимое усилие, чтобы прийти в себя, бросил на пол один из карабинов — он держал свой и тот, что ему передал Коко, — попытался направить оставшийся на Шандора, но опоздал. Шандор схватил карабин, вырвал его у дэгэбэшника, словно палку у маленького ребенка, и свободной рукой оттолкнул дэгэбэшника к стене. Тот выругался, сделал два быстрых шага и с рычанием бросился на противника, но Шандор просто схватил его за шиворот, описал дэгэбэшником полный круг в воздухе и с чудовищной силой швырнул через всю комнату, так что тот, ударившись о стену, на

мгновение гротескно повис на ней, словно удерживаемый там невидимыми руками, а потом грохнулся на пол, как сломанная, отслужившая свое кукла.

Когда боец ДГБ бросился на Шандора, Юля соскользнула с дивана и прыгнула на спину Коко, обхватив его руками и пытаясь задержать хотя бы на секунду. Но руки девушки даже не смогли сойтись на великаньей груди Коко, он легко освободился от ее хватки, оттолкнул девушку в сторону, даже не взглянув на нее, и, навалившись на потерявшего равновесие Шандора, стал наносить ему размашистые удары, словно бы работал кувалдой. Шандор тяжело рухнул на пол, Коко прыгнул на него сверху и обхватил горло Шандора своими огромными руками. Торжествующей ухмылки на лице Коко уже не было, блеска предвкушения в его маленьких черных глазках не было тоже: он дрался за свою жизнь и знал это.

Некоторое время Шандор лежал неподвижно, а Коко неумолимо сжимал ему горло железными пальцами, вкладывая в это всю свою мощь, отчего его массивные плечи сгорбились. Но вот Шандор зашевелился, поднял руки и схватил Коко за запястья.

Рейнольдс, все еще слабый и едва способный

стоять на ногах, и Юля, крепко державшая его за руки, как зачарованные смотрели на эту картину. Тело Рейнольдса пронизывала боль, но даже сквозь боль он как будто вновь ощутил что-то вроде той муки, которую испытал, когда Шандор во время их первой встречи схватил его за предплечья и сжал их — просто сжал, а не так, как сейчас, глубоко впившись кончиками скрюченных пальцев в сухожилия на запястьях Коко.

Сначала на лице Коко отразилось потрясение — он не мог поверить в происходящее, — затем боль, а потом страх, когда запястье сдавило, словно в тисках. Пальцы, обхватывающие горло Шандора, стали медленно разжиматься. Продолжая держать Коко за запястья, Шандор чуть оттолкнул его в сторону, встал, потянул противника на себя, быстро отпустил запястья и обхватил великана, прежде чем тот успел понять, что происходит.

Рейнольдс сначала подумал, что Шандор собирается отшвырнуть Коко от себя, и по выражению облегчения, на миг появившемуся у противника на лице, можно было понять, что тот думает точно так же, но если это и было правдой, то вскоре пришли разочарование, боль и страх, и все это в то мгновение, когда Шандор сильно надавил головой на грудь Коко, высоко поднял плечи и

стал сжимать великана в смертельных объятиях. Коко, должно быть, окончательно понял, что из этих объятий ему уже никогда не вырваться. Страх в его глазах сменился на ужас, исказивший черты лица, от недостатка воздуха лицо стало синевато-красным, изо рта вырвался гортанный стон, лишенные дыхания легкие отчаянно пытались вдохнуть, а кулаки в бешенстве лихорадочно колотили Шандора по спине и плечам — с таким же эффектом он мог бы бить ими о гранитную скалу.

Рейнольдсу эти мгновения запомнились не тем, как Коко в панике молотит руками, не его потемневшей, искаженной болью физиономией и даже не лишенным какого-либо выражения лицом Шандора с его по-прежнему добрым взглядом, а тем, как потрескивал лед, пока Шандор все сильнее, все безжалостнее сжимал Коко, и ужасом, отразившимся на лице Юли. Рейнольдс прижал девушку к себе и, прикрыв Юлины уши, изо всех сил пытался не дать ей слышать хриплый, страшный вопль, заполнивший комнату, а затем медленно затихший и оборвавшийся.

Глава 15

Было начало пятого утра, когда Янчи остановился посреди густых зарослей высокого, в человеческий рост, камыша, повернулся и подождал, пока остальные его догонят. Они шли гуськом: Юля, Рейнольдс, Казак и доктор Дженнингс бок о бок с Шандором, который то поддерживал профессора, то нес его через замерзшие болота на руках. Шли, низко опустив голову, все, кроме Шандора, передвигались с трудом, спотыкаясь на каждом шагу, — казалось, еще чуть-чуть и наступит полное изнеможение.

И причины для него были. Два часа и три мили отделяли их от места, где они оставили грузовик, два часа, в течение которых они, петляя, пробирались сквозь заросли замерзшего камыша, с треском ломавшегося от легкого прикосновения, два часа, в течение которых они постоянно спотыкались, пробираясь по тонкому хрустящему льду застывших болот. Лед был недостаточно прочный, чтобы выдержать вес их тел, но достаточно коварный и неприятный, передвигаться приходилось с трудом, высоко поднимая ногу,

перед тем как сделать очередной шаг, когда нога снова проваливалась сквозь лед в замерзшую грязь, и часто выше колена. Но лед в ту ночь оказался и их спасением: в таких условиях пускать пограничных собак на поиски было делом безнадежным, они не справились бы со своей задачей. Действительно, пройдя эти три мили, беглецы не видели и не слышали ни собак, ни пограничников: в такую ночь даже фанатичные дозорные ДГБ сидят на своих пограничных вышках рядом с горячей печкой и пропускают мимо кого ни попадя.

Эта ночь была такой же, как та, когда Рейнольдс переходил границу: сияние холодных звезд в холодной пустыне неба, легкое дыхание ветра, проносящегося порывами на болотах, — горького ветра, касавшегося щек ледяными когтями и уносившего замерзшее дыхание сквозь тихо шелестевшие камыши. На какое-то время Рейнольдс погрузился в воспоминания о той первой ночи, когда он лежал на снегу — тогда было так же холодно, и, кажется, даже холоднее, в лицо дул ледяной ветер, а в небе мерцали звезды. Сделав почти физическое усилие, он отогнал от себя воспоминания о той ночи, потому что сразу же приходил на память полицейский блок-пост и то,

как там появился Граф, и у Рейнольдса начинало ныть сердце, когда он в сотый раз думал о том, что Граф никогда уже не вернется.

— Михаил, сейчас не до мечтаний, — мягко произнес Янчи.

Рейнольдс кивнул кое-как забинтованной головой, наклонился вперед, раздвинул высокие камыши, чтобы разглядеть, что за ними, и увидел ледяную поверхность канала, шириной футов в десять, уходящего в обе стороны, на сколько хватало глаз. Рейнольдс выпрямился и посмотрел на Янчи:

— Канал?

— Просто канава. Небольшая водоотводная канава, но самая важная во всей Европе. На другой стороне — Австрия. — Янчи улыбнулся. — Пять метров до свободы, Михаил, до свободы и успеха от выполненного задания. Теперь вас ничто не остановит.

— Теперь меня ничто не остановит, — эхом повторил Рейнольдс. Он произнес это безжизненным, монотонным голосом. Желанная свобода почти не радовала его, а тем более успех миссии: от этого успеха только горечь во рту, цена оказалась непомерно высокой. Хуже всего, пожалуй, то, что ждет впереди, а Рейнольдс с мрачной

уверенностью знал, что это «впереди» будет. Он задрожал от лютого холода. — Янчи, становится еще холоднее. Тут переходить безопасно? Пограничников нет поблизости?

— Тут переходить безопасно.

— Тогда пойдемте, не будем больше ждать.

— Я не пойду. — Янчи покачал головой. — Только вы, профессор и Юля. Я останусь здесь.

Рейнольдс с угрюмым видом кивнул и ничего не ответил. Он знал, что́ скажет Янчи, и точно так же понимал, что обсуждать это бесполезно. Рейнольдс отвернулся, и тут Юля высвободилась из его объятий и схватила отца за отвороты шинели:

— Что ты сказал, Янчи? Что ты сказал?

— Пожалуйста, Юля. По-другому нельзя, ты же знаешь — нельзя. Я должен остаться.

— Ох, Янчи! Янчи! — Охваченная тревогой, она трясла его за отвороты. — Ты не можешь остаться, не должен, не сейчас — после всего, что случилось!

— Вот как раз после всего, что случилось, я и должен остаться. — Он обнял ее, притянул к себе и сказал: — Мне нужно работать, у меня много работы, я ведь едва начал что-то делать. Если я сейчас все брошу, Граф никогда меня не про-

стит. — Он пригладил ее белокурые волосы своей изрезанной шрамами, изуродованной рукой. — Юля, Юля, как я могу обрести свободу для себя, зная, что сотни бедных людей навсегда останутся лишенными свободы, если она не придет через меня, — никто не сможет помочь им так, как смогу я, ты же знаешь. Как я могу купить себе за счет других счастье, которое и счастьем-то не назовешь? Неужели ты думаешь, что я смогу спокойно жить где-нибудь на Западе, пока здесь молодых людей продолжают отправлять на Черноморский канал, а умирающих старух сгоняют работать на свекловичных полях, когда снег еще не сошел с земли? Юля, неужели ты и в самом деле так плохо обо мне думаешь?

— Янчи. — Она зарылась лицом в его шинель, и голос ее звучал приглушенно. — Я не могу оставить тебя, Янчи.

— Можешь и должна. Раньше тебя не знали, но теперь знают, и тебе нельзя оставаться в Венгрии. Мне ничего не грозит, моя дорогая, пока жив Шандор. И Казак тоже за мной присмотрит.

Казак выпрямился в освещаемой звездами ночи и как будто стал выше ростом.

— И ты сможешь расстаться со мной? Сможешь меня отпустить? — спросила Юля отца.

— Я больше не нужен тебе, дитя мое. Ты была со мной все эти годы, потому что считала, что нужна мне, а теперь Михаил о тебе позаботится. Ты это знаешь.

— Да. — Ее голос звучал теперь совсем глухо. — Он очень добр.

Янчи взял ее за плечи и, держа на расстоянии вытянутой руки, посмотрел ей в глаза.

— Для дочери генерал-майора Иллюрина ты такая глупенькая… Разве ты не понимаешь, дорогая моя, что, если бы не ты, Михаил не стал бы возвращаться на Запад?

Она повернулась и внимательно посмотрела на Рейнольдса. Он увидел, что ее глаза блестят в звездном свете от непролитых слез.

— Это… Это правда?

— Правда. — Рейнольдс чуть улыбнулся. — Мы долго спорили, но я проиграл. Он не берет меня ни за какую цену.

— Простите. Я не знала. — Голос ее прозвучал безжизненно. — Значит, это конец.

— Нет, моя дорогая, это только начало.

Янчи прижал ее к себе и обнял. Тело девушки сотрясали сухие беззвучные рыдания. Янчи посмотрел через ее плечо и кивнул Рейнольдсу с Шандором. Рейнольдс кивнул в ответ, молча

пожал покрытую шрамами искалеченную руку, тихо попрощался с Казаком, раздвинул высокие камыши и спустился к канаве. За ним последовал Шандор, державший конец кнута Казака. Рейнольдс, в руке у которого был другой конец, осторожно ступил на лед. Когда он сделал следующий шаг, нога провалилась, и теперь он стоял на илистом дне, по самые бедра погрузившись в ледяную воду. Не обращая внимания на цепенящий холод и разбивая перед собой лед, он выбрался на противоположный берег. «Австрия, — сказал он себе, — вот Австрия», но это слово ничего для него не значило.

За его спиной раздался всплеск, он повернулся и увидел Шандора, медленно идущего по воде и битому льду и несущего высоко на руках доктора Дженнингса. Не успел Рейнольдс принять профессора, как Шандор отправился обратно на венгерскую сторону, бережно взял у Янчи девушку и тоже перенес ее через канаву. На мгновение она изо всех сил прильнула к отцу, словно боясь разорвать последнюю связь с жизнью, которую оставляла позади, а затем Рейнольдс наклонился, подхватил ее и поставил на берегу рядом с собой.

— Не забудьте, что я вам сказал, доктор Дженнингс, — негромко прокричал Янчи. Он и Казак

вышли из камышей и стояли на другом берегу. — Мы идем по длинной темной дороге, но мы не хотим идти по ней вечно.

— Не забуду. — Дженнингс дрожал от холода. — Я никогда этого не забуду.

— Это хорошо. — Прощаясь, Янчи чуть склонил свою забинтованную седую голову. — С Богом. Do widzenia.

— Do widzenia, — эхом отозвался Рейнольдс.

Do widzenia — до свидания. Он повернулся, взял Юлю и доктора Дженнингса за руки и повел их, дрожащего старика и беззвучно плачущую девушку, вверх по пологому склону к полю и свободе, которая лежала за ним. Наверху он ненадолго обернулся и увидел, как трое мужчин медленно, не оглядываясь, уходят по венгерским болотам, а потом скрываются из виду за высокими камышами, — он знал, что никогда больше их не увидит.